ISSN 2223-4047

ВЕСТНИК

МАГИСТРАТУРЫ

9-2, 2026

научный журнал

ВЕСТНИК МАГИСТРАТУРЫ 9-2 (180) 2026

Научный журнал

издается с сентября 2011 года

Учредитель:

ООО «Коллоквиум»

Полное или частичное воспроизведение материалов, содержащихся в настоящем издании, допускается только с письменного разрешения редакции.

Адрес редакции:
424002, Россия,
Республика Марий Эл,
г. Йошкар-Ола,
ул. Первомайская, 136 «А».
тел. 8 (8362) 65 – 44-01.
e-mail: magisterjourn@gmail.com.
http: // www.magisterjournal.ru.
Редактор: Е. А. Мурзина
Дизайн обложки: Студия PROekT
Перевод на английский язык
Е. А. Мурзина

Распространяется бесплатно.
Дата выхода: 15.10.2026 г.
ООО «Коллоквиум»
424002, Россия,
Республика Марий Эл,
г. Йошкар-Ола,
ул. Первомайская, 136 «А».

Главный редактор Е. А. Мурзина

Редакционная коллегия:

Е. А. Мурзина, канд. экон. наук, доцент (главный редактор).

А. В. Бурков, д-р. экон. наук, доцент (г. Йошкар-Ола).
В. В. Носов, д-р. экон. наук. профессор (г. Москва)
В. А. Карачинов, д-р. техн. наук, профессор (г. Великий Новгород)
Н. М. Насыбуллина, д-р. фарм. наук, профессор (г. Казань)
Р. В. Бисалиев, д-р. мед. наук, доцент (г. Астрахань)
В. С. Макеева, д-р. педаг. наук, профессор (г. Орел)
Н. Н. Сентябрев, д-р. биолог. наук, профессор (г. Волгоград)
Н.С. Ежкова, д-р. педаг. наук, профессор (г. Тула)
И. В. Корнилова, д-р. истор. наук, доцент (г. Елабуга)
А. А. Чубур, канд. истор наук, профессор (г. Брянск).
М. Г. Церцвадзе, канд. филол. наук, профессор (г. Кутаиси).
Н. В. Мирошниченко, канд. экон. наук, доцент (г.Саратов)
Н. В. Бекузарова, канд. педаг. наук, доцент (г. Красноярск)
К. В. Бугаев, канд. юрид. наук, доцент (г. Омск)
Ю. С. Гайдученко, канд. ветеринарных.наук (г. Омск)
А. В. Марьина, канд. экон. наук, доцент (г. Уфа)
М. Б. Удалов, канд. биолог.наук, науч.сотр. (г. Уфа)
Л. А. Ильина, канд. экон. наук. (г. Самара)
А. Г. Пастухов, канд. филол. наук, доцент, (г.Орел)
А. А. Рыбанов, канд. техн. наук, доцент (г. Волжский)
В. Ю. Сапьянов, канд. техн. наук, доцент (г. Саратов)
О. В. Раецкая, канд. педаг. наук, преподаватель(г. Сызрань)
А. И. Мосалёв, канд. экон. наук, доцент (г. Муром)
С. Ю. Бузоверов, канд. с-хоз. наук, доцент (г. Барнаул)

© ООО «Коллоквиум», 2026

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

М.В. Колобан ПРОБЛЕМА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИЕЙ ЖИЛИЩНОГО ФОНДА ГОРОДА 4

О.Н. Мишин ВЛИЯНИЕ АВТОМАТИЗАЦИИ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМ ПРОЦЕССОМ НА ЭНЕРГЕТИЧЕСКУЮ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГАЗОТУРБИННОЙ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ НА ПРИМЕРЕ ПАЭС-2500 10

Д.А. Михайлюк ОПТИМИЗАЦИЯ ИНТЕРВАЛОВ ПЛАНОВО-ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНОГО РЕМОНТА МНА НА НПС ЗА СЧЕТ ПРИМЕНЕНИЯ НЕЙРОСЕТЕЙ ПРИ КОНТРОЛЕ ВИБРАЦИИ МНА 13

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Т.В. Сибринина ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТНОЙ АВТОНОМИИ ПОДРОСТКОВ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ АГРЕССИВНОСТИ 17

О.Б. Тамаровская СЕМЕЙНЫЕ ФАКТОРЫ И РОДИТЕЛЬСКОЕ ОТНОШЕНИЕ КАК ДЕТЕРМИНАНТЫ ЛИЧНОСТНОЙ ТРЕВОЖНОСТИ МЛАДШИХ ПОДРОСТКОВ 20

Т.А. Калинина СКЛОННОСТЬ К АДДИКТИВНОМУ ПОВЕДЕНИЮ У ПОДРОСТКОВ: ФАКТОРЫ РИСКА, ДИАГНОСТИКА И ПУТИ ПРОФИЛАКТИКИ 23

Т.А. Калинина ВЗАИМОСВЯЗЬ САМООЦЕНКИ И СКЛОННОСТИ К АДДИКТИВНОМУ ПОВЕДЕНИЮ У ПОДРОСТКОВ 25

С.Ю. Зайцева ДИНАМИКА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗАЩИТ В ПРОЦЕССЕ КАТАТИМНО-ИМАГИНАТИВНОЙ ПСИХОТЕРАПИИ 27

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

К.А. Тихомирова К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ ПОНЯТИЯ И РОЛИ УЧИТЕЛЯ ОТ ДРЕВНОСТИ ДО НАШИХ ДНЕЙ 29

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

И.П. Ермоленко ВИЗУАЛИЗАЦИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ: УРОВНИ СУЩЕСТВОВАНИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА 32

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

А.А. Медведев ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ НА УРОВНЕ СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ 36

А.А. Медведев АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЗА 2023–2025 ГГ. 40

А.А. Медведев ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ НА УРОВНЕ СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ РЕАЛИЗАЦИИ 43

В.С. Фетисов НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ ИНВЕСТИЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРЕДПРИЯТИЯ ЧЕРЕЗ МЕХАНИЗМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ 47

М.И. Трубин ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ 49

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

А.Т. Сат СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩУЮ ПОВЫШЕННУЮ ОПАСНОСТЬ ДЛЯ ОКРУЖАЮЩИХ 52

Ш.С. Файзуллаев, М.А. Ходжибаева ПРОВОКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ОПЕРАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ: ГРАНИЦЫ ДОПУСТИМОГО В ПРАКТИКЕ ЕСПЧ И РОССИЙСКИХ СУДОВ 56

Ш.С. Файзуллаев, Ж.С. Хайитов СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ В ГЕРМАНИИ: ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СУДЕЙ 59

К.А. Никитина СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕОКАЗАНИЯ ПОМОЩИ БОЛЬНОМУ (СТ. 124 УК РФ) 62

Р.М. Абдуррагимов РЕТРОСПЕКТИВА ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ 65

А.О. Лешкин ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СЕМЕЙНО-БЫТОВОЙ СФЕРЕ 67

А.И. Бабич ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ ПРАВ НА НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО И НОРМАТИВНОГО ПОНИМАНИЯ 70

А.И. Бабич ЦИФРОВИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ ПРАВ НА НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ 73

Н.А. Шарапов ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ ПРИ УПРАВЛЕНИИ ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИЕЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА 77

К.А. Никитина ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ СЛУЖЕБНОГО ПОДЛОГА 81

К.Н. Арапова СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ 84

М.А. Крамаренко ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ В РОССИИ 87

М.В. Рубан ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ОРГАНАМИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ 91

М.Е. Меньщиков ВОЗМОЖНОСТЬ ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ СТАТЕЙ 137 И 138 УК РФ В СВЯЗИ СО СЛОЖНОСТЬЮ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ 96

Н.Г. Боякова ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА БЮДЖЕТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК РАБОТОДАТЕЛЕЙ: СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ ТРУДОВЫХ ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ 98

Н.Г. Боякова ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОПЛАТЫ ТРУДА В БЮДЖЕТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ: АНАЛИЗ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ 102

Н.Г. Боякова СИСТЕМА ОПЛАТЫ ТРУДА РАБОТНИКОВ БЮДЖЕТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ: НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ 105

А.В. Сафонова ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ 108

А.Г. Двинская ВНЕСУДЕБНОЕ БАНКРОТСТВО ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА, СТАТИСТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ 111

А.Г. Двинская СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНСТИТУТА ВНЕСУДЕБНОГО БАНКРОТСТВА ГРАЖДАНИНА: БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ 114

Ю.И. Корелина МЕРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ 118

Информация для авторов 122

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

М.В. Колобан

ПРОБЛЕМА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИЕЙ ЖИЛИЩНОГО ФОНДА ГОРОДА

В статье рассматриваются актуальные проблемы совершенствования организационно-экономического механизма управления жилищным фондом города. Такой подход сформулирован как ключевой фактор повышения эффективности деятельности при эксплуатации объектов социальной инфраструктуры в целом и изношенного жилого фонда в частности. На основе анализа данных мониторинга технического состояния жилищного фонда города ранних лет постройки, авторы разработали ряд конкретных мероприятий к снижению финансовых издержек.

***Ключевые слова**. Социальная инфраструктура, реновация, капитальный ремонт, реконструкция, организационный механизм, система управления, эффективность эксплуатации, мониторинг, техническое освидетельствование, издержки.*

Современное состояние жилищного фонда российских городов характеризуется высокой степенью физического и морального износа. Острота указанной проблемы осложнена значительными объемами объектов жилого фонда, введенного в эксплуатацию в 1960–1980-х гг. и фактически отработанного срока эксплуатации по всем 89 субъектам РФ. Именно поэтому принята Государственная Программа реновации жилого фонда и другой социальной инфраструктуры городов.

© М.В. Колобан, 2026.

Научный руководитель: *Сергеева Нина Дмитриевна* – доктор технических наук, профессор, Брянский государственный инженерно-технологический университет, Россия.

Реновация жилого фонда, построенного в 60-80 годах, обусловлена достижением предельного уровня физического и морального его износа, планируется принятой в РФ соответствующей государственной Программы. Программа реновации жилого фонда представляет собой комплекс мероприятий, направленных на создание благоприятных условий проживания граждан и улучшение городской среды и рассчитана на период с 2017 по 2032 гг. [1]. Изучение материалов практического опыта проведения реновации в г. Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге и Казани показало, что при определении стоимости работ по капитальному ремонту и реконструкции зданий, социальной инфраструктуры, производственные издержки существенно отличаются. Это свидетельствует о том, что процессы рассматриваются как «пилотные» на фоне фактически полного отсутствия практического опыта и рекомендаций на производство таких работ. Ситуация осложнена тем, что здания социальной инфраструктуры не имеет паспортов технического состояния. А там, где техническое обследование текущего состояния, например «хрущёвок» выявило значительный разброс в оценке несущей способности строительных конструкций. Именно этим объясняется почему трудно планировать процессы по капитальному ремонту, реконструкции или сносу, а также точно рассчитывать финансовые издержки.

В условиях ограниченности бюджетных ресурсов, роста стоимости строительных материалов и услуг, а также ужесточения требований к безопасности и энергоэффективности зданий, проблема повышения эффективности управления капитальным ремонтом и реконструкцией актуальна. Город Ростов-на-Дону как и множество других городов - не исключение. Жилой фонд города по состоянию на 2026 год представлен ниже в табл.1.

Таблица 1

Объемы жилого фонда г.Ростов-на-Дону по состоянию на 2026 год [10]

Показатель	Значение
Общее количество многоквартирных домов	7 241
Количество исправных домов	6 665 (92,05%)
Количество аварийных домов	237 (3,27%)
Количество ветхих домов	35 (0,48%)
Количество домов без актуальных данных	304 (4,20%)
Диапазон этажности	от 1 до 28 этажей
Средняя этажность	2
Диапазон годов постройки	1827 — 2022
Максимальное количество этажей (28)	2 дома
Максимальное количество квартир (1 136)	1 дом
Максимальное количество подъездов (25)	1 дом
Наибольшее количество домов на одной улице	Проспектк4 0-летия Победы — 221 дом

Данные оценки состояния объемов жилого фонда города таковы:

- 6 665 домов или 92,05% от общего количества - могут быть отнесены к категории «удовлетворительное техническое состояние»;

- в составе жилого фонда присутствует достаточно большая доля зданий, требующих капитального ремонта или реконструкции, из которых 237 домов или 3,27% - оцениваются как аварийные, а 35 зданий или ,48% - как непригодные для безопасного проживания;

- 304 зданий или 4,20% фактически не обследованы и неясно их техническое состояние (рисунок 1).

Поэтому вышеприведенные данные должны быть основой для уточнения программы проведения объемов капитального ремонта или их реконструкции. Но, планирование реализации такой программы невозможна без анализа объемов перспективной застройки жилого фонда города. Ниже на рисунке 2 представлено распределение объемов строительства по девелоперам в масштабе не только города, но и всей Ростовской области.

Анализ данных распределения объемов застройки показал, что рынок характеризуется высокой степенью монополизации: пять строительных компаний пвыполняют более 61% всего объема строительства, что по мнению авторов сдерживает возможности решения актуальной задачи по снижению производственных издержек. Поэтому с учетом сложившейся ситуации в городе в рамках данного исследования основное внимание было сосредоточено на комплексном анализе организационно-экономических механизмов совершенствования системы управления жилищным фондом города, рассматриваемых как ключевой фактор повышения эффективности капитального ремонта и реконструкции объектов социальной инфраструктуры. Достижение цели сопряжена с решением проблемы, возникающей в процессе планирования, по достижению координации частно-государственного финансирования программы, в том числе за счет привлечения более широкого круга девелоперов строительной сферы города.

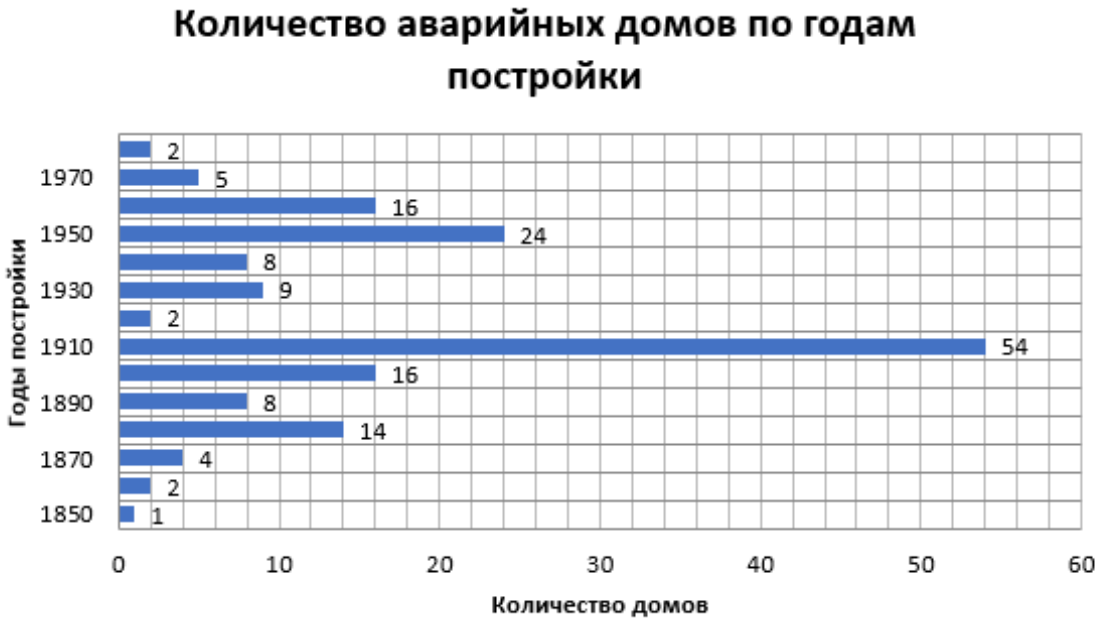

Рис. 1. Распределение зданий жилого фонда д города по дате постройки

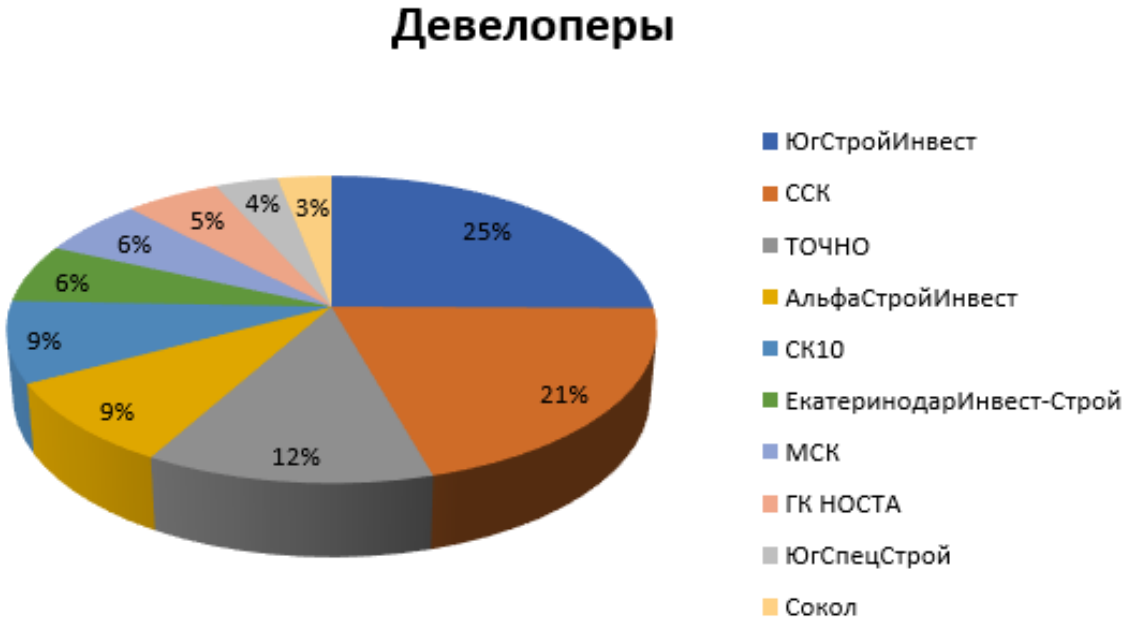

Рис. 2. Распределение объемов строительства по девелоперам города и Ростовской области

С одной стороны, крупные девелоперы обладают достаточными финансовыми ресурсами для внедрения инновационных технологий капитального ремонта на этапе строительства, а с другой стороны, их высокая рыночная доля позволяет органам власти выстраивать партнерские отношения в рамках государственно-частного партнерства, заключая соглашения о передаче части социальной инфраструктуры в эксплуатацию с последующей ее реконструкцией за счет средств девелоперов.

Динамика жилищного строительства в регионе за последние годы продемонстрировала значительный рост объемов ввода жилья: общий показатель по Ростовской области достиг 7 783 тыс. кв. м, при этом более 70% этого объема сконцентрировано в административном центре — городе Ростове-на-Дону – рисунок 3.

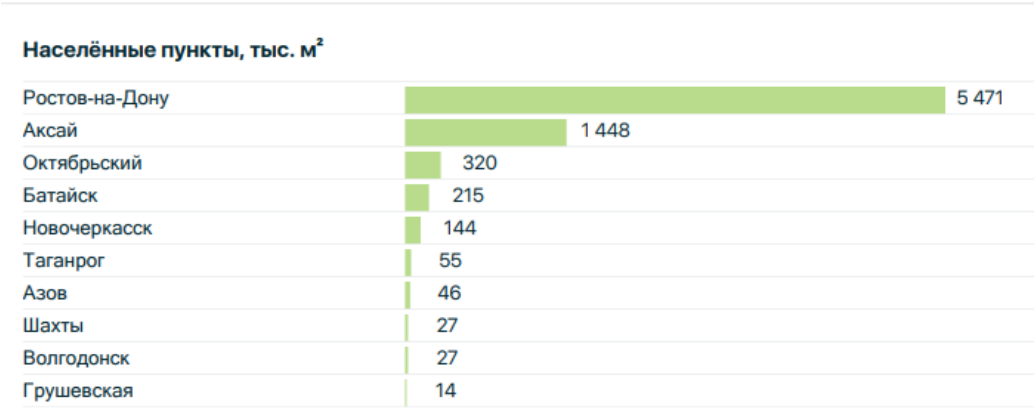

Рис. 3. Структура объемов жилищного строительства в Ростовской области (по состоянию на 2026 г.)

Распределение объемов возводимого жилого фонда:

- общий объем запланированного возведения зданий жилого фонда закреплен региональным показателем в 7 783 тыс. кв. м ;

- в административном центре г. Ростов-на-Дону запланировано возведение 5 471 тыс. кв. м или порядка 70% от общего объема;

- в г. Аксай объем составляет 1 448 тыс. кв. м, что составляет 18,6% от объема; -в г. Батайске запланировано возведение 215 тыс. кв. м;

- в г. Новочеркасске - соответственно 144 тыс. кв. м;

- в г.Таганроге - запланировано возведение - 55 тыс. кв. м;

- в г. Азове - 46 тыс. кв. м ;

- в г. Шахты и в г. Волгодонске - по 27 тыс. кв. м;

- в станице Грушевской запланировано возведение 14 тыс. кв. м.

Считаем, что поставленная цель исследования по снижению производственных издержек, связанная с решением задачи совершенствования системы управления, подтверждается данными (рис.3) и должна быть связана с применением дифференцированных организационно-экономических механизмов. Эти механизмы включают и инструменты масштабной цифровизации и стандартизации операций капитального ремонта и реконструкции, направленных на снижение производственных издержек за счет консолидации ресурсов и оптимизации логистики.

Основные результаты проведенного анализа показали, что жилой фонд г. Ростова-на-Дону характеризуется высокой степенью неоднородности как по техническим характеристикам, так и по их состоянию.

При этом анализ распределения аварийных домов по периодам постройки показал, что наибольшая концентрация аварийного фонда приходится :

-на объекты дореволюционной постройки (1850–1910-е гг. - 81 здание или 30% ;

-на объекты, возведенные в 1910-е гг. — 54 здание, что составляет 20% ;

-на объекты , возведенные в 1950-е гг. – 24 здания или 9% ;

-на объекту, возведенные в 1970–1980-е гг. – 7 зданий .

Приведенные данные указывают на необходимость постоянного мониторинга.

Динамика жилищного строительства в регионе , а также анализ объемов капитального ремонта и реконструкции жилого фонда ранних лет постройки, включая аварийное, свидетельствуют о сложности планирования и их проведения ввиду огромного дисбаланса технического состояния, а значит полного отсутствия достоверной информации для определения финансовых издержек и данных логистики. Совершенствование управления на первом этапе требует проведение полной технической инвентаризации всех объектов.

Во-первых, качестве первоочередной меры рекомендуется проведение сплошного обследования 304 зданий , не имеющих актуальных данных о техническом состоянии, с внедрением цифровых паспортов зданий, что позволит устранить информационный вакуум и повысить достоверность прогнозирования объемов будущих работ.

Во-вторых, учитывая критическую концентрацию аварийного фонда 81 здание дореволюционной постройки и 24 здания постройки 1950-х гг., необходима целевая программа реконструкции зданий с полной заменой инженерных систем и усилением несущих конструкций.

В-третьих, для объектов, возведенных после 2000 г., рекомендуется внедрение системы непрерывного мониторинга для выявления скрытых дефектов на ранних стадиях, что позволит минимизировать производственные издержки на их устранение через соглашения с крупными девелоперами.

В-четвертых, для 221 зданий малоэтажного жилого фонда в целом по Ростовской области, целесообразна разработка индивидуальных решений по модернизации инженерных коммуникаций.

В пятых - для высотных комплексов механизмы должны содержать стандартизированные операции капитального ремонта и реконструкции на базе данных мониторинга, с целями снижения производственных издержек за счет масштабирования типовых решений.

В-шестых, для отдаленных муниципалитетов с малым объемом ввода жилья рекомендуется применение механизмов межмуниципальной консолидации заказов на капитальный ремонт, что позволит оптимизировать логистику и снизить стоимость работ за счет эффекта масштаба.

На основе проведенного анализа сформулированы следующие основные выводы для дальнейшего исследования, а именно:

-система управления жилищным фондом г. Ростова-на-Дону требует перехода от ситуационного режима реагирования на аварийные ситуации к системному;

-в качестве первоочередной меры необходимо проведение сплошного обследования, основанного на полной технической инвентаризации всех объектов.

- система управления жилищным фондом г. Ростова-на-Дону требует внедрения цифровых паспортов зданий, что обеспечить достоверность прогнозирования объемов будущих работ;

- необходимо разработать целевую программу поэтапного вывода из эксплуатации исторической застройки, а также комплексную программу реконструкции зданий 1950-х годов с полной заменой инженерных систем и усилением несущих конструкций;

- для объектов, возведенных после 2000 г., необходимо в практике управления внедрение системы постоянного мониторинга, позволяющего выявлять скрытые дефекты на ранних стадиях и минимизировать затраты на их устранение;

- в условиях высокой монополизации рынка необходимо введение в практику управления реализация Соглашения с крупными девелоперами, что позволит оптимизировать логистику и снизить стоимость работ за счет эффекта масштаба.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что актуальная проблема совершенствования системы управления жилищным фондом города должна опираться на комплексное сочетание организационных, экономических и технологических механизмов, учитывающих как техническое состояние объектов, так и пространственную локализацию, этажность, годы постройки и рыночную структуру строительного сектора. Только такой интегрированный подход позволит рационализировать производственные издержки, оптимизировать распределение средств фонда капитального ремонта и обеспечить устойчивое развитие городской среды в долгосрочной перспективе.

Библиографический список:

1. Распоряжение Правительства РФ от 31 октября 2022 г. № 3268-р Об утверждении Стратегии развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства РФ на период до 2030 г. с прогнозом до 2035 г.

2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 04.08.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026). // Сборник Кодексов Российской Федерации. М., 2026.

3.Постановление Правительства РФ «Правила предоставления коммунальных услуг гражданам» от 23.05.06 №307.

4.Гражданский Кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 30.12.2012) // Сборник Кодексов Российской Федерации. М., 2026.

5.Бурков В. Н., Новиков Д. А. Модели и механизмы систем в управлении качеством. // Проблемы теории и практики управления. - 2008. - №4. - с. 18-22

6.Выбор эффективных направлений развития энергогенерирующих мощностей в Европейской части страны / Р.З. Аминов,В.А. Хрусталев, А.А. Шкрет, М.В. Гориевский // Теплоэнергетика. – 2003. – № 4. С. 64–67.

7.Гутман Г.В. Совершенствование системы управления жилищно-коммунальным комплексом в условиях рыночных реформ.-Владимир: ВлГУ,2012.-151с.

8. Дмитриенко, Т. В. Эффективность управления реконструкцией жилищного фонда крупного города (на примере Санкт-Петербурга) / Т. В. Дмитриенко, Сайнзаяа Эрдэнэбилэг. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2014. — № 11 (70). — С. 45-49. — URL: https://moluch.ru/archive/70/11811.

9. Михайлов С.Н., Сергеева Н.Д К вопросу системного подхода к организации технического обслуживания жилых здани. Научный журнал «Вестник магистратуры «ISSN 2223-4047 VestnikMagistratury. № 4 -3 (67), Йошкар-Ола, 2017

10. Основные показатели жилищного строительства. ЕИСЖС https://наш.дом.рф/аналитика/показатели_жилищного_строительства?ysclid=muad1hlmef621737652

11.Побудительные мотивы энергосбережения. Доклад С. Алексеенко на Научно-координационном Совете СО РАН по энергосбережению. Архитектура и строительство Москвы, 2011.

12.Повышение энергетической эффективности жилых и общественных зданий в Москве. Доклад ВасильеваГ. П. и Дмитриева А. Н. на Научно-координационном Совете СО РАН по энергосбережению Архитектура и строительство Москвы, 2011.

13.Руководство для мэров по организации и управлению городским хозяйством. /Пол общ.ред. проф. П.Г.Грабового и проф. Л.Н.Чернышева. — М.: «Реадпроект», 2004.-528с.

14.Сергеева Н.Д., Матвеев А.А., Вербицкий А.С.Бацанов Д.Н. Научно-техническое обеспечение реализации стратегии модернизации строительной отрасли. Znanstvenamisel journal The journal is registered and published in Slovenia №5/2017 .ISSN 3124-1123 VOL.I- с.47-55.

15.Садыков А.С. и др. Организация управления коммунальным хозяйством крупного города. М.: Стройиздат, 2011.-176 с.

16. Сеферян Л.А. Организация управления жилищным фондом крупного города для обеспечения устойчивого развития: Диссертация на соискание ученой степени кандидата технических наук. – Иваново, 2018. – 219 с.

17. Список аварийных домов в Ростове-на-Дону по адресу. https://dom.mingkh.ru/avarijnye/rostovskaya-oblast/rostov-na-donu

18. Чекалин В.С., Сахарова О.В. Механизмы стратегического планирования капитального ремонта жилищного фонда крупного города (региона) в условиях цифровизации. – Россия: тенденции и перспективы развития, 2022. – С. 231-234.

19.Яновский В. В. Город как система и объект управления Введение и проблемы управления городским хозяйством. СПб.: Изд-во Сев.-Зап, акад. гос. службы, 1998.

КОЛОБАН МАКСИМ ВИТАЛЬЕВИЧ – студент, Брянский государственный инженерно-технологический университет, Россия.

О.Н. Мишин

ВЛИЯНИЕ АВТОМАТИЗАЦИИ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМ ПРОЦЕССОМ НА ЭНЕРГЕТИЧЕСКУЮ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГАЗОТУРБИННОЙ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ НА ПРИМЕРЕ ПАЭС-2500

В статье рассматриваются вопросы влияния автоматизации системы управления технологическим процессом (СУ ТП) на энергетическую эффективность мобильной газотурбинной электростанции ПАЭС-2500, созданной на базе авиационных двигателей АИ-20. Показано, что внедрение автоматизированного управления режимами работы двух газотурбинных установок позволяет сократить удельный расход топлива на 2–5 %, повысить точность поддержания параметров генерируемой электроэнергии и снизить эксплуатационные затраты. Предложены направления модернизации СУ ТП: автоматическая оптимизация загрузки агрегатов, дискретизация режимов пуска и останова, интеграция системы в единый диспетчерский контур.

Ключевые слова: *газотурбинная электростанция, ПАЭС-2500, двигатель АИ-20, автоматизация, система управления технологическим процессом, энергетическая эффективность, удельный расход топлива, передвижная электростанция.*

Развитие распределённой энергетики, необходимость обеспечения электроснабжения удалённых и труднодоступных территорий, а также задачи аварийного резервирования делают актуальным применение передвижных электростанций малой и средней мощности. Одним из типовых решений такого класса в Российской Федерации является передвижная аварийная электростанция ПАЭС-2500, построенная на базе авиационных турбовинтовых двигателей АИ-20К [1].

Авиационные ГТД, адаптированные для стационарных и передвижных энергоустановок, обладают высокой надёжностью, компактностью и быстротой запуска, однако их энергетическая эффективность в наземных условиях существенно зависит от качества управления режимами работы. Ручное или частично автоматизированное управление приводит к работе двигателя на неоптимальных режимах, к росту удельного расхода топлива и к отклонениям частоты и напряжения сети. В этих условиях автоматизация системы управления технологическим процессом рассматривается как один из наиболее экономически оправданных путей повышения энергетической эффективности электростанции.

Целью настоящей работы является повышение энергетической эффективности газотурбинной электростанции ПАЭС-2500 с двигателями АИ-20 и обоснование направлений модернизации системы управления.

Объект исследования. ПАЭС-2500 представляет собой передвижную автоматизированную электростанцию мощностью 2500 кВт, размещённую на шасси повышенной проходимости. В её состав входят две газотурбинные установки на базе двигателей АИ-20К, каждая из которых работает на собственный синхронный генератор; номинальная мощность одного агрегата составляет 1250 кВт [1].

Двигатель АИ-20 — турбовинтовой (турбовальный) ГТД с осевым десятиступенчатым компрессором, камерой сгорания кольцевого типа и трёхступенчатой турбиной. Эффективный КПД двигателя на номинальном режиме достигает 28–30 %, а удельный расход топлива составляет порядка 0,27–0,30 кг/(кВт·ч) в зависимости от режима и температуры наружного воздуха [1].

© О.Н. Мишин, 2026.

Научный руководитель: *Шаповалов Сергей Владимирович* – кандидат технических наук, доцент, Тольяттинский государственный университет, Россия.

Таблица 1

Основные характеристики ПАЭС-2500

№ п/п	Параметр	Значение
1	Номинальная мощность станции	2500 кВт
2	Мощность одного агрегата	1250 кВт
3	Тип двигателей	АИ-20К, 2 шт.
4	Напряжение генерируемой сети	400/230 В (0,4 кВ)
5	Частота тока	50 Гц
6	Удельный расход топлива (номинальный режим)	0,27–0,30 кг/(кВт·ч)
7	Время выхода на режим после пуска	2–5 мин
8	Род тока / число фаз	переменный / трёхфазный

Станция предназначена для электроснабжения потребителей в условиях отсутствия стационарных источников энергии: при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, при аварийных ситуациях в энергетике, при снабжении вахтовых посёлков и объектов нефтедобычи [1].

Система управления технологическим процессом: существующее состояние. В базовой конфигурации ПАЭС-2500 управление технологическим процессом построено по релейно-контактной схеме с элементами ручного дистанционного управления. К оператору относятся следующие функции:

- выбор и пуск одного или двух агрегатов;
- ручное распределение нагрузки между работающими генераторами;
- контроль частоты вращения роторов двигателей и корректировка режима подачи топлива;
- контроль температуры газов за турбиной;
- отключение агрегатов при отклонении параметров сети.

Такая структура управления приводит к ряду энергетических потерь. Во-первых, при работе двух агрегатов на неполную нагрузку каждый из двигателей operates на режимах с повышенным удельным расходом топлива: характеристике ГТД свойственен существенный рост удельного расхода при снижении мощности ниже 60–70 % от номинала. Во-вторых, ручная корректировка частоты вращения не позволяет удерживать температуру газов за турбиной на границе допустимой зоны с той точностью, которая обеспечивается автоматическим регулятором, что вынуждает эксплуатанта вводить запас по режиму и тем самым недоиспользовать мощность установки. В-третьих, длительные режимы холостого хода и прогрева, назначаемые вручную «с запасом», увеличивают непроизводительный расход топлива.

Направления автоматизации и оценка эффекта

Модернизация СУ ТП ПАЭС-2500 может быть проведена по следующим направлениям.

1. Автоматическая оптимизация загрузки агрегатов. Внедрение контроллера, распределяющего нагрузку между двумя ГТУ по критерию минимума суммарного расхода топлива, позволяет переводить станцию в режим работы одного агрегата на нагрузке, близкой к номинальной, вместо двух агрегатов на пониженных режимах. Как показывает практика эксплуатации мобильных ГТУ, экономия топлива в этом случае достигает 3–5 % [2].

2. Автоматическое регулирование температуры газов за турбиной. Точная поддержание предельно допустимой температуры газов с помощью электронного регулятора позволяет работать ближе к экономичному режиму без нарушения ресурсных ограничений. Ожидаемое снижение удельного расхода топлива — 1–2 %.

3. Автоматизация пусковых и переходных режимов. Программное управление последовательностью пуска, прогрева и набора нагрузки сокращает время работы на неэкономичных режимах и уменьшает расход топлива на пуско-остановные операции на 10–15 % в пересчёте на суточный цикл эксплуатации [3].

4. Интеграция в единый диспетчерский контур. Передача телеметрии (частота, напряжение, температура газов, расход топлива) на верхний уровень и автоматическая синхронизация агрегатов на сеть сокращают время переключений и снижают долю неоптимальных режимов, вызванных человеческим фактором.

Количественная оценка энергетической эффективности. Рассмотрим типовой режим эксплуатации: среднесуточная нагрузка 1600 кВт при номинальной мощности станции 2500 кВт. При ручном управлении нагрузка распределяется между двумя агрегатами по 800 кВт каждый, что соответствует 64 % номинальной мощности одного двигателя. По характеристикам АИ-20 в этой зоне удельный расход топлива повышается на 4–6 % относительно номинального режима.

При автоматизированном управлении контроллер СУ ТП переводит станцию в одноблочный режим с загрузкой оставшегося агрегата до 1250 кВт и кратковременным подключением второго агрегата в часы пиковой нагрузки. Суммарный расход топлива за сутки в этом случае снижается ориентировочно на

4 %, что при номинальном часовом расходе топлива одного двигателя порядка 370–400 кг/ч даёт экономию порядка 1,5–2 т топлива в месяц при круглосуточной эксплуатации.

Таблица 2

Сравнительная оценка режимов эксплуатации ПАЭС-2500
при ручном и автоматизированном управлении

№ п/п	Показатель	Ручное управление	Автоматизированное СУ ТП
1	Точность поддержания частоты, Гц	±1,5	±0,2
2	Точность поддержания напряжения, %	±5	±1
3	Удельный расход топлива на номинальной нагрузке, кг/(кВт·ч)	0,30	0,285–0,29
4	Снижение удельного расхода топлива	—	2–5 %
5	Продолжительность выхода на номинальный режим, мин	6–8	3–5
6	Расход топлива на пуско-остановные операции	базовый	снижение на 10–15 %

Дополнительный эффект достигается за счёт автоматизации пуско-остановных операций: сокращение времени выхода на режим с 6–8 до 3–5 минут при двух пусках в сутки экономит порядка 0,3–0,5 т топлива в месяц.

Таким образом, суммарный энергетический эффект автоматизации СУ ТП ПАЭС-2500 оценивается в 5–7 % по расходу топлива, а повышение точности поддержания частоты и напряжения дополнительно снижает вероятность отключений потребителей и повышает качество электроэнергии.

Выводы. Автоматизация СУ ТП мобильной газотурбинной электростанции ПАЭС-2500 является экономически оправданным направлением повышения её энергетической эффективности: ожидаемое снижение удельного расхода топлива составляет 2–5 %, а с учётом пуско-остановных режимов — до 5–7 %.

Наибольший эффект достигается при автоматической оптимизации распределения нагрузки между агрегатами и точном поддержании температуры газов за турбиной.

Модернизация системы управления может быть выполнена поэтапно — от внедрения контроллера оптимизации загрузки до полной интеграции станции в диспетчерский контур энергосистемы.

Результаты работы применимы и к другим мобильным энергоустановкам на базе конвертированных авиационных ГТД.

Библиографический список:

1. Каталог продукции. Газотурбинные электростанции на базе двигателя АИ-20 // АО «Мотор Сич». – Запорожье, 2015.

2. Цанев С. В., Буров В. Д., Ремезов А. Н. Газотурбинные и парогазовые установки тепловых электростанций. – М.: Изд-во МЭИ, 2002. – 584 с.

3. Кухлинг Х. Справочник по физике. – М.: Мир, 1985. – 520 с.

МИШИН ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ – магистрант, Тольяттинский государственный университет, Россия.

Д.А. Михайлюк

ОПТИМИЗАЦИЯ ИНТЕРВАЛОВ ПЛАНОВО-ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНОГО РЕМОНТА МНА НА НПС ЗА СЧЕТ ПРИМЕНЕНИЯ НЕЙРОСЕТЕЙ ПРИ КОНТРОЛЕ ВИБРАЦИИ МНА

В статье рассматривается задача оптимизации интервалов планово-предупредительного ремонта (ППР) магистральных насосных агрегатов (МНА) нефтеперекачивающих станций (НПС) на основе данных непрерывного вибрационного контроля. Показаны ограничения действующей календарно-наработочной системы ППР, при которой межремонтные интервалы назначаются без учета фактического технического состояния агрегата. Предложена методика, в которой нейросетевая модель на основе рекуррентной сети с долгой краткосрочной памятью (LSTM) прогнозирует тренд вибрационных параметров МНА и оценивает остаточный ресурс до достижения предельного уровня вибрации, а полученная оценка используется для корректировки планового межремонтного интервала. Приведен алгоритм расчета оптимизированного интервала ППР и результаты модельного эксперимента, демонстрирующие сокращение числа необоснованных остановов агрегатов и снижение риска внеплановых отказов.

Ключевые слова: *магистральный насосный агрегат, нефтеперекачивающая станция, планово-предупредительный ремонт, вибродиагностика, нейронная сеть, LSTM, остаточный ресурс, обслуживание по фактическому состоянию.*

Магистральные насосные агрегаты являются основным технологическим оборудованием нефтеперекачивающих станций, определяющим надежность и энергоэффективность транспорта нефти по магистральным трубопроводам. Единичная мощность электропривода МНА достигает 6–8 МВт, а внеплановый останов агрегата приводит к снижению производительности участка нефтепровода, перераспределению нагрузки на соседние НПС и значительным экономическим потерям. В этих условиях вопросы организации технического обслуживания и ремонта МНА имеют первостепенное значение для эксплуатирующих организаций.

В настоящее время техническое обслуживание и ремонт МНА на НПС организованы по системе планово-предупредительного ремонта, при которой периодичность технического обслуживания, текущего, среднего и капитального ремонтов устанавливается нормативными документами в зависимости от наработки агрегата в часах [3]. Так, для магистральных насосов типа НМ наработка между текущими ремонтами, как правило, составляет порядка 4–6 тыс. ч, между средними — 12–18 тыс. ч, а межремонтный период до капитального ремонта достигает 36–48 тыс. ч в зависимости от типоразмера и условий эксплуатации. Система ППР обладает несомненными достоинствами: простотой планирования, возможностью заблаговременного заказа запасных частей и согласования остановов с графиком перекачки.

Вместе с тем жесткая привязка ремонтов к наработке имеет существенные недостатки. Фактический темп деградации узлов МНА — подшипников скольжения, торцовых уплотнений, муфт, элементов проточной части — зависит от режима перекачки, свойств нефти, качества монтажа и центровки, состояния фундамента и ряда других факторов и может различаться в несколько раз для однотипных агрегатов. В результате часть агрегатов выводится в ремонт при значительном остаточном ресурсе, что сопряжено с неоправданными затратами и риском внесения дефектов при разборке и сборке, тогда как у другой части агрегатов отказы развиваются раньше планового срока и выявляются уже на стадии аварийной сигнализации. [1]

Нормативной альтернативой жесткому ППР является обслуживание по фактическому техническому состоянию, основным инструментом которого для роторного оборудования служит вибрационный контроль. Согласно ГОСТ ИСО 10816-1 и ГОСТ Р 55265.3 оценка состояния машины производится по среднеквадратическому значению (СКЗ) виброскорости, измеряемому на невращающихся частях — корпусах подшипниковых опор, в диапазоне частот 10–1000 Гц [2, 4]. Для МНА отраслевыми документами

© Д.А. Михайлюк, 2026.

Научный руководитель: *Ахмадуллин Руслан Камильевич* – кандидат технических наук, доцент, Тюменский индустриальный университет, город Тюмень, Россия.

установлены уровни предупредительной и аварийной сигнализации по СКЗ виброскорости, которые обычно принимаются равными соответственно 7,1 и 11,2 мм/с. На современных НПС агрегаты оснащены стационарными системами вибромониторинга, передающими данные в систему автоматизации НПС и в автоматизированные системы технического обслуживания и ремонта, что формирует обширные массивы данных о вибрационном состоянии агрегатов за весь период эксплуатации.

Однако на практике эти данные используются преимущественно для защитного отключения агрегата при превышении уставок и для периодической экспертной оценки спектров вибрации специалистами диагностических служб. Такой подход является реактивным: решение о ремонте принимается после того, как дефект уже развился до значимого уровня, а сами плановые интервалы ППР при этом не корректируются. Задача настоящего исследования состоит в разработке методики, позволяющей на основе накопленных данных вибромониторинга с применением нейросетевых моделей прогнозировать развитие вибрационного состояния МНА и обоснованно корректировать интервалы планово-предупредительного ремонта в сторону как увеличения, так и сокращения.

Выбор нейронных сетей в качестве инструмента прогнозирования обусловлен характером решаемой задачи. Зависимость вибрационных параметров от наработки имеет нелинейный, нестационарный характер, осложняется влиянием режимных факторов (подача, давление на входе, температура нефти, число работающих агрегатов) и содержит значительную шумовую составляющую. Классические регрессионные и экспоненциальные модели трендов в таких условиях дают неудовлетворительную точность. Искусственные нейронные сети, напротив, являются универсальными аппроксиматорами и способны выявлять скрытые зависимости непосредственно из данных без задания аналитической формы модели [5]. Для анализа временных рядов наиболее эффективны рекуррентные сети с долгой краткосрочной памятью (LSTM), которые благодаря механизму управляемых «вентилей» способны учитывать долгосрочные зависимости и устойчивы к проблеме затухания градиента [6]. Обзоры современных исследований подтверждают, что LSTM-сети и их модификации показывают наилучшие результаты в задачах прогнозирования остаточного ресурса роторного оборудования по вибрационным данным [7, 9].

Предлагаемая методика включает четыре последовательных этапа: формирование и предобработка данных, построение вектора диагностических признаков, обучение и применение нейросетевой модели прогнозирования, расчет оптимизированного интервала ППР.

На первом этапе из системы вибромониторинга НПС извлекаются временные ряды СКЗ виброскорости по всем точкам контроля МНА (как правило, это передняя и задняя опоры насоса и электродвигателя в вертикальном, горизонтальном и осевом направлениях), а также синхронизированные с ними технологические параметры и данные о наработке и проведенных ремонтах из системы управления ТОиР. Данные приводятся к единому шагу дискретизации (например, 1 ч), исключаются интервалы простоя и переходные режимы пуска–останова, устраняются выбросы и пропуски. Для исключения влияния режима перекачки значения вибрации нормируются к базовому режиму с использованием регрессионной поправки на подачу агрегата.

На втором этапе формируется вектор признаков, характеризующих техническое состояние агрегата. Помимо общего уровня СКЗ виброскорости в него включаются амплитуды спектральных составляющих на оборотной частоте и ее гармониках, на лопаточной частоте, в полосах частот, характерных для дефектов подшипников и расцентровки, пик-фактор и эксцесс виброускорения, а также температура подшипников [1, 8]. Такой состав признаков позволяет модели реагировать на зарождающиеся дефекты на ранней стадии, когда общий уровень вибрации еще не изменился существенно. Состав вектора признаков и его связь с типовыми дефектами МНА приведены в таблице 1.

Таблица 1

Состав диагностических признаков нейросетевой модели контроля вибрации МНА

№ п/п	Диагностический признак	Выявляемый дефект (состояние)
1	СКЗ виброскорости в полосе 10–1000 Гц	Общее техническое состояние агрегата
2	Амплитуда на оборотной частоте 1·fоб	Дисбаланс ротора, изгиб вала
3	Амплитуда на гармониках 2·fоб, 3·fоб	Расцентровка валов, дефекты муфты
4	Амплитуда на лопаточной частоте z·fоб	Гидродинамические дефекты проточной части, кавитация
5	Уровень вибрации в полосе 0,5·fоб и субгармоник	Автоколебания в подшипниках скольжения, ослабление посадок
6	Уровень вибрации в высокочастотной полосе 1–10 кГц, пик-фактор, эксцесс	Дефекты подшипников, недостаток смазки
7	Температура подшипниковых опор	Нарушение режима смазки, повышенное трение
8	Подача и давление на входе насоса	Режимные факторы (нормирующие признаки)

На третьем этапе строится нейросетевая модель. В работе предложена архитектура, включающая два последовательных слоя LSTM (по 64 нейрона), слой исключения (dropout) для регуляризации и полносвязный выходной слой. На вход модели подается скользящее окно признаков за предшествующие 168 ч (одна неделя) эксплуатации, на выходе формируется прогноз нормированного СКЗ виброскорости по каждой контролируемой опоре на горизонт до 720 ч (30 сут). Модель обучается методом обратного распространения ошибки во времени с оптимизатором Adam на исторических данных по парку однотипных агрегатов, включающих полные циклы «ремонт — наработка — ремонт», что позволяет сети усвоить типовые траектории деградации.

Дополнительно в модели реализован автокодировщик на основе LSTM, обучаемый только на данных исправного состояния агрегата после ремонта. Ошибка восстановления сигнала автокодировщиком используется как интегральный индикатор аномальности: ее устойчивый рост свидетельствует о появлении дефекта еще до выхода отдельных параметров за нормативные уставки. Таким образом, модель решает две задачи — раннего обнаружения аномалий и прогнозирования тренда.

На четвертом этапе по результатам прогноза определяется остаточный ресурс агрегата до достижения предупредительного уровня вибрации. Прогнозная траектория СКЗ виброскорости продлевается до момента пересечения уставки, и время до этого момента принимается за оценку остаточного ресурса:

$$T_{ост} = \min\{\tau : \hat{v}_i(t + \tau) \geq v_{пред},\ i = 1 \ldots n\}, \quad (1)$$

где $\hat{v}_i(t + \tau)$ — прогнозное значение СКЗ виброскорости в i-й точке контроля через время τ от текущего момента t; $v_{пред}$ — предупредительный уровень вибрации (7,1 мм/с); n — число точек контроля.

Поскольку прогноз нейросети содержит неопределенность, в расчет вводится запас, пропорциональный среднеквадратической ошибке прогноза σ на соответствующем горизонте. Оптимизированный интервал до очередного ремонта определяется по формуле:

$$T_{опт} = \min\{k_{max} \cdot T_{ппр} ;\ T_{ост} - k_{\sigma} \cdot \sigma(T_{ост})\}, \quad (2)$$

где $T_{ппр}$ — нормативный интервал ППР по наработке; k_{max} — максимально допустимый коэффициент продления нормативного интервала (принимается равным 1,25–1,5 по согласованию с эксплуатирующей организацией); k_{σ} — коэффициент доверия, определяющий требуемую вероятность безотказной работы до планового останова (при $k_{\sigma} = 2$ вероятность составляет около 0,977 при нормальном распределении ошибки).

Формула (2) обеспечивает двунаправленную корректировку интервала: для агрегатов с благоприятной динамикой вибрации плановый ремонт отодвигается, но не более чем в k_{max} раз относительно норматива, а для агрегатов с выявленной тенденцией к росту вибрации ремонт назначается раньше нормативного срока с заданным запасом надежности. Расчет повторяется при каждом обновлении данных (например, еженедельно), что позволяет службе главного механика НПС поддерживать актуальный скользящий график ремонтов и своевременно планировать поставку запасных частей.

Для проверки работоспособности методики выполнен модельный эксперимент на наборе данных вибромониторинга, включающем временные ряды по восьми магистральным насосным агрегатам типа НМ за период, охватывающий несколько межремонтных циклов. Данные по шести агрегатам использовались для обучения модели, по двум — для тестирования. Качество прогноза оценивалось по средней абсолютной процентной ошибке (MAPE) прогноза СКЗ виброскорости и по ошибке оценки остаточного ресурса. Сравнение проводилось с традиционными методами экстраполяции тренда — линейной регрессией и экспоненциальным сглаживанием. Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2

Результаты сравнения методов прогнозирования вибрационного состояния МНА (модельный эксперимент)

Показатель	Линейная регрессия	Экспоненциальное сглаживание	Нейросетевая модель (LSTM)
MAPE прогноза СКЗ виброскорости на горизонте 7 сут, %	11,8	9,6	4,3
MAPE прогноза СКЗ виброскорости на горизонте 30 сут, %	24,5	19,7	8,9
Средняя ошибка оценки остаточного ресурса, сут	14,2	10,8	4,6
Доля дефектов, обнаруженных ранее срабатывания предупредительной сигнализации, %	—	—	87
Среднее опережение обнаружения дефекта относительно предупредительной сигнализации, сут	—	—	21

Как видно из таблицы 2, нейросетевая модель обеспечивает снижение ошибки прогноза вибрации в 2–3 раза по сравнению с традиционными методами экстраполяции, а ошибка оценки остаточного ресурса не превышает пяти суток, что приемлемо для планирования ремонтов на уровне НПС. Применение

автокодировщика позволило обнаружить большинство развивающихся дефектов в среднем за три недели до срабатывания предупредительной сигнализации, что дает достаточный запас времени для подготовки ремонта. [7]

Расчет оптимизированных интервалов ППР по формуле (2) для тестовых агрегатов показал, что для агрегатов с устойчиво низким уровнем вибрации интервал до текущего ремонта может быть обоснованно увеличен на 20–35 % относительно нормативного, тогда как для одного из агрегатов с нарастающей вибрацией на лопаточной частоте ремонт был рекомендован на 18 % ранее планового срока. В пересчете на парк агрегатов типовой НПС это соответствует сокращению числа плановых остановов примерно на четверть при одновременном снижении риска внеплановых отказов, что, по оценкам, обеспечивает снижение затрат на ТОиР МНА на 12–18 %.

Следует отметить ограничения предложенного подхода. Качество нейросетевого прогноза существенно зависит от объема и полноты обучающей выборки, прежде всего от наличия в ней данных о развитии дефектов до стадии ремонта; для новых типов агрегатов требуется этап накопления данных с использованием переноса обучения с родственных типоразмеров. Кроме того, корректировка интервалов ППР в сторону увеличения должна выполняться в рамках, допускаемых отраслевой нормативной документацией, и сопровождаться экспертной верификацией результатов работы модели специалистами диагностических служб.

Таким образом, проведенное исследование показало, что применение нейронных сетей для анализа данных стационарного вибромониторинга МНА позволяет перейти от жесткой календарно-наработочной системы ППР к адаптивному планированию ремонтов по прогнозируемому техническому состоянию. Предложенная методика, включающая LSTM-модель прогнозирования вибрационного тренда, автокодировщик для раннего обнаружения аномалий и формулу расчета оптимизированного интервала ремонта с учетом неопределенности прогноза, может быть реализована как программный модуль, интегрируемый с существующими системами вибромониторинга и управления ТОиР нефтеперекачивающих станций. Дальнейшее развитие работы связано с расширением обучающей выборки на парк агрегатов нескольких НПС, учетом экономических критериев при выборе коэффициентов k_{max} и k_σ и верификацией методики в условиях промышленной эксплуатации.

Библиографический список:

1. Барков А.В., Баркова Н.А. Вибрационная диагностика машин и оборудования. Анализ вибрации: учебное пособие. – СПб.: Изд. центр СПбГМТУ, 2004. – 156 с.

2. ГОСТ ИСО 10816-1-97. Вибрация. Контроль состояния машин по результатам измерений вибрации на невращающихся частях. Часть 1. Общие требования. – М.: ИПК Издательство стандартов, 1998.

3. РД 153-39ТН-008-96. Руководство по организации эксплуатации и технологии технического обслуживания и ремонта оборудования и сооружений нефтеперекачивающих станций. – Уфа: ИПТЭР, 1997.

4. ГОСТ Р 55265.3-2012 (ИСО 10816-3:2009). Вибрация. Контроль состояния машин по результатам измерений вибрации на невращающихся частях. Часть 3. Промышленные машины номинальной мощностью более 15 кВт и номинальной скоростью от 120 до 15000 мин⁻¹. – М.: Стандартинформ, 2014.

5. Хайкин С. Нейронные сети: полный курс. – 2-е изд. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2006. – 1104 с.

6. Hochreiter S., Schmidhuber J. Long short-term memory // Neural Computation. – 1997. – Vol. 9, No. 8. – P. 1735–1780.

7. Lei Y., Yang B., Jiang X., Jia F., Li N., Nandi A.K. Applications of machine learning to machine fault diagnosis: A review and roadmap // Mechanical Systems and Signal Processing. – 2020. – Vol. 138. – Art. 106587.

8. Гумеров А.Г., Гумеров Р.С., Акбердин А.М. Диагностика оборудования нефтеперекачивающих станций. – М.: Недра-Бизнесцентр, 2003. – 347 с.

9. Zhang W., Yang D., Wang H. Data-driven methods for predictive maintenance of industrial equipment: A survey // IEEE Systems Journal. – 2019. – Vol. 13, No. 3. – P. 2213–2227.

МИХАЙЛЮК ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ – магистрант, Тюменский индустриальный университет, Россия.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ *НАУКИ*

Т.В. Сибринина

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТНОЙ АВТОНОМИИ ПОДРОСТКОВ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ АГРЕССИВНОСТИ

В работе был проведён теоретический анализ личностной автономии и агрессивности подростков.

Ключевые слова: *автономия подростков, уровень агрессивности, агрессивность, подростковый возраст.*

Подростковый период – это время окончания детства и переход к следующему этапу - взрослости. Д.Б. Эльконин подразделяет эпоху подростничества на два возраста: младший (12–14 лет) и старший (15–17 лет) [13]. Главными психологическими потребностями подростка в этот период являются стремление к взаимодействию со сверстниками («группированию»), к самостоятельности и независимости, отделению от родителей и значимых взрослых, к принятию своих прав окружающими людьми.

© Т.В. Сибринина, 2026.

Научный руководитель: *Лазарева Наталья Эдуардовна* – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии института образования и практической психологии, Челябинский государственный университет, Россия.

О.А. Карабанова и Н.Н. Поскребышева считают, что достижение личностной автономии – это способность к самостоятельной постановке жизненных целей, осуществление личностного, свободного выбора, обретение уверенности в себе. В рамках их подхода автономия – это способность самостоятельно принимать решения и реализовывать их; владение своим поведением, способность обеспечить постановку, планирование и реализацию целей субъектом, находящимся в системе социальных отношений [7].

В современной психологии автономия рассматривается как сложное личностное образование, имеющее многокомпонентную структуру. А.А. Реан, Л. Стейнберг и С. Сильверберг выделяют следующие компоненты автономии: поведенческий (активность, независимость инициации поведения), когнитивный (оценка подвластности жизнеосуществления), эмоциональный (свобода выражения эмоций независимо от чувств других, способность определять, дифференцировать и вербализовать эмоции) и ценностный (независимость принципиальных ценностей и убеждений) [1; 11]

Агрессивность трактуется как относительно устойчивая черта личности, выражающаяся в готовности к агрессивному поведению и склонности интерпретировать поведение окружающих как враждебное [2]. В современной психологии сложилось несколько концептуальных подходов к определению агрессивности.

Согласно определению Т.Г. Румянцевой, агрессивность представляет собой диспозиционное образование, компонент структуры психических свойств личности, который в силу своей устойчивости способен предопределять генеральную тенденцию поведения [5].

Несколько иначе трактуют данное понятие психологи Р. Бэрон и Д. Ричардсон: «агрессивность – относительно устойчивая черта личности, выражающаяся в готовности к агрессии, а также в склонности воспринимать и интерпретировать поведение другого как враждебное» [6].

По-своему определяет «агрессивность» психолог С.Н. Еникополов: «личностная характеристика, приобретённая и зафиксированная в процессе развития личности на основе социального научения и заключающаяся в агрессивных реакциях на различного рода раздражители» [10].

Р.С. Немов понимает агрессивность как враждебность в поведении человека по отношению к другим людям, стремление причинить им неприятности [3].

Сопоставление приведённых позиций позволяет выделить несколько ключевых измерений трактовки агрессивности: диспозиционально-личностное (устойчивая черта личности у Т.Г. Румянцевой, Р. Бэрона и Д. Ричардсона), поведенческо-реактивное (система реакций на раздражители у С.Н. Еникополова и Р.С. Немова), когнитивно-интерпретативное (склонность видеть враждебность у Р. Бэрона и Д. Ричардсона) и энергетически-активационное (внутренняя сила сопротивления у Ф. Аллана и Л. Бендер). Каждый подход вносит важные акценты, однако ни один из них не является исчерпывающим, что обусловлено сложностью и многомерностью самого феномена агрессивности.

Классификация видов агрессивности является важным инструментом анализа данного феномена. Наиболее признанной в психологической литературе считается типология, предложенная А. Бассом и А. Дарки, которая находит широкое применение как в теоретических исследованиях, так и в диагностической практике. Они выделили восемь видов агрессивных реакций, объединяемых в несколько более крупных категорий: физическая агрессия; косвенная агрессия; раздражение; негативизм; обида; подозрительность; вербальная агрессия; чувство вины [9].

Именно в подростковый период у подростка формируется способность к самостоятельному целеполаганию, эмоциональной саморегуляции и ценностному самоопределению, что неизбежно влечёт за собой перестройку всей системы детско-родительских отношений. Однако процесс обретения автономии нередко становится источником острых внутрисемейных конфликтов, поскольку родители, с одной стороны, стремятся поддержать взросление ребёнка, а с другой – испытывают тревогу, связанную с утратой контроля и необходимостью пересмотра привычных воспитательных стратегий.

Таким образом, можно прийти к нескольким выводам.

Во-первых, личностная автономия представляет собой интегративную способность субъекта к самостоятельной регуляции поведения, принятию решений и выстраиванию системы ценностей, относительно независимой от внешнего давления. В современной психологии автономия рассматривается как сложное многокомпонентное образование, включающее поведенческий, когнитивный, эмоциональный и ценностный компоненты. Развитие данных компонентов в подростковом возрасте отличается гетерохронностью: ценностный и когнитивный компоненты демонстрируют наиболее высокие показатели, поведенческий занимает среднюю позицию, а эмоциональный – характеризуется наименьшей выраженностью. Теоретический анализ показал, что становление автономии является центральной линией развития в подростковом возрасте, обеспечивающей переход к взрослости и связанной с трансформацией детско-родительских отношений, изменением самосознания и поиском новых форм социального взаимодействия. В отечественной психологии автономия концептуализируется через категории свободы, ответственности, саморегуляции и самодетерминации, что позволяет рассматривать её как интегративную характеристику личностной зрелости и психологического благополучия.

Во-вторых, феномен агрессивности в подростковом возрасте представляет собой многомерное явление, имеющее выраженную возрастную, гендерную и ситуационную специфику. Наиболее признанной классификацией видов агрессивности является типология А. Басса и А. Дарки, включающая физическую, вербальную, косвенную агрессию, раздражение, негативизм, обиду, подозрительность и чувство вины. Особенности проявления каждого вида агрессивности в подростковом возрасте определяются комплексом биологических (гормональная перестройка), психологических (кризис идентичности, эмоциональная лабильность) и социальных факторов (характер семейного воспитания, референтная группа сверстников). Установлено, что физическая агрессия наиболее характерна для младших подростков и с возрастом уступает место вербальным формам, тогда как косвенная агрессия и негативизм занимают значительное место в поведении старших подростков.

В-третьих, сопоставление феноменов личностной автономии и агрессивности позволяет утверждать, что их взаимосвязь носит сложный, неоднозначный характер и требует эмпирической проверки. С одной стороны, агрессивное поведение может выступать инструментом достижения автономии, формой протеста против взрослых и способом утверждения собственной взрослости. С другой стороны, эмпирические исследования демонстрируют наличие отрицательных корреляций между показателями автономии и физической агрессией, что позволяет трактовать агрессивность как индикатор трудностей в развитии автономии. Выявленные противоречия указывают на необходимость дифференцированного анализа связи отдельных компонентов автономии с различными формами агрессивности.

Таким образом, проведённый теоретический анализ позволяет утверждать, что личностная автономия и агрессивность являются взаимосвязанными феноменами подросткового возраста, характер этой взаимосвязи требует эмпирического изучения, а психологическое консультирование семей представляет собой перспективное направление практической работы, направленной на гармонизацию развития автономии и профилактику агрессивных проявлений. В связи с этим в следующей статье эмпирическая часть исследования направлена на выявление особенностей личностной автономии подростков с различным уровнем агрессивности для последующей разработки программы психологического консультирования семей.

Библиографический список:

1.Алёшина, Ю.Е. Индивидуальное и семейное психологическое консультирование [Текст] / Ю.Е. Алёшина. – М.: Класс, 2007. – 208 с.

2.Андреева, Е.В. Агрессивность: понятие и сущность [Текст] / Е.В. Андреева // Инновации-2011. – Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2011. – С. 171–172.

3.Басс, А.Г. Психология агрессии [Текст] / А.Г. Басс // Вопросы психологии. – 2005. – №3. – С. 21-25.

4.Боуэн, М. Теория семейных систем [Текст] / М. Боуэн. – М.: Когито-Центр, 2005. – 496 с.

5.Бэрон, Р. Агрессия [Текст] / Р. Бэрон, Д. Ричардсон. – СПб.: Питер, 2001. – 352 с.

6.Еникополов, С.Н. Понятие агрессии в современной психологии [Текст] / С.Н. Еникополов // Прикладная психология. – 2001. – № 1. – С. 60–72.

7.Карабанова, О.А. Развитие личностной автономии подростков в отношениях с родителями и сверстниками [Текст] / О.А. Карабанова, Н.Н. Поскребышева // Вестник Московского университета. – 2011. – № 2. – С. 36-47.

8.Минухин, С. Техники семейной терапии [Текст] / С. Минухин, Ч. Фишман. – М.: Класс, 1998. – 304 с.

9.Молчанов, С.В. Развитие личностной автономии как условие формирования ориентации подростка в моральной сфере [Текст] / С.В. Молчанов, Н.Н. Поскребышева, А.А. Запуниди, О.С. Маркина // Культурно-историческая психология. – 2015. – № 4. – С. 22–29.

10.Немов, Р.С. Психология: словарь-справочник [Текст] / Р.С. Немов. – М.: ВЛАДОС, 2003. – 304 с.

11.Реан, А.А. Свобода: ответственность, негативизм, забота [Текст] / А.А. Реан // Вестник Московского университета. – 2021. – №3. – С. 83–101.

12.Шарапов, А.О. Технологии психологического консультирования [Текст] / А.О. Шарапов, О.В. Матвеев. – М.: Юрайт, 2026. – 178 с.

13.Эльконин, Д.Б. Детская психология [Текст] / Д.Б. Эльконин. – М.: Академия, 2007. – 384 с.

СИБРИНИНА ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА – магистрант, Челябинский государственный университет, Россия.

О.Б. Тамаровская

СЕМЕЙНЫЕ ФАКТОРЫ И РОДИТЕЛЬСКОЕ ОТНОШЕНИЕ КАК ДЕТЕРМИНАНТЫ ЛИЧНОСТНОЙ ТРЕВОЖНОСТИ МЛАДШИХ ПОДРОСТКОВ

В статье рассматриваются ключевые особенности младшего подросткового возраста, в том числе личностная тревожность этой группы. Охарактеризованы основные типы родительского отношения и специфика их влияния на возникновение личностной тревожности младших подростков.

Ключевые слова: *тревожность, личностная тревожность, младший подросток, родительское отношение.*

Младший подростковый возраст является достаточно сложным и противоречивым периодом. Изменения происходят кардинальные по всем сферам жизни. Это касается как физического и физиологического развития, так и психического. В частности, это заметно в заметном возрастании значения взаимодействия со сверстниками и снижения желания общаться со взрослыми. Из-за подобных резких скачков в развитии повышается тревожность, которая может стать одной из черт личности и оказывать негативное воздействие на качество усвоения знаний, формирование и поддержание взаимоотношений с окружающими [11].

В научной литературе до сих пор нет единой позиции по характеристике феномена тревожности. Анализ наиболее распространенных подходов, в частности Ч.Д. Спилбергера, позволяет понимать сущность данного понятия через отождествление с внутренним состоянием и свойством личности. Наиболее сложным по своей природе является личностная тревожность, которую целесообразно понимать как «приобретённую поведенческую диспозицию», из-за которой человек воспринимает широкий круг объективно безопасных ситуаций как угрожающие» [6]. А.М. Прихожан полагает, что основной причиной возникновения данного состояния является негативное влияние окружающей среды [4]. В силу низкой самооценки и проблем с самоидентификацией себя «нового» у подростка стремительно возрастает ситуативная тревожность, которая вполне может из-за длительности воздействия стать фоновой и постоянной.

На возрастание личностной тревожности у подростков оказывает влияние множество факторов. Одним из наиболее существенных можно считать семейную среду, ведь именно в семье закладываются основы эмоционального состояния подростка.

Данный факт подтверждается в теории привязанности Дж. Боулби. В соответствии с этим подходом именно особенности детско-родительских отношений и взгляды значимых взрослых на окружающий мир позволяют развивать у детей и подростков восприятие среды. Именно родители своей нестабильностью в воспитании и чрезмерной насторожённостью по отношению к людям и событиям закладывают у подростков паттерны тревожности и недоверия [1].

Формирование тревожности как личностного качества у подростков также обосновывается в многофакторной психосоциальной модели А.Б. Холмогоровой. Данная модель основывается на характеристике нескольких уровней факторов, одним из которых является семейный. В этой категории выделяют специфику эмоциональных взаимоотношений в семье, особенности выбора методов и приемов воспитания, степень вовлеченности родителей в жизнь подростка [7]. Отмечено, что искажения в семейных и детско-родительских отношениях, например, чрезмерная свобода или наоборот повышенный авторитаризм приводит к повышению рисков возникновения различного рода расстройств, в частности, тревожных состояний.

Подчеркнем, что в соответствии с рассмотренными теориями следует обратить внимание на существенное влияние семейных дисфункций на возникновение тревожных состояний. На основе научных исследований А.Я. Варга, В.В. Столина можно обозначить несколько ключевых дисгармоничных типов

© О.Б. Тамаровская, 2026.

Научный руководитель: *Лазарева Наталья Эдуардовна* – доцент, кандидат психологических наук, доцент, Челябинский государственный университет, Россия.

родительского отношения, приводящих при систематическом влиянии к возникновению стойких тревожных расстройств. К ним относятся гиперопека, авторитарная гиперсоциализация, эмоциональное отвержение, инфантилизация и попустительство [2; 5].

Начнём с гиперопеки, или симбиотического типа отношения. Затяжная гиперопека, при которой родители продолжают считать подростка как маленького ребёнка, препятствует развитию автономии и формирует у него ощущение беспомощности перед лицом жизненных трудностей. Симбиоз проявляется в тревоге родителя при попытках подростка к автономизации, которая является основным новообразованием подросткового возраста. Сверхопекающее поведение родителей вступает в прямой конфликт с этой возрастной задачей, и период становится критическим для закрепления как тревожности, так и нарушений сепарационных процессов [9].

Не менее сложным типом родительского отношения к подростку является авторитарная гиперсоциализация. Специфика выстраивания детско-родительских взаимоотношений в данном случае основывается на повышенном контроле, стремлении добиваться от подростка послушания во всем. Постоянное давление и отсутствие свободы подавляют инициативу подростка, усиливают тревожность и мешают нормальному развитию личности [2].

К другой крайности родительского отношения относится эмоциональное отвержение. Подросток, не получающий эмоционального принятия, воспринимает себя как нежеланного и нелюбимого, у него формируется базовое недоверие к миру и устойчивая тревожность. Это проявляется в том, что родитель воспринимает своего ребёнка как неудачника, переживает по отношению к нему злость и раздражение [5].

Отметим в качестве дисфункционального типа родительского отношения инфантилизацию. Родитель приписывает подростку неспособность к самостоятельным действиям и относится к нему как к маленькому ребёнку. Это может приводить к устойчивому убеждению в собственной несостоятельности и неверии в свои силы, блокировке развития автономии и закреплению тревожных реакций [9].

Попустительство как тип родительского отношения наносит не меньший вред подростку, провоцируя усиление тревожных состояний. Это происходит за счет отсутствия опоры и границ, которое порождает неуверенность ребенка [3].

Итак, гармоничное развитие возможно только в условиях комбинирования типов родительского отношения. Целесообразно сочетать авторитетный стиль воспитания с эмоциональной теплотой и разумной требовательностью.

Существенная роль отводится феномену «тревога достижений». Он возникает в семьях с высокими амбициями, где родители рассматривают ребёнка как проект или как способ компенсации собственных неудач. Подростки из таких семей живут в состоянии хронического эмоционального выгорания, панически боясь не оправдать вложенные в них ресурсы. Родительское отношение здесь характеризуется высоким уровнем требований и жёсткой критикой при малейших неудачах. Формируется устойчивая тревожность, связанная с оценкой достижений, в частности, в учебной деятельности, где подросток вынужден демонстрировать результаты на фоне высоких родительских ожиданий [8].

Механизмами, опосредующими влияние родительского отношения на тревожность подростка, выступают когнитивные искажения (дефицит чувства контроля), нарушения семейной коммуникации (критика, элиминирование эмоций, демонстрация благополучия, перфекционизм, сверхвключённость), небезопасный тип привязанности и межпоколенческая передача тревожных паттернов [10]. Тревожные родители склонны к сверхопекающему поведению, которое препятствует самостоятельному преодолению детьми трудностей и закрепляет тревожные тенденции; при этом влияние носит двунаправленный характер [8].

И наконец, гармоничное родительское отношение (эмоциональное принятие, уважение к личности подростка, адекватный контроль и эмоциональная доступность) выступает важнейшим ресурсом, снижающим риск формирования высокой личностной тревожности и способствующим успешному становлению автономии. Личностная тревожность младших подростков является полидетерминированным феноменом, в структуре которого ключевую роль играют семейные отношения. Понимание механизмов влияния родительского отношения на тревожность подростков создаёт теоретическую основу для разработки эффективных программ психологической помощи, ориентированных на перестройку семейных взаимодействий, работу с родительскими установками и поддержку сепарационных процессов [9].

Таким образом, анализ рассмотренных теорий показывает, что семейная среда выступает одним из наиболее существенных факторов формирования личностной тревожности у младших подростков: именно в детско-родительских отношениях закладываются базовые паттерны восприятия мира как безопасного или угрожающего. Дисгармоничные типы родительского отношения (гиперопека, авторитарная гиперсоциализация, эмоциональное отвержение, инфантилизация и попустительство), а также феномен «тревоги достижений» при систематическом воздействии закономерно приводят к закреплению тре-

вожности как устойчивой личностной черты. Опосредующими механизмами при этом выступают когнитивные искажения, нарушения семейной коммуникации, небезопасный тип привязанности и межпоколенческая передача тревожных паттернов. Следовательно, именно гармоничное родительское отношение, сочетающее эмоциональное принятие с адекватным контролем, является важнейшим ресурсом профилактики тревожности и создаёт основу для разработки эффективных программ психологической помощи семье.

Библиографический список:

1.Боуэн, М. Теория семейных систем / М. Боуэн. – М.: Когито-Центр, 2005. – 496 с.

2.Варга, А.Я. Системная семейная психотерапия / А.Я. Варга. – СПб.: Речь, 2001. – 144 с.

3.Кузьмишина, Т.Л. Стили семейного воспитания: отечественная и зарубежная классификация / Т.Л. Кузьмишина, Е.С. Чирикина, А.А. Пермякова, Е.А. Хохлова // Современная зарубежная психология. – 2014. – № 1. – С. 16-25.

4.Прихожан, А.М. Психология тревожности / А.М. Прихожан. – СПб.: Питер, 2007. – 192 с.

5.Семья в психологической консультации: Опыт и проблемы психологического консультирования / под ред. А.А. Бодалева, В.В. Столина. – М.: Педагогика, 1989. – 208 с.

6.Спилбергер, Ч.Д. Шкала оценки тревожности / Ч.Д. Спилбергер, Ю.Л. Ханин // Сборник научных трудов. – 2021. – № 42. – С. 30-60.

7.Холмогорова, А.Б. Семейные факторы эмоциональных расстройств / А.Б. Холмогорова, Е.В. Полкунова // Сибирский психологический журнал. – 2004. – № 2. – С. 67–76.

8.Хомякова, М.М. Влияние стиля семейного воспитания на личностную тревожность подростков / М.М. Хомякова // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – № 105-2. – С. 154-158.

9.Черемискина, И.И. Взаимосвязь типа родительского отношения и тревожности у подростков / И.И. Черемискина, О.В. Андреева // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2022. – № 4 (41). – С. 44-49.

10.Эйдемиллер, Э.Г. Семейный диагноз и семейная психотерапия / Э.Г. Эйдемиллер, И.В. Добряков, И.М. Никольская. – СПб.: Речь, 2006. – 352 с.

11.Эльконин, Д.Б. Детская психология / Д.Б. Эльконин. – М.: Академия, 2007. – 384 с.

ТАМАРОВСКАЯ ОЛЬГА БОРИСОВНА – магистрант, Челябинский государственный университет, Россия.

Т.А. Калинина

СКЛОННОСТЬ К АДДИКТИВНОМУ ПОВЕДЕНИЮ У ПОДРОСТКОВ: ФАКТОРЫ РИСКА, ДИАГНОСТИКА И ПУТИ ПРОФИЛАКТИКИ

Статья посвящена проблеме склонности к аддиктивному поведению в подростковом возрасте. В работе анализируются современные эпидемиологические данные, свидетельствующие о высокой распространенности зависимостей среди несовершеннолетних (от 28,6% до 54% по результатам различных исследований). Рассматривается биопсихосоциальная модель формирования аддикций: анализируются нейробиологические особенности пубертатного периода, личностные факторы риска (импульсивность, низкая стрессоустойчивость) и средовые триггеры (семейная дисфункция, влияние цифровой среды). Особое внимание уделяется коморбидности аддикций с аутоагрессивным и девиантным поведением. Описаны методы ранней диагностики и предложена многоуровневая система профилактики, включающая развитие навыков эмоциональной регуляции и семейно-центрированный подход.

Ключевые слова: *Аддикции, факторы риска, диагностика, профилактика.*

Подростковый возраст — критический период онтогенеза, характеризующийся фундаментальной перестройкой физиологических, когнитивных и социальных систем. Именно на этом этапе статистически фиксируется пик приобщения к психоактивным веществам (ПАВ) и формирования нехимических зависимостей. Аддиктивное поведение в данном контексте выступает не просто как вредная привычка, а как дезадаптивный способ совладания с внутренним напряжением, способ бегства от реальности, с которой психика подростка не может справиться конструктивно. [1]

Эпидемиологическая ситуация. Данные современных исследований подтверждают масштаб проблемы. Склонность к зависимому поведению становится массовым явлением. По результатам диагностики старших подростков, 53,3% выборки относятся к группе с ярко выраженной предрасположенностью к аддикциям, что проявляется в нарушении социальных норм, высокой конфликтности и трудностях произвольного контроля. В других исследованиях фиксируется, что 54% подростков склонны к аддиктивному поведению, при этом у 28,6% выявляются выраженные признаки формирования зависимости.

Тревожным маркером является тесная связь аддикций с другими формами саморазрушения. У 30–45% подростков со склонностью к зависимостям одновременно выявляется риск суицидального поведения, а у 57% — выраженная склонность к агрессии.

Биопсихосоциальные факторы риска. Формирование аддиктивного паттерна — результат сложного взаимодействия нескольких групп факторов:

Нейробиологические особенности. В пубертате происходит активная миелинизация и «специализация» нейронных связей. Мозг работает по принципу «газ без тормозов»: лимбическая система, отвечающая за эмоции и поиск награды, гиперактивна, в то время как префронтальная кора (центр контроля и оценки рисков) еще не созрела. Это делает подростка биологически уязвимым к поиску острых ощущений. [2]

Личностная незрелость. Исследования указывают на недостаточную сформированность конструктивных способов совладания со стрессом. Для подростков группы риска характерны слабость навыков саморегуляции, рефлексии, высокая импульсивность и эмоциональная неустойчивость.

Семейный контекст. Семья выступает либо буфером, либо катализатором зависимости. К факторам риска относятся: наличие зависимостей у родителей, эмоциональное отвержение, хаотичный контроль, физическое или психологическое насилие, а также созависимые модели отношений.

Влияние цифровой среды. Современный подросток живет в условиях информационной перегрузки. Социальные сети, онлайн-игры и стриминговые платформы используют те же дофаминовые механизмы вознаграждения, что и химические вещества. Гаджет-аддикция часто становится «воротами» к более тяжелым формам зависимого поведения.

© Т.А. Калинина, 2026.

Социальное давление. Страх исключения из референтной группы заставляет подростков совершать пробы ПАВ или участвовать в опасных интернет-флешмобах, чтобы подтвердить свою лояльность сверстникам.

В клинической и педагогической практике принято выделять:

Химические аддикции: алкоголизм, никотиновая зависимость, наркомания, токсикомания.

Нехимические (поведенческие) аддикции:

Игровая зависимость (лудомания).

Интернет-аддикция и зависимость от социальных сетей.

Пищевые расстройства (компульсивное переедание, булимия).

Трудоголизм и фанатизм (спортивный, музыкальный). [3]

Диагностика. Раннее выявление предрасположенности — залог успешной профилактики. В российской образовательной практике применяется социально-психологическое тестирование (СПТ). Методики (например, «Аддиктивная склонность» или специализированные опросники для СПТ) позволяют оценить уровень риска и разделить подростков на категории: от низкого уровня вероятности развития зависимости до признаков повышенной склонности, при которых риск формирования зависимости высок при наличии неблагоприятных социальных условий.

Важно понимать, что тестирование — это не инструмент наказания, а способ найти тех, кому нужна помощь в развитии навыков стрессоустойчивости.

Пути профилактики и коррекции.

Эффективная профилактика должна быть системной и многоуровневой:

Первичная (универсальная) профилактика. Работа со всем контингентом подростков. Цель — формирование ценности здоровья и обучение навыкам эмоциональной регуляции. Это уроки психологии, тренинги ассертивности (умения говорить «нет»), развитие критического мышления.

Вторичная (селективная) профилактика. Целенаправленная работа с выявленной группой риска. Здесь необходима психолого-педагогическая коррекция: развитие рефлексии, проработка семейных конфликтов, поиск альтернативных источников получения удовольствия (спорт, творчество, волонтерство). Подростку нужно дать инструмент для легального управления своим психическим состоянием.

Третичная (индикативная) профилактика. Реабилитация подростков с уже сформированной зависимостью. Это сфера клинической психологии и психиатрии. Ключевым элементом здесь является семейная терапия, так как возврат подростка в прежнюю дисфункциональную среду без изменений в ней гарантирует рецидив.

Склонность к аддиктивному поведению у подростков — это не признак моральной деградации, а симптом глубокого психологического неблагополучия и дефицита адаптивных навыков. Борьба с зависимостями не может быть сведена к запретительным мерам. Только комплексный подход, сочетающий развитие эмоционального интеллекта, укрепление института семьи и грамотную психолого-педагогическую диагностику, способен снизить риски и помочь подросткам найти опору внутри себя, а не во внешних стимуляторах. [4]

Библиографический список:

1. Психолого-педагогическая коррекция аддиктивного поведения подростков // Молодой ученый.
2. Исследовательская работа. Представления подростков о родителях как фактор девиантного поведения // Журнал для педагогов.
3. Выявление и сопровождение подростков, склонных к аддиктивному поведению // КиберЛенинка.
4. Социально-психологическое тестирование 2025-2026 учебный год.

КАЛИНИНА ТАТЬЯНА АЛЕКСЕЕВНА – магистрант, Челябинский государственный университет, Россия.

Т.А. Калинина

ВЗАИМОСВЯЗЬ САМООЦЕНКИ И СКЛОННОСТИ К АДДИКТИВНОМУ ПОВЕДЕНИЮ У ПОДРОСТКОВ

В статье рассматривается проблема взаимосвязи самооценки и склонности к аддиктивному поведению в подростковом возрасте. На основе анализа современных исследований и эмпирических данных (выборка 40 подростков 12–15 лет) показано, что низкая и нестабильная самооценка выступает значимым психологическим предиктором формирования зависимостей. У 50% подростков с высокой предрасположенностью к аддикциям выявлен заниженный уровень самооценки, сопровождающийся высокой личностной тревожностью. Аддиктивное поведение рассматривается как деструктивная стратегия компенсации внутреннего дискомфорта, неуверенности и страха неудачи. В работе анализируются механизмы влияния неадекватной самооценки на социальную адаптацию и предлагаются направления для разработки адресных программ профилактики.

Ключевые слова: *Аддикции, факторы риска, диагностика, профилактика.*

Подростковый возраст — это период активного формирования «Я-концепции», когда самооценка становится центральным регулятором поведения. В условиях резких физиологических изменений, смены ведущей деятельности и поиска идентичности подросток становится крайне уязвимым к внешним оценкам. Неудача в формировании устойчивой, адекватной самооценки часто приводит к глубокому внутреннему дискомфорту. Одним из самых распространенных способов справиться с этим состоянием становится уход от реальности, что и лежит в основе аддиктивного поведения.

Теоретический аспект проблемы. В современной психологии зависимость рассматривается не только как нейрофизиологическая патология, но и как поведенческая стратегия реагирования на стресс. Многие отечественные и зарубежные исследователи сходятся во мнении, что аддикция — это способ избегания или снятия внутреннего напряжения, тревоги, депрессии и экзистенциальной пустоты. [2]

Среди личностных факторов, повышающих риск развития аддикции, ключевыми являются:

- низкая или нестабильная самооценка;
- повышенная тревожность;
- эмоциональная нестабильность;
- низкий уровень самоконтроля;
- трудности в формировании идентичности. [2]

Эмпирическое обоснование взаимосвязи. Исследования, проведенные в условиях современных российских школ, подтверждают тесную корреляцию между самовосприятием подростка и его склонностью к зависимому поведению.

В одной из работ, где выборку составили 40 подростков в возрасте от 12 до 15 лет, были использованы методики диагностики аддиктивной склонности, уровня тревожности (Ч.Д. Спилбергер, адаптация Ю.Л. Ханина) и уровня самооценки. Результаты распределились следующим образом:

1. Аддиктивная предрасположенность. У 20% подростков выявлена высокая степень предрасположенности к аддиктивному поведению. Еще у 30% зафиксирована предрасположенность от низкой до выше средней. При этом у большинства аддиктивное поведение как сформированный паттерн еще отсутствует, что открывает окно возможностей для профилактики. [2]

2. Самооценка. Наиболее выраженным в выборке оказался заниженный уровень самооценки (50% испытуемых). Для таких подростков характерны внутренняя самокритика, недовольство собой и страх потерпеть неудачу. В поведении это проявляется в неуверенности, закрытости и неспособности отстоять свои границы (сказать «нет» сверстникам). [2]

3. Тревожность. Состояние заниженной самооценки неразрывно связано с тревожностью. 40% подростков демонстрируют высокий уровень личностной тревожности. Это создает замкнутый психологический круг: страх негативной оценки порождает напряжение, которое подросток пытается снять искусственным путем, что ведет к аддикции, а она, в свою очередь, еще больше разрушает самооценку. [2]

© Т.А. Калинина, 2026.

Механизмы влияния самооценки на аддикцию. Взаимосвязь между тем, как подросток оценивает себя, и его склонностью к зависимостям, реализуется через несколько психологических механизмов:

• Механизм компенсации (при заниженной самооценке). Подросток, не принимающий себя, чувствует себя неполноценным в реальном мире. Психоактивные вещества или виртуальная реальность (кибер-аддикция) дают иллюзию всемогущества, смелости и социальной успешности. Это временное «выравнивание» самооценки, плата за которое — разрушение здоровья и личности.

• Механизм снятия напряжения (при нестабильной самооценке). Подростки с колеблющейся самооценкой крайне зависимы от мнения окружающих. Любой косой взгляд или критика воспринимаются как катастрофа. Аддикция становится быстрым и доступным способом «выключить» невыносимые переживания стыда и тревоги.

• Особенности завышенной самооценки. Парадоксально, но риск несут и подростки с неоправданно высоким мнением о себе. За внешним фасадом превосходства часто скрывается глубокий страх разоблачения и высокая тревожность. При столкновении с реальностью, где они не являются лучшими, такие подростки могут прибегать к ПАВ, чтобы поддержать иллюзию своего статуса или справиться с фрустрацией.

• Отсутствие стремления к самоусовершенствованию. У подростков с аддиктивной наклонностью реальный, идеальный и прогностический образы «Я» часто находятся в противоречии, но при этом отсутствует мотивация к развитию. Самооценка носит дезадаптивный характер, фиксируясь на негативном опыте. [1]

Практическое значение и профилактика Понимание того, что корень аддикции часто лежит в дефиците самопринятия, меняет вектор профилактической работы.

Отказ от карательных мер. Запугивание последствиями употребления ПАВ бесполезно для подростка с низкой самооценкой, так как он подсознательно ищет способ саморазрушения.

Работа с «Я-концепцией». Профилактика должна быть направлена на формирование адекватной самооценки. Это включает тренинги ассертивности (уверенного поведения), где подросток учится говорить «нет» без страха потерять друзей.

Создание ситуации успеха. Подростку с заниженной самооценкой необходимо найти сферу (спорт, творчество, волонтерство, ремесло), где он сможет почувствовать свою компетентность и значимость без использования химических или поведенкостимуляторов.

Семейная терапия. Поскольку самооценка закладывается в семье, работа с родителями по изменению стиля воспитания (уход от гиперопеки или отвержения) является обязательным условием коррекции.

Самооценка выступает фундаментом психологической устойчивости подростка. Заниженное или нестабильное самовосприятие создает «входные ворота» для зависимостей, предлагая подростку ложный путь к снятию тревоги и обретению уверенности. Своевременная психолого-педагогическая диагностика уровня самооценки и последующая коррекционная работа по формированию адекватного принятия себя являются наиболее эффективным инструментом предупреждения аддиктивного поведения в молодежной среде.

Библиографический список:

1. Аддиктивное поведение молодежи и его профилактика // Библиофонд.
2. Психологические предикторы аддиктивного поведения подростков: роль самооценки и тревожности // Молодой ученый.

КАЛИНИНА ТАТЬЯНА АЛЕКСЕЕВНА – магистрант, Челябинский государственный университет, Россия.

С.Ю. Зайцева

ДИНАМИКА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗАЩИТ В ПРОЦЕССЕ КАТАТИМНО-ИМАГИНАТИВНОЙ ПСИХОТЕРАПИИ

В статье рассматриваются вопросы трансформации механизмов психологической защиты личности в процессе прохождения курса кататимно-имагинативной психотерапии (символдрамы). Представлены результаты эмпирического исследования, сочетающего количественные (опросник «Индекс жизненного стиля») и качественные (проективный анализ рисунков на мотив «Цветок») методы. Выявлена положительная динамика, выражающаяся в ослаблении примитивных защит и переходе к более зрелым и адаптивным формам совладания.

Ключевые слова: *психологические защиты, кататимно-имагинативная психотерапия, символдрама, динамика защитных механизмов, проективный анализ, индекс жизненного стиля, мотив «Цветок».*

Современная психотерапия рассматривает механизмы психологической защиты не как патологический барьер, а как необходимую часть психического аппарата, обеспечивающую гомеостаз. Однако их ригидность и преобладание примитивных форм могут препятствовать личностному росту. В связи с этим актуальным становится изучение методов, опосредованно трансформирующих систему защит. Одним из таких методов является кататимно-имагинативная психотерапия (символдрама), работающая с образами бессознательного.

Целью данного исследования явилось изучение динамики психологических защит у клиентов в процессе символдрамы, выявление типичных паттернов их трансформации и взаимосвязи изменений с терапевтическим эффектом.

Теоретический анализ литературы показал, что психологические защиты представляют собой сложную, иерархически организованную систему бессознательных операций Эго.

В рамках психодинамического подхода выделяются примитивные (расщепление, проективная идентификация, отрицание), невротические (вытеснение, изоляция, рационализация) и зрелые (сублимация, юмор, альтруизм) защиты. Символдрама, основанная на психоаналитических идеях и учении К.Г. Юнга об архетипах, позволяет через язык символов и спонтанных образов получить безопасный доступ к глубинным конфликтам, минуя рациональные защиты сознания.

Эмпирическая часть исследования была организована на базе выборки из 34 человек (22 женщины и 12 мужчин, средний возраст 38,2 года). Основным инструментом количественной диагностики выступил опросник «Индекс жизненного стиля» (LSI) Р. Плутчика в адаптации Л.И. Вассермана. Для углубленного качественного анализа была сформирована подгруппа из 5 клиентов, прошедших курс индивидуальной символдрамы. В качестве проективной методики использовался мотив «Цветок», рисунки выполнялись до и после курса терапии.

Анализ результатов по общей выборке показал, что наиболее выраженными защитными механизмами являются проекция (M=6,26) и рационализация (M=6,09). Наименее используемыми оказались замещение (M=4,03) и гиперкомпенсация (M=3,53). Гендерный анализ с применением U-критерия Манна-Уитни выявил статистически значимые различия: мужчины чаще прибегают к проекции (p=0,017) и рационализации (p=0,048), что может быть связано с социальными ожиданиями.

Корреляционный анализ показал, что вытеснение образует устойчивый кластер с отрицанием и регрессией, направленный на тотальное избегание тревоги. В то же время, вытеснение имеет значимые положительные связи с рационализацией и проекцией, что указывает на многоуровневую организацию защитной системы, где первично вытесненный материал впоследствии перерабатывается более зрелыми механизмами.

В процессе кататимно-имагинативной психотерапии происходит не просто ослабление защит, а их качественное преобразование. Наблюдается переход от менее зрелых, ригидных защит (отрицание, вытеснение, регрессия) к более гибким и адаптивным (рационализация, компенсация, проекция). Подоб-

© С.Ю. Зайцева, 2026.

Научный руководитель: *Веденеева Екатерина Владимировна* – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, Челябинский государственный университет, Россия.

ная внутренняя динамика находит отражение в визуальном творчестве клиентов: от размытых, декоративных или хаотичных образов к более четким, структурированным и символически насыщенным композициям.

Практическая значимость исследования заключается в подтверждении диагностического потенциала стандартных мотивов символдрамы, в частности мотива «Цветок», а также в целесообразности систематического использования рисунка как инструмента отслеживания динамики внутренних изменений.

Разработанный комплексный подход, сочетающий объективные психодиагностические данные и субъективный проективный материал, может быть внедрен в практику психологов и психотерапевтов.

Таким образом, проведенное исследование подтверждает эффективность кататимно-имагинативной психотерапии как метода, способствующего эволюции психологических защит от ригидных и примитивных форм к более гибким и зрелым. Это открывает перед клиентами возможности для развития большей эмоциональной осознанности, аутентичности, адаптивности и личностной целостности.

Библиографический список:

1.Жмурин И.Е. Проблема психологической защиты как механизма трансформации внутриличностного в межличностный конфликт // Психология обучения. — 2018. — С. 122–130.

2.Лёйнер Х. Введение в психосоматику с позиций кататимно-имагинативной психотерапии / пер. с нем. — М.: Эйдос, 1994. — 117 с.

3.Лёйнер Х. Кататимное переживание образов / пер. с нем. — М.: Эйдос, 1996. — 264 с.

4.Обухов Я.Л. Символдрама: Кататимно-имагинативная психотерапия детей и подростков. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Эйдос, 1997. — 334 с.

5.Соколова Е.Т. Психология нарциссизма: учеб. пособие. — М.: Генезис, 2015. — 335 с.

6.Сулейманов Р.Ф., Пилюгина Е.Р. Психологические защиты, их связь с психологическим здоровьем и развитием личности // Общество: социология, психология, педагогика. — 2020.

ЗАЙЦЕВА СВЕТЛАНА ЮРЬЕВНА – студентка, Челябинский государственный университет, Россия.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ *НАУКИ*

К.А. Тихомирова

К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ ПОНЯТИЯ И РОЛИ УЧИТЕЛЯ ОТ ДРЕВНОСТИ ДО НАШИХ ДНЕЙ

В данной статье представлен процесс трансформации понятия и роли учителя со времён древних цивилизаций до современности. Рассматривается процесс развития образования и влияние на него знаменитых педагогов.

Ключевые слова: *учитель, образование, обучение, Ян Амос Коменский.*

Профессия учителя имеет длинную историю - подвижную, изменчивую, «живую». Известная с древних времён, к настоящему времени эта профессия претерпела ряд трансформаций, которые чётко прослеживаются как в смене исторических эпох, так и в культурном контексте.

Рассмотрим несколько определений понятия «учитель» в современных толковых словарях.

Толковый словарь С. И. Ожегова приводит два значения к понятию «учитель»:

1 знач.: Лицо, которое обучает чему-нибудь, преподаватель.

2 знач.: Глава учения, человек, который учит (научил) чему-нибудь [4].

© К.А. Тихомирова, 2026.

Научный руководитель: *Челюканова Ольга Николаевна* – доктор филологических наук, доцент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, Россия.

Толковый словарь живого великорусского языка представляет следующие определения данного понятия:

Учитель - человек, посвятивший себя наукам. Учитель - наставник, преподаватель; профессор; обучатель [6].

В Малом академическом словаре даны определения:

1 знач.: Тот, кто преподает какой-либо учебный предмет в школе; преподаватель.

2 знач.: Человек, являющийся высоким авторитетом для кого-либо в какой-либо области, имеющий последователей [3].

Таким образом, прослеживается чёткая связь «учитель – учить».

Предпосылки к возникновению данной профессии сложились ещё в первобытном мире, в виду необходимости передавать накопленный жизненный опыт от старших к младшим. Однако первые учителя появились с развитием древних культурных цивилизаций, таких как Древний Египет и Древний Восток. Массового обучения в те времена не существовало, обучали будущих жрецов и государственных деятелей.

Обращаясь к временам Древних Рима и Греции, мы отыщем истоки возникновения поэтапной системы обучения – от первого этапа, на котором осваивали навыки счёта, письма и чтения, до высшего, ориентированного на профессиональную подготовку к политической карьере. Существовало чёткое разграничение понятий «учитель» (свободный человек, занимающийся наукой и обучением) и «педагог» (раб, сопровождавший на учёбу). Сейчас данные понятия, наоборот, являются почти тождественными. Разное отношение было и к учителям разных ступеней – преподавателей высшей ступени уважали и почитали, в отличие от преподавателей низшей, считавшихся малообразованными ремесленниками.

Чуть позже слово «учитель» трансформировалось в «мессию» и стало применимо к «отдельным представителям человеческого рода, объявлявших себя носителями божественной или научной истины – Будда, Христос, Мухаммед, Пифагор, Сократ» [1]. Данные представители возводили учителя в роль мифологического и полубожественного создания. В дальнейшем, благодаря их последователям и ученикам в обиход вошли более приземлённые понятия – «гуру», «сенсей», «мулла» и вновь «учитель» (но уже не в возвышенном понимании). Эти люди занимались толкованием устных истин, провозглашённых мессиями, и учением, но с обязательной ссылкой либо на самого мессию, либо на ближайших его последователей, как на источник своих знаний.

В Средние века, с появлением книгопечатания, печатные тексты постепенно становятся основой обучения, вытесняя устную форму передачи информации. Книжная культура породила светского учителя, опирающегося на больше на факты, а не на религию, но способного направить человека на путь истинный. Школьное образование в то время платное, учитель – высший авторитет. Впрочем, учительский авторитет поддерживался двумя способами – интересом и физическими наказаниями. Во многих автобиографических работах знаменитых людей можно найти нелестные воспоминания о школах того времени и о собственном пути.

Переворот европейского образования произошёл в XVII веке, когда «создатель протопроекта современной школы, Ян Амос Коменский, раскритиковал средневековую школу с её бессмысленной зубрёжкой под страхом физического наказания» [1]. Являясь приверженцем гуманистических идеалов, Коменский поставил цель добиться изменений в процессе обучения. В учебных заведениях был введён чёткий распорядок, определяющий как продолжительность, так и количество занятий и перемен. Метод «кнута» Коменский тоже не одобрял – в его представлении основным фактором, влияющим на дисциплину, должен быть личный пример наставника, а высшей мерой наказания за дисциплинарный проступок – выговор. Идеи гуманизма поддерживали так же Л. Н. Толстой, Ж.-Ж. Руссо, И. Г. Песталоцци, К. Д. Ушинский. Однако на практике физические и моральные наказания всё ещё жили в учебных заведениях. В это время чётко виден раскол, сохраняющийся и до настоящего времени: выбор и привязанность к педагогическому труду объясняются не только любовью к детям и умением объяснять, но и мотивацией обладания властью над учениками, которой нет ни в одном другом виде деятельности.

Очередным переломным моментом становится XIX век. Происходит несколько важных изменений в учительском деле. Во-первых, возникает разделение «воспитания» и «образования». Учитель теперь сосредоточен именно на учении, преподавании. Образ новой педагогики формируется на проблеме образования, а не воспитания. Открываются учительские семинарии и институты, начинается тенденция преобладания среди учителей представителей женского пола. Во-вторых, появляются отдельные области преподавания и, как следствие, появляются учителя – предметники. Кроме того, всё больше возможностей для обучения появлялось у бедных людей из низших сословий.

В XX веке термин «образование» вытесняет термин «обучение», точно так же, как ученик вытесняет учителя с поста основной фигуры образовательного процесса. С этого момента педагогический процесс перестаёт строиться лишь на взаимодействии «учитель – ученик», добавляется третья сторона взаимодействия – «окружающий мир».

В современном мире профессия учителя никуда не делась, однако трансформировалось как определение понятия «учитель», так и роль учителя в современной школе. Учитель выступает в роли советника, куратора, но никак не доминирующей фигуры. Задача учителя сейчас не научить, а создать такие условия для образования ученика, чтобы он сам был способен открывать и исследовать новую информацию. Благодаря современным технологиям взаимодействие учителя с учеником может происходить в дистанционном формате, а может быть частично заменено технологиями искусственного интеллекта.

Таким образом, можно наблюдать, как положение учителя сменялось с возвышенного и авторитетного к положению не самого важного, но пока ещё необходимого, участника педагогического процесса. Как бы не стремилось современное прогрессивное общество заменить педагога различными средствами обучения и интерактивными технологиями, пока это не представляется возможным в полной мере. Ведь искать индивидуальный подход, смотря глубже статистических показателей, ещё не научилась ни одна машина. В обозримом будущем профессия учителя всё равно останется востребованной в обществе и на рынке труда.

Библиографический список:

1.Ильин Г. Л. Эволюция понятия учитель. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-ponyatiya-uchitel (дата обращения: 02.03.2025)

2.Коменский Я.А. Великая дидактика [Текст] / Я.А. Коменский // Избранные педагогические сочинения. – М.: Учпедгиз, 1955.

3.Малый академический словарь: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999 г.

4.Ожегов С. И.Толковый словарь русского языка [Текст] : 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Азъ, 1994. – 907 с.

5.Стецюра Т. Д. Вечная профессия, или Как менялась роль учителя от древности до наших дней / Русское слово. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://русское-слово.рф/articles/post-164475/ (дата обращения: 02.03.2025)

6.Толковый словарь живого великорусского языка : В 4 томах / Даль В.И. - М. : РИПОЛ классик, 2006. / Том 4. Р-Я. – 672 с. / У. 443-515 с.

ТИХОМИРОВА КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА – магистрант, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, Россия.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

И.П. Ермоленко

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ: УРОВНИ СУЩЕСТВОВАНИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА

В статье исследуется феномен визуализации как многоплановое социокультурное явление в контексте цифровизации реальности. Автор выделяет три уровня существования визуализации: как результат наблюдения, способ вызова образа в памяти и творческое воображение. В работе прослеживается динамика отношения к визуальному в историческом контексте. На основе анализа различных концепций фиксируется сущностный сдвиг в понимании явления. Автор приходит к выводу, что в цифровую эпоху тотальная визуализация завершает свою эволюцию, обретая самостоятельный онтологический статус и превращаясь из инструмента познания в самостоятельную реальность.

Ключевые слова: *Визуализация, визуальный образ, визуальный поворот, цифровая культура, тотальная визуализация.*

Термин «визуализация» сегодня чаще всего употребляется для описания способа представления реальности в цифровом виде (цифровизация реальности для экранной демонстрации). Генезис понятия сообщает нам: визуализация естественным образом связана с тем, что мы можем воспринимать зрительно (лат. visualis – зрительный). Разносторонний анализ процесса визуализации позволил определить три основных уровня существования данного феномена.

1.Визуализация как результат зрительного наблюдения представляет собой итог этого процесса, воплощенный в визуальном образе (визуальный денотат) или визуальном коде (визуальный коннотат). В первом случае мы подразумеваем буквальный смысл изображенного объекта, не требующий дополнительного толкования (конкретный персонаж, предмет или вид). Во втором случае имеется в виду скрытый (закодированный) смысл, связанные с ним коннотации, ассоциации и символическое значение изображенного объекта, исходя из культурного контекста. В зависимости от способа и цели создания подобного рода визуализации, фиксация увиденного осуществляется с присутствием фокальной точки (специального или

© И.П. Ермоленко, 2026.

ненамеренного исключения всего неважного, по мнению автора) или без неё (документальная фиксация). [1]

2.Визуализация как способ вызова направленного образа в сознании является процессом воспроизведения, виденного ранее посредством обращения к памяти или с использованием технических средств, соответствующих эпохе. В этих условиях визуализацию используют в качестве инструмента субъективного формирования реальности. Зрительная картина, возникающая при этом в сознании человека, удерживается целенаправленно и служит для психологической саморегуляции и т.п.

3.Визуализация как визуальное воображение или представление ранее не существующего – это представление ожидаемого результата до его воплощения, т.е. как способность визионеров, которую приписывают, как правило, творческим личностям, изобретателям, религиозными практикам, мистикам и т. д. Ранее для описания понятия визуальное воображение использовался термин образное мышление, которое отделяли и от чувственного, и от рационального способов познания. Воображение описывалось как представление новых смыслов, выраженное в образах. [2]

На каждом из уровней просматривается основное свойство визуализации: представление информации, абстрактных понятий, идей и явлений в удобном для зрительного анализа виде. Если результатом визуализации стало представление больших массивов информации в виде схем, графиков и т.д., мы можем говорить об упрощении и облегчении восприятия. Создание новых образов и визуальных кодов – свидетельство развития и обогащения культуры. И независимо от целей и результатов процесса визуализации мы можем утверждать, что визуальное сообщение считывается быстрее и является более доступным для восприятия. Это свойство визуализации делает её наиболее значимым инструментом для формирования смыслов в современной культуре. Качество и истинность этих смыслов представляли интерес для исследования с момента возникновения философской мысли. [3]

История происхождения праиндоевропейского корня «*weid» свидетельствует о первоначальном равноправии понятий «видение» и «знание». От этого корня из реконструированного лингвистами языка-предка произошли греческие глаголы eidon – «видеть» и eidenai – «знать». Но данный факт не препятствовал рассмотрению процесса визуализации, как процесса «видения», который понимался исключительно как чувственный и созерцательный опыт и противопоставлялся «знанию» как рациональному и научному способу отражения реальности. Аристотель в трактате «О душе» описывает визуальное воображение как способность души, посредством которой в сознании возникают различные образы: истинные или ложные. В другие периоды обозначенные категории составляли неразрывную и взаимодополняющую философскую пару и иногда снова становились синонимичными. Эту мысль подтверждает Платон в учении об идеях о существовании мира имагинативного познания, мира понимаемого, мира смыслов, которые выражены в образах. В совокупности в античную эпоху прослеживается двойственное отношение к визуальному, но чаще явление рассматривалось как низшая способность души в противовес рациональному мышлению. [2]

Пришедшая на смену античности христианская культура напрямую связана с категорией «образа», который имеет бесконечное количество интерпретаций, но изначально отталкивается от Первообраза. История этого периода в исследованиях Козеллека, Бирскока, Бокэма и пр. трактуется как «записанное со слов очевидцев», таким образом, мы видим преемственность толкования, восходящую к «Истории» Геродота. В своем труде философ подчеркивает этимологическую связь слова historia (от греч. histor – «знающий человек», буквально тот, кто видел всё своими глазами) с корнем id-, что означает «видеть». Следует отметить существенную разницу отношении к визуальному образу в античной культуре и в христианстве. В античности – это изображение, воспринимаемое зрительно, буквально запечатленная копия реальности. В христианстве визуальный образ приобретает статус «Образа», т.е. иконы. Такое изображение наделяется высшим духовным и символическим смыслами и служит в качестве проводника в мир Божественный к невидимому Первообразу, но не является его копией. В этот период визуализации фактически приписывается дополнительный сакральный смысл. [4]

В культуре средневековья мы можем наблюдать возрастающую важность текста как инструмента описания реальности, но значимость «видения» не умаляется. Богословы того времени полагали, что события не случайны, а являются отражением Божественного замысла, где зримые (увиденные) факты служат фундаментом для постижения Божественных истин.

В эпоху Возрождения картину (визуальное воплощение реальности), равно как и её содержание, называли историей, т.е. тем, что было увидено и запечатлено визуальным языком. В своем трактате «О живописи» Л. Б. Альберти называет возможность такого повествования самым великим и важным достижением художника. В это время закладывается разница между визуализацией как непосредственным ощущением и визуализацией как способностью воображения (самостоятельным созданием образа в сознании, не основанном на реальном предмете). Картины на исторические, религиозные и мифологические сюжеты считались высшим видом изобразительного искусства до конца периода классицизма. [5]

В XVII-XVIII веках визуальное, равно как и священные тексты и религиозные догматы, подвергается рационалистической критике. Визуальное воспринимается как нечто неясное, обманчивое, порождающее заблуждения. Немецкая классическая философия реабилитирует визуализацию называя её «универсальной способностью познания» и «продуктивной силой, и внутренней мастерской духа». Период романтизма характеризует визуальное воображение и искусство как результат этого процесса в виде высшей формы деятельности духа. XIX – начало XX века визуальное воображение связывают с памятью. К. Г. Юнг рассматривает визуальное воображение как синтез всех способностей, порождающий человеческую культуру. М. Хайдеггер называл визуальное воображение «стволом» человеческого сознания, из которого растёт мышление. Н. Бердяев разделял визуальное воображение на созидательное и разрушительное. Дальнейшие сущностные изменения в отношении к визуализации и визуальному происходят параллельно и тесно связаны с технологическими достижениями. [2]

Визуализация, в каком бы смысле она ни понималась или ни интерпретировалась, всегда служила источником постоянного интереса исследователей философов. Исходя из вышесказанного, мы можем сформулировать основные проблемы, которые порождает феномен визуализации: насколько истинная или ложная картина мира формируется посредством визуализации, является ли лингвистический способ описания реальности более точным инструментом, служит ли умозрительное (рациональное) познание критерием истинности.

Ценность описания реальности в виде текстов универсальна и неоспорима. Мы целенаправленно учимся говорить, писать и читать, при этом базовое восприятие зрительных образов остается скорее интуитивным, так как у нас изначально имеется возможность собственной интерпретации увиденного, не всегда с опорой на культурные коды. Таким образом, сфера визуального предполагает большую свободу трактования, в то время как текст ограничивает, структурирует и направляет. По крайней мере так было в эпоху «до интернета». Возвращаясь к роли технологий в формировании «визуального империализма», следует отметить основные этапы так называемого «визуального поворота».

Первый период спровоцирован появлением и стремительным развитием фотографии и кинематографа в 1920-1930-е годы (с даты создания первого фотоснимка на этот момент прошло около ста лет). Второй период (1960-1980-е годы) обусловлен массовым распространением телевидения и развитием медиасферы. В 1990-2000-е годы У. Дж. Т. Митчелл наиболее полно описывает концепцию «визуального поворота», в это же время понятие закрепляется в академической среде. В настоящее время «тотальная визуализация» стала неотъемлемой частью повседневной реальности посредством развития интернета, социальных сетей и технологий виртуальной реальности. [6]

Следствием этого стала резкая критика визуализации как явления. Исследователи характеризуют визуальное исключительно как вторичное (всегда заимствованное), глупое (чувственное, неизмеримое) и обманчивое явление и считает визуальное лишь иллюстрацией исторических процессов и философских идей. Задворнов в своей статье «Тупик тотальной визуализации» рассматривает феномен визуализации как деструктивный фактор, разрушающий способность к абстрактно-логическому мышлению за счёт предоставления готовых визуальных образов, как источник интеллектуальной деградации и формирования «клипового сознания». В книге «Общество усталости» немецкого исследователя Б. Хана нет прямой отсылки к визуализации, но явно прослеживается идея приоритета формы над содержанием: демонстрация, выраженная в визуальной форме с последующей капитализацией, – основа существования «общества достижений». [3, 7]

Негативное отношение к феномену визуализации на современном этапе не исчерпывается трудами указанных авторов. Но эволюционное развитие и не предполагает линейного процесса от «плохого» к «хорошему», скорее его можно описать как очевидное усложнение всех сфер бытия и снятие физических ограничений с помощью технологических достижений. Отчуждение субъектности в пользу технологий началось ещё в середине прошлого века. Роль визуализации в этом процессе считает ключевой П. Штомпка. В своей книге «Визуальная социология» автор последовательно высказывается о возрастании роли визуального компонента в культуре, о его значении как способа переноса информации на бессознательном уровне, о манипулятивной функции визуализации в рекламе и СМИ, о формировании «общественной иконосферы» с вытеснением текста в пользу изображений любого вида и содержания (от статичного образа до динамичного видеоряда). Подобное развитие предвидел и описал Бодрийяр в своем трактате «Симулякры и симуляция». Он структурировал историческое развитие визуального образа выделив четыре этапа его отношения с реальностью:

– доброкачественное проявление образа (сакраментальный характер);

– маскировка и искажение реальности (злокачественный характер);

– маскировка отсутствия реальности (образ создает вид проявления);

– утрата образом связи с реальностью (образ становится своим собственным симулякром, не имея отношения ни к какой реальности). Опираясь на исследования Бодрийяра, Штомпка резюмирует: образы

начинают не просто отражать реальность, а создавать свою собственную. Сконструированный визуальный образ замещает реальность и начинает главенствовать над ней [8, 9].

На основании этих сведений мы можем утверждать, что визуализация сегодня на завершающем этапе своей эволюции, т.к. приобрела онтологический статус и собственную субъектность. Визуализация перестала быть инструментом познания реальности, а сама стала самостоятельной реальностью и существует в виде динамических процессов, интерфейсов и цифровых объектов. Обозначен и вектор развития визуальной культуры: тех, кто всё еще опирается на объективную реальность при создании визуальных образов, сменяет поколение людей, для которых цифровая симуляция является первой и естественной средой обитания.

Библиографический список:

1. Налбандян Э. Н. Визуальные репрезентации как способ конструирования смыслов в культуре // Культурная жизнь Юга России. – 2023. – № 4.
2. Данилкина И. И. Культурфилософские воззрения на сущность визуального воображения // Вестник ТГУ. – 2009. – № 4.
3. Задворнов А. Н. Тупик тотальной визуализации, или Почему Демокрит лишил себя зрения? // Визуальная коммуникация в социокультурной динамике. – 2016. – С. 82-86.
4. Бокэм Р. Иисус глазами очевидцев. Первые дни христианства: живые голоса свидетелей // Москва, Эксмо. – 2011. – 669 с.
5. Альберти Л. Б. Три трактата о живописи // Москва, Всесоюзная академия архитектуры. – 1935. – 39 с.
6. Митчелл У. Дж. Т. Иконология. Образ, текст, идеология // Москва, Кабинетный ученый. - 2017. — 237 с.
7. Хан Б. Общество усталости // Москва, АСТ. - 2023. — 160 с.
8. Штомпка П. Визуальная социология // Москва, Логос. - 2007. – 168 с.
9. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции // Москва, ПОСТУМ. - 2015. – 240 с.

ЕРМОЛЕНКО ИРИНА ПЕТРОВНА – аспирант, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Беларусь.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ *НАУКИ*

А.А. Медведев

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ НА УРОВНЕ СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье анализируются теоретико-методологические подходы к изучению коррупции как сложного социально-правового явления, а также концептуальные основы противодействия коррупции на уровне субъекта Российской Федерации. Рассматриваются эволюция понятия «коррупция» в научной литературе, междисциплинарные подходы к её исследованию (криминологический, экономический, политический, социологический), а также ключевые признаки и классификации коррупционных проявлений. Особое внимание уделено системе субъектов противодействия коррупции на федеральном и региональном уровнях, а также современным управленческим практикам реализации антикоррупционной политики в субъектах РФ. Выявлены основные проблемы реализации антикоррупционных мероприятий и определены перспективные направления совершенствования региональной антикоррупционной политики с учётом территориальных особенностей.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, субъект Российской Федерации, антикоррупционная политика, теоретические подходы, региональное управление, субъекты противодействия коррупции, коррупционные риски, профилактика коррупции.

© А.А. Медведев, 2026.

Научный руководитель: *Шведов В.В.* – к.и.н., доцент, Уральский государственный экономический университет, Россия.

Коррупция представляет собой одну из наиболее острых и сложных проблем современного общества, оказывающую разрушительное воздействие на все сферы государственного и общественного развития. С политической точки зрения, коррупция дискредитирует все ветви государственной власти, превращая государственный аппарат в инструмент наживы и произвола [6]. Несмотря на значительное количество научных исследований, посвящённых проблеме коррупции, в современной юридической науке отсутствует единое, общепризнанное определение данного феномена. Причина тому — различная методологическая база научных сфер, их несхожая аксиологическая сущность. Как справедливо отмечается в научной литературе, коррупцию следует рассматривать в единстве её правовых, экономических, социальных и политических аспектов, что обусловливает необходимость междисциплинарного подхода к её изучению [5].

В российском праве легальное определение коррупции закреплено в Федеральном законе от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Согласно статье 1 указанного закона, коррупция — это злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды. В доктринальном плане коррупция трактуется значительно шире — как социальное явление, заключающееся в разложении власти, когда государственные (муниципальные) служащие и иные лица, уполномоченные на выполнение государственных функций, используют свое служебное положение в корыстных целях для личного обогащения или в групповых интересах.

В современной научной литературе выделяются три основных направления изучения коррупции: криминологическое, экономическое и политическое. Криминологический подход рассматривает коррупцию как самостоятельный и довольно распространённый вид преступности и/или форму отклоняющегося поведения в органах государственной власти и местного самоуправления. Коррупционная преступность представляет собой категорию криминологическую и является совокупностью «родственных» коррупционных преступлений [10]. «Узкокриминологический» взгляд на коррупцию осмысливается через призму фонового явления («фон» понимается как коррупционно-ментальная почва) [10]. Экономический подход трактует коррупцию как один из наиболее вредоносных, по своим последствиям, видов экономической преступности (криминального предпринимательства), рассматривая её как специфический вид экономических отношений, связанный с неэффективным распределением ресурсов и созданием неравных условий для экономических агентов [11]. Политический подход рассматривает коррупцию как политическое явление, связанное с разложением государственной власти и подрывом доверия граждан к политическим институтам. Социологический подход определяет коррупцию как негативное моральное (аморальное) явление, влияющее на экономическую безопасность государства и создающее ситуации, вследствие которых наносится существенный вред обществу и государству [7].

Современная научная позиция чаще представляет собой интегративную модель, сочетающую элементы различных подходов. Как подчёркивается в исследованиях, методологические основы исследования криминологической антикоррупционной политики должны отражать соответствующие негативные последствия коррупции, а в целях достижения системности в анализе явления коррупции предлагается изучать взаимную связь и обусловленность его свойств в таких сферах, как государство, право и экономика [10]. Коррупция как системное явление обладает значительным распространением, существенно тормозит развитие правовой культуры граждан, что обусловливает необходимость построения теоретического каркаса к таксономическим основам анализа её современных проявлений [10].

Ключевыми признаками коррупции как социально-правового явления являются: использование должностного статуса (коррупционные деяния всегда связаны с реализацией властных полномочий, должностных функций или служебного положения); незаконное извлечение выгоды (получение материальных или нематериальных благ в нарушение установленного законом порядка); противоречие законным интересам общества и государства (коррупционные действия наносят ущерб публичным интересам, подрывают доверие к институтам власти); скрытый (латентный) характер (значительная часть коррупционных проявлений остаётся за пределами официальной статистики); системный характер (коррупция не является изолированным явлением, а представляет собой систему устойчивых связей и отношений) [9].

В научной литературе выделяются различные классификации коррупции. По сфере деятельности различают политическую, экономическую, административную, судебную и бытовую коррупцию. По субъектному составу выделяют индивидуальную, групповую и институциональную коррупцию. По способу совершения различают взяточничество, злоупотребление полномочиями, фаворитизм, протекционизм, непотизм (кумовство). По масштабу последствий коррупционные проявления варьируются от мелких бытовых взяток до крупных коррупционных схем на уровне высшего руководства регионов и федеральных органов власти.

Система субъектов противодействия коррупции в Российской Федерации представляет собой совокупность государственных органов, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества и иных организаций, осуществляющих деятельность по предупреждению и пресечению коррупционных правонарушений. На федеральном уровне к числу субъектов противодействия коррупции относятся: Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание, Правительство Российской Федерации, Генеральная прокуратура Российской Федерации, Следственный комитет Российской Федерации, Министерство внутренних дел, Федеральная служба безопасности, Счётная палата Российской Федерации, а также Управление Президента Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции [8].

На уровне субъектов Российской Федерации система субъектов противодействия коррупции включает: высшее должностное лицо субъекта РФ (определяет основные направления антикоррупционной политики в регионе, утверждает региональные антикоррупционные программы); законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта РФ (принимает региональные законы в сфере противодействия коррупции, осуществляет парламентский контроль); комиссии по координации работы по противодействию коррупции в субъекте РФ (обеспечивают координацию деятельности органов государственной власти субъекта РФ и органов местного самоуправления); органы субъекта РФ по профилактике коррупционных и иных правонарушений (осуществляют профилактику коррупционных правонарушений, организуют работу по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, проводят антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов) [8]; органы исполнительной власти субъекта РФ (реализуют антикоррупционные мероприятия в установленных сферах деятельности, осуществляют ведомственный контроль); органы местного самоуправления (осуществляют противодействие коррупции на муниципальном уровне) [8].

Важную роль в системе противодействия коррупции играют институты гражданского общества, включая общественные палаты, общественные советы при органах власти, средства массовой информации. Например, в Свердловской области действует Программа совместных действий институтов гражданского общества по противодействию коррупции до 2027 года «Общество против коррупции».

Региональный уровень противодействия коррупции является ключевым звеном в реализации антикоррупционной политики. Как отмечается в научной литературе, антикоррупционная политика на уровне субъекта РФ играет важную роль в обеспечении стабильности и развития региона, а учёт территориальных особенностей и вызовов повышает эффективность её реализации [12]. Антикоррупционная политика, активно формирующаяся с 2008 года, в 2024 году также претерпевает изменения в субъектах России [12]. Основными направлениями региональной антикоррупционной политики являются: совершенствование нормативного правового обеспечения профилактики и противодействия коррупции; создание и функционирование механизмов предотвращения и урегулирования конфликта интересов; совершенствование системы запретов и ограничений; снижение уровня коррупциогенности при реализации полномочий в сфере закупок. Антикоррупционная политика в регионах сопряжена с различными организационно-кадровыми проблемами, требующими формирования партнёрских отношений органов исполнительной власти с предпринимательскими структурами и местными сообществами, а также восприятия положительного опыта других регионов по противодействию коррупции [10].

В научной литературе обоснована необходимость дальнейшего совершенствования методик оценки эффективности антикоррупционной деятельности на региональном уровне. Важнейшими управленческими практиками реализации региональной антикоррупционной политики являются: формирование координационных структур реализации политики; тесное взаимодействие территориальных органов федеральных органов исполнительной власти и региональных органов исполнительной власти; включение в планы реализации политики широкого спектра институтов гражданского общества; применение инновационных технологий, в том числе информационно-коммуникационных технологий. Как подчёркивается в исследовании региональной антикоррупционной политики, установлена важность создания согласованной системы мониторинга, контроля и анализа эффективности принимаемых мер, которая позволит достичь лучших результатов в борьбе с коррупцией и обеспечить прозрачность и ответственность управления [8].

Таким образом, проведённый теоретико-методологический анализ позволяет сделать вывод о том, что коррупция представляет собой сложное системное явление, требующее междисциплинарного подхода к изучению и противодействию. Отсутствие единого общепризнанного определения коррупции обусловлено различной методологической базой научных сфер. Противодействие коррупции на уровне субъекта Российской Федерации является комплексным самостоятельным направлением государственной региональной политики, эффективность которого зависит от координации деятельности всех субъектов антикоррупционной деятельности, совершенствования нормативно-правовой базы, развития профилактических механизмов и активного участия институтов гражданского общества. Перспективными

направлениями дальнейших исследований являются: совершенствование методик оценки эффективности антикоррупционной деятельности; разработка механизмов общественного контроля за деятельностью органов власти; изучение регионального опыта противодействия коррупции и его распространение; внедрение цифровых технологий в антикоррупционную деятельность.

Библиографический список:

1. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6228.
2. Указ Президента РФ от 19.05.2008 № 815 «О мерах по противодействию коррупции» // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 21. – Ст. 2429.
3. Указ Президента РФ от 16.08.2021 № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 34. – Ст. 6226.
4. Указ Губернатора Свердловской области от 12.05.2025 № 168-УГ «Об утверждении региональной антикоррупционной программы Свердловской области» // Официальный интернет-портал правовой информации Свердловской области. – URL: http://www.pravo.gov66.ru.
5. Гончаренко Г.С. Понятие, виды и механизмы коррупции с точки зрения правовых институтов // Научный журнал. – 2023. – № 2. – С. 12–25.
6. Гончаренко Г.С. Правовая и криминологическая сущность коррупции // Научный журнал. – 2024. – № 4. – С. 45–58.
7. Кабанов П.А. Коррупция как объект криминологического анализа: основные исследовательские подходы в современной российской криминологии // Следователь. – 2002. – № 8. – С. 57.
8. Киселёва А.М., Тимченко А.Е. Противодействие коррупции в исполнительных органах государственной власти субъектов Российской Федерации // Научный журнал. – 2025. – № 1. – С. 35–42.
9. Региональная антикоррупционная политика: современные управленческие практики реализации // Вестник ПСЕС. – 2024. – № 4. – С. 531–545.
10. Соловьев А.А. Понятие, классификация и признаки коррупции как явления, влияющего на экономическую безопасность государства // Современное право. – 2024. – № 2. – С. 28–32.
11. Халидов Х.М. Теоретико-методологические предпосылки определения коррупции // Научный журнал. – 2025. – № 3. – С. 15–22.
12. Щербинин А.П. Понятие, причины и формы проявления коррупции в Российской Федерации в настоящее время // Молодой учёный. – 2024. – № 28 (527). – С. 195–196.

МЕДВЕДЕВ АНТОН АНДРЕЕВИЧ – магистрант, Уральский государственный экономический университет, Россия.

А.А. Медведев

АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЗА 2023–2025 ГГ.

В статье на основе официальных статистических данных Генеральной прокуратуры РФ, МВД России, Верховного Суда РФ, а также аналитических рейтингов регионов за 2023–2025 годы анализируются динамика и региональная дифференциация коррупционной преступности в Российской Федерации. Рассматриваются общероссийские тенденции роста числа выявленных коррупционных преступлений, увеличения материального ущерба и числа осуждённых. Особое внимание уделяется региональным различиям в уровне коррупционной поражённости и эффективности антикоррупционной деятельности. Выявлены регионы-лидеры по эффективности противодействия коррупции (Воронежская, Челябинская области, Алтайский край), а также регионы с наиболее неблагополучной ситуацией (Бурятия, Камчатский край, Псковская область). Показана значительная вариативность показателя числа коррупционных преступлений на 10 тысяч населения — от 0,17 в Чеченской Республике до 8,26 в Республике Бурятия. Сделан вывод о сохранении высокого уровня латентности коррупции и необходимости совершенствования региональных антикоррупционных механизмов.

Ключевые слова: коррупционная преступность, региональная дифференциация, антикоррупционная политика, субъект Российской Федерации, латентность коррупции, статистика коррупционных преступлений.

Противодействие коррупции на уровне субъектов Российской Федерации остаётся одной из наиболее актуальных задач государственного управления. Несмотря на наличие развёрнутой нормативно-правовой базы, включающей Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и Национальные планы противодействия коррупции, практика реализации антикоррупционной политики в регионах сталкивается с рядом системных проблем, одной из которых является значительная региональная дифференциация как уровня коррупционной поражённости, так и эффективности антикоррупционной деятельности.

По данным Transparency International, Индекс восприятия коррупции (далее - ИВК) в России в 2025 году составил 22 балла из 100, что является повторением худшего результата в истории наблюдений. По этому показателю Россия заняла 157-е место из 182 стран, опустившись на три позиции по сравнению с 2024 годом (154-е место). Среднемировой показатель ИВК в 2025 году составил 42 балла — самый низкий уровень более чем за десять лет.

Цель настоящей статьи — анализ региональных различий коррупционной преступности в Российской Федерации на основе официальных статистических данных и аналитических рейтингов за 2023–2025 годы.

За период 2023–2025 годов наблюдается устойчивый рост числа выявленных коррупционных преступлений. Согласно официальным данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в первом квартале 2025 года было выявлено 15 458 коррупционных преступлений — на 24% больше, чем за аналогичный период 2024 года. За весь 2024 год зарегистрировано 38,5 тысячи таких преступлений против 36,4 тысячи в 2023 году, что составило рост на 5,7%. При этом доля коррупционных преступлений в общем объёме выявленных преступлений также увеличилась: с 55,7% в 2023 году до 60,3% в 2024 году. В первом квартале 2025 года этот показатель достиг 60,9%.

Материальный ущерб от коррупционных преступлений демонстрирует устойчивый рост. По данным МВД России, в 2025 году материальный ущерб по оконченным и приостановленным уголовным делам, связанным с коррупцией, достиг 16 млрд рублей. По данным Следственного комитета РФ, ущерб от коррупционных преступлений в 2025 году составил около 18,5 млрд рублей, что более чем на 20%

© А.А. Медведев, 2026.

Научный руководитель: *Шведов В.В.* – к.и.н., доцент, Уральский государственный экономический университет, Россия.

превышает показатель 2024 года. С учётом высокой латентности коррупции реальные потери оцениваются в 240–400 млрд рублей по прямым каналам и до 2,5 трлн рублей ежегодно.

Число осуждённых за коррупционные преступления также достигло рекордных значений. В 2025 году за коррупционные преступления были осуждены более 11 тысяч человек. Среди осуждённых: 548 государственных и муниципальных служащих, 183 сотрудника ГИБДД и 174 других сотрудника полиции. За получение взяток были осуждены 1 868 человек, за дачу взятки — 3 443 человека, за посредничество во взяточничестве — 573 человека. В первом квартале 2025 года к ответственности за коррупцию привлечено 5 478 человек против 4 856 за аналогичный период 2024 года.

Анализ региональных данных показывает значительные различия в уровне коррупционной поражённости и эффективности антикоррупционной деятельности между субъектами Российской Федерации.

По данным антикоррупционного рейтинга Центра политической информации за 2025 год, в первую десятку регионов-лидеров по эффективности противодействия коррупции вошли:

1.Воронежская область (85 баллов)
2.Алтайский край (82 балла)
3.Челябинская область (81 балл)
4.Краснодарский край (81 балл)
5.Республика Татарстан
6.Архангельская область
7.Республика Саха (Якутия)
8.Липецкая область
9.Брянская область
10.Иркутская область

Как отмечается в аналитических материалах, лидерами антикоррупционного рейтинга стали регионы с развитой системой антикоррупционных органов и высокими показателями выявляемости преступлений.

Наиболее неблагополучная ситуация с коррупцией наблюдается в ряде регионов, преимущественно отдалённых от центра.

Республика Бурятия стала лидером по уровню коррупции в России. В 2024 году в регионе было выявлено 8,26 преступления на каждые 10 тысяч жителей. Только за 2025 год ущерб от коррупции в Бурятии оценили в 500 млн рублей, возбуждено 250 уголовных дел — на 25% больше, чем годом ранее.

Камчатский край вошёл в ТОП-25 самых коррумпированных регионов России, разделив 67-68 место с Пермским краем.

Псковская область в рейтинге состояния коррупции и антикоррупционной активности поделила 76-78 места.

Наиболее наглядно региональная дифференциация проявляется при сопоставлении крайних значений показателя числа коррупционных преступлений на 10 тысяч населения. Согласно приведённой статистике, наибольшее количество коррупционных преступлений на 10 тысяч жителей было выявлено в Бурятии 8,26, а наименьшее — в Чеченской Республике 0,17. Разрыв между этими показателями составляет более чем 48-кратную величину, что свидетельствует о существенных различиях как в реальном уровне коррупционной поражённости, так и в эффективности правоохранительной деятельности в регионах.

Особого внимания заслуживает ситуация в Свердловской области. С одной стороны, область имеет один из самых низких в стране показателей количества зарегистрированных коррупционных преступлений — всего 0,98 на 10 тысяч человек. Однако при этом в 2025 году число коррупционных преступлений в Свердловской области выросло на 35,8% по сравнению с 2024 годом, а в первом полугодии 2025 года количество преступлений коррупционной направленности увеличилось на 111,2%. Это свидетельствует об активизации правоохранительной деятельности и улучшении выявляемости, а не о реальном росте уровня коррупции.

В ряде регионов наблюдается двукратный и более рост числа коррупционных преступлений. В Красноярском крае в 2025 году число коррупционных преступлений выросло на 30%. В Ростовской области в 2025 году число коррупционных преступлений выросло на 22,8%, до 565 эпизодов.

Отдельного внимания заслуживает ситуация в приграничных регионах. Как отмечается в аналитических материалах, с 2025 года российские прокуроры систематически возбуждают уголовные дела против губернаторов и высокопоставленных чиновников в приграничных регионах: Курской, Белгородской и Брянской областях. Наиболее громкие дела 2026 года связаны с коррупцией при строительстве оборонительных сооружений на границе. Прокуроры систематически привлекают к ответственности подрядчиков, обвиняемых в присвоении средств при строительстве оборонительных сооружений на гра-

нице. Систематически возбуждаются уголовные дела против губернаторов и высокопоставленных чиновников в приграничных регионах. Во всех трёх граничащих с Украиной регионах (Курская, Белгородская и Брянская области) начались следственные действия против вице-губернаторов, а в Курской области был арестован и бывший глава региона.

По данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2025 году типичным коррупционером стал ранее не судимый мужчина в возрасте от 30 до 49 лет с высшим образованием и семьёй. Наиболее частым коррупционным преступлением является взяточничество.

Доля коррупционных преступлений, совершённых в группе, в 2025 году составила 17,3% из них 61,9% — по предварительному сговору, 33,1% — организованной группой.

На основе проведённого анализа можно сделать следующие выводы.

1. Устойчивый рост коррупционной преступности. За период 2023–2025 годов наблюдается неуклонный рост числа выявленных коррупционных преступлений: с 36,4 тыс. в 2023 году до 38,5 тыс. в 2024 году и уже 15,5 тыс. только в I квартале 2025 года (рост на 24%). Доля коррупционных преступлений в общем объёме преступности выросла с 55,7% до 60,3%.

2. Рост материального ущерба. Официально зафиксированный ущерб от коррупции достиг 16–18,5 млрд рублей в 2025 году с ростом более чем на 20% по сравнению с 2024 годом. С учётом высокой латентности реальный ущерб оценивается в сотни миллиардов рублей ежегодно.

3. Значительная региональная дифференциация. Уровень коррупционной поражённости и эффективность антикоррупционной деятельности существенно различаются между субъектами РФ. Показатель числа коррупционных преступлений на 10 тысяч населения варьируется от 0,17 в Чеченской Республике до 8,26 в Республике Бурятия, что свидетельствует о существенных различиях как в реальном уровне коррупции, так и в эффективности правоохранительной деятельности.

4. Регионы-лидеры и аутсайдеры. В первую десятку регионов по эффективности противодействия коррупции вошли Воронежская и Челябинская области, Алтайский и Краснодарский края, Республика Татарстан, Архангельская область, Якутия, Липецкая, Брянская и Иркутская области. Наиболее неблагополучная ситуация наблюдается в Республике Бурятия, Камчатском крае и Псковской области.

5. Активизация правоохранительной деятельности. В 2025 году зафиксировано рекордное число осуждённых за коррупцию (более 11 тыс. человек) и уволенных с госслужбы за коррупционные нарушения. В ряде регионов (Свердловская область, Красноярский край, Ростовская область) наблюдается двукратный и более рост числа выявленных коррупционных преступлений, что может свидетельствовать об активизации правоохранительной деятельности.

6. Высокая латентность коррупции. Значительная часть коррупционных деяний не попадает в официальную статистику, что искажает реальную картину коррупционной преступности. Разрыв между регионами по числу выявленных преступлений может объясняться как различным реальным уровнем коррупции, так и разной эффективностью правоохранительных органов.

Библиографический список:

1. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6228.
2. Указ Президента РФ от 16.08.2021 № 478 (ред. от 26.06.2023) «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 34. – Ст. 6226.
3. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Данные о выявленных коррупционных преступлениях за 2023–2025 годы. – URL: https://epp.genproc.gov.ru.
4. МВД России. Данные о материальном ущербе от коррупционных преступлений за 2023–2025 годы. – URL: https://мвд.рф.
5. Верховный Суд Российской Федерации. Данные об осуждённых за коррупционные преступления за 2023–2025 годы. – URL: https://vsrf.ru.
6. Центр политической информации. Антикоррупционный рейтинг регионов РФ, 2025 год.
7. Transparency International. Индекс восприятия коррупции, 2024–2025 гг. – URL: https://ti-russia.org.
8. Территориальные органы Генеральной прокуратуры РФ по федеральным округам. Статистические данные за 2023–2025 годы.

МЕДВЕДЕВ АНТОН АНДРЕЕВИЧ – магистрант, Уральский государственный экономический университет, Россия.

А.А. Медведев

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ НА УРОВНЕ СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ РЕАЛИЗАЦИИ

В статье на основе анализа актуальных статистических данных и материалов правоприменительной практики за 2023–2026 годы рассматриваются системные проблемы реализации антикоррупционной политики на уровне субъектов Российской Федерации. Анализируются такие аспекты, как сохранение высокого уровня латентности коррупционных правонарушений, недостаточная эффективность антикоррупционной экспертизы, слабая координация деятельности субъектов противодействия коррупции, преобладание реактивных мер над превентивными, а также проблемы в сфере государственных и муниципальных закупок. Особое внимание уделяется региональным различиям в уровне коррупции и эффективности антикоррупционной деятельности, а также правовым и организационным пробелам, снижающим результативность принимаемых мер.

Ключевые слова: противодействие коррупции, субъект Российской Федерации, латентность коррупции, антикоррупционная политика, региональное управление, коррупционные риски, эффективность управления.

Противодействие коррупции на уровне субъектов Российской Федерации остаётся одной из наиболее сложных и актуальных задач государственного управления. Несмотря на наличие развёрнутой нормативно-правовой базы, включающей Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», Национальную стратегию противодействия коррупции, а также национальные и региональные планы противодействия коррупции, практика реализации антикоррупционной политики в регионах сталкивается с рядом системных проблем, снижающих её эффективность.

Как свидетельствует анализ региональной практики, коррупция остаётся устойчивым социально-правовым явлением, адаптирующимся к изменяющимся условиям. Только за первое полугодие 2025 года было выявлено 767 коррупционных правонарушений, а по данным Генеральной прокуратуры РФ, в I квартале 2025 года выявлено на 25% больше коррупционных преступлений, чем за аналогичный период 2024 года. В ряде регионов наблюдается рост числа коррупционных преступлений: в Брянской области за три месяца 2025 года число фактов взяточничества выросло более чем на 74%, а в Калужской области в 2025 году на 27% увеличилось число выявленных фактов взяточничества.

Цель настоящей статьи — критический анализ ключевых проблем реализации антикоррупционной политики на уровне субъектов Российской Федерации на основе актуальных статистических данных и материалов правоприменительной практики за 2023–2026 годы.

Одной из наиболее существенных проблем противодействия коррупции в регионах остаётся её высокий уровень латентности. Как справедливо отмечается в научной литературе, значительная часть коррупционных деяний не попадает в официальную статистику в силу их скрытого характера, нежелания потерпевших обращаться в правоохранительные органы, а также недостаточной эффективности работы органов, осуществляющих выявление и пресечение коррупционных преступлений.

Исследование «Состояние коррупции и антикоррупционная активность в субъектах РФ» за 2025 год показывает существенные региональные различия в показателях выявления коррупционных преступлений. Так, Свердловская область, один из крупнейших промышленных регионов, имеет один из самых низких в стране показателей количества зарегистрированных коррупционных преступлений — всего 0,98 на 10 тысяч человек, заняв лишь 22–23 место в общероссийском рейтинге. При этом в Республике Бурятия данный показатель достигал 8 преступлений на 10 тысяч жителей.

Подобная дифференциация может свидетельствовать как о различной эффективности правоохранительных органов в разных регионах, так и о разном уровне реальной коррупционной поражённости

© А.А. Медведев, 2026.

Научный руководитель: *Шведов В.В.* – к.и.н., доцент, Уральский государственный экономический университет, Россия.

территорий. Как отмечается в материалах Генеральной прокуратуры РФ, в Воронежской, Брянской областях, а также в регионах Северо-Кавказского и Южного федеральных округов наблюдается «более лояльное отношение к коррупции у людей». Данный факт указывает на наличие устойчивых социокультурных факторов, формирующих терпимое отношение к коррупционным проявлениям в отдельных регионах, что требует особых подходов к антикоррупционному просвещению.

Качество антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов в субъектах РФ остаётся недостаточным. Многие коррупциогенные факторы выявляются лишь после того, как акты уже вступили в силу и начали применяться на практике. Как отмечается в исследовании региональной антикоррупционной политики, «некачественный подход к планированию (отсутствие необходимых ресурсов, неучёт данных антикоррупционного мониторинга и прочих показателей социально-экономического прогнозирования развития региона)» остаётся серьёзной проблемой.

Проблема усугубляется отсутствием правовых инструментов для выявления и верификации активов, что существенно снижает эффективность антикоррупционного контроля. В ряде муниципальных образований планы противодействия коррупции не разрабатываются и не принимаются, что способствует возникновению коррупционных рисков и препятствует реализации эффективной антикоррупционной политики.

Особую тревогу вызывает ситуация с контролем за достоверностью сведений о доходах чиновников. В Ростовской области по итогам 2025 года неполные или недостоверные сведения выявили в 86% проверенных деклараций о доходах разного уровня чиновников, а к дисциплинарной ответственности за коррупционные правонарушения привлекли 438 служащих. Это свидетельствует о системном характере нарушений в сфере представления сведений о доходах.

Многообразие субъектов антикоррупционной деятельности, их различная ведомственная принадлежность и разный объём полномочий создают объективные сложности в координации их работы. Как отмечается в материалах прокурорских проверок, в ряде муниципальных образований «отсутствовали порядок предоставления и рассмотрения декларации конфликта интересов, положения о предотвращении и урегулировании конфликта интересов, не приняты меры, направленные на недопущение составления неофициальной отчетности и использования поддельных документов».

Нарушения в реализации национальных проектов также свидетельствуют о недостаточной координации контрольных органов. В Татарстане выявлено более 900 нарушений при реализации нацпроектов, в Забайкальском крае — свыше 400, в Новосибирской области — более 300. При этом наиболее подверженными коррупционным рискам сферами признаны закупочная деятельность, строительство, реализация национальных проектов и топливно-энергетический комплекс.

Значительная часть усилий правоохранительных органов направлена на выявление и наказание уже совершённых коррупционных правонарушений, а не на предотвращение условий, способствующих их совершению. Хотя в отдельных регионах наблюдается рост числа осуждённых за коррупцию (в Волгоградской области в 2025 году осуждено 466 лиц — на 10% больше, чем годом ранее), показатели эффективности работы по профилактике коррупционных правонарушений остаются невысокими.

В Ростовской области в 2025 году за коррупцию привлечено к дисциплинарной ответственности 29 госслужащих, что на 35,5% меньше, чем в 2024 году. При этом ущерб от коррупции в Воронежской области за 9 месяцев 2025 года вырос в 3 раза до 821 млн рублей, хотя число преступлений сократилось с 93 до 47. Данная динамика свидетельствует о том, что снижение количества выявленных преступлений не всегда означает реальное улучшение ситуации — коррупционные схемы становятся более крупными и сложными, что требует совершенствования методов их выявления и профилактики.

Анализ антикоррупционных рейтингов субъектов РФ за 2025–2026 годы показывает существенные различия в уровне коррупционной поражённости и эффективности антикоррупционной деятельности между регионами. В первую десятку регионов по эффективности противодействия коррупции вошли Воронежская и Челябинская области, Алтайский и Краснодарский края, Республика Татарстан, Архангельская область, Якутия, Липецкая, Брянская и Иркутская области.

В то же время наиболее неблагополучная ситуация с коррупцией наблюдается в отдалённых от центра субъектах. Например, Камчатка вошла в ТОП-25 самых коррумпированных регионов России. Псковская область в рейтинге состояния коррупции и антикоррупционной активности поделила 76-78 места.

Как отмечают эксперты, «региональные элиты вышли из-под контроля», и в 2025 году задержаны свыше 100 высокопоставленных чиновников. При этом лояльность Кремлю для региональных чиновников больше не является страховкой, а участие в системе не гарантирует личную безопасность. Счёт задержанных губернаторов, министров и мэров в 2026 году идёт уже не на единицы — на десятки. Самые громкие дела 2026 года связаны с коррупцией при строительстве оборонительных сооружений на границе — в Белгородской и Курской областях.

Антикоррупционная политика в регионах сопряжена с различными организационно-кадровыми проблемами, требующими формирования партнёрских отношений органов исполнительной власти с предпринимательскими структурами и местными сообществами.

В Еврейской автономной области за последние три года по выявленным нарушениям заведено лишь одно уголовное дело. Основной причиной проблем стало отсутствие должного внутреннего финансового аудита и слабый ведомственный контроль со стороны департаментов над подведомственными учреждениями. Подобная ситуация свидетельствует о формальном подходе к реализации антикоррупционных мероприятий в отдельных регионах.

В ряде регионов сохраняется «некачественный» подход к планированию антикоррупционных мероприятий, что выражается в отсутствии необходимых ресурсов, неучёте данных антикоррупционного мониторинга и других показателей социально-экономического прогнозирования развития региона.

Сфера государственных и муниципальных закупок остаётся одной из наиболее коррупциогенных. Как отмечается в региональных антикоррупционных программах, требуется совершенствование мер по противодействию коррупции в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд.

В 2025 году Центральную Россию потрясли громкие уголовные дела, затронувшие чиновников самого высокого уровня. Во всех трёх граничащих с Украиной регионах начались следственные действия против вице-губернаторов, а в Курской области был арестован и бывший глава региона. Систематически возбуждаются уголовные дела против губернаторов и высокопоставленных чиновников в приграничных регионах: Курской, Белгородской и Брянской областях. Прокуроры систематически привлекают к ответственности подрядчиков, обвиняемых в присвоении средств при строительстве оборонительных сооружений на границе.

Для повышения эффективности противодействия коррупции на региональном уровне необходимо дальнейшее совершенствование нормативного правового обеспечения, включая уточнение полномочий субъектов противодействия коррупции, конкретизацию процедур антикоррупционной экспертизы и усиление ответственности за коррупционные правонарушения. Принятие нового Национального плана противодействия коррупции на 2025–2030 годы создаёт основу для обновления региональных антикоррупционных программ и активизации усилий по противодействию коррупции.

Как отмечается в научной литературе, в сфере реализации противодействия коррупции стремительно развиваются блокчейн-технологии. Однако основные сложности в использовании этих практик заключаются в том, что на сегодняшний день их применение считается уникальным и экспериментальным, поскольку соответствующее правовое регулирование и надёжное программное обеспечение отсутствуют. Регионы накапливают опыт, выявляют свои критические зоны и коррупционные ловушки.

Требуется создание согласованной системы мониторинга, контроля и анализа эффективности принимаемых мер, которая позволит достичь лучших результатов в борьбе с коррупцией и обеспечить прозрачность и ответственность управления.

Приоритетом антикоррупционной политики должно стать предупреждение коррупционных правонарушений, а не только их выявление и наказание. Это предполагает систематическое выявление и устранение коррупционных рисков, совершенствование механизмов предотвращения и урегулирования конфликта интересов, формирование нетерпимости к коррупционному поведению в обществе.

Важнейшими управленческими практиками реализации региональной антикоррупционной политики являются: формирование координационных структур реализации политики; тесное взаимодействие территориальных органов федеральных органов исполнительной власти и региональных органов исполнительной власти; включение в планы реализации политики широкого спектра институтов гражданского общества; применение инновационных технологий, в том числе информационно-коммуникационных технологий.

Проведённый критический анализ проблем реализации антикоррупционной политики на уровне субъектов Российской Федерации позволяет сделать следующие выводы.

Несмотря на наличие развёрнутой нормативно-правовой базы и системы субъектов противодействия коррупции, реализация антикоррупционной политики в регионах сталкивается с рядом системных проблем. Ключевыми из них являются: высокий уровень латентности коррупционных правонарушений; недостаточная эффективность антикоррупционной экспертизы; слабая координация деятельности субъектов противодействия коррупции; преобладание реактивных мер над превентивными; формальный подход к реализации антикоррупционных программ; проблемы в сфере государственных и муниципальных закупок.

Практика 2025–2026 годов демонстрирует активизацию правоохранительной деятельности в сфере противодействия коррупции, включая привлечение к ответственности высокопоставленных чиновников. Однако снижение количества выявленных преступлений в одних регионах на фоне роста ущерба от коррупции в других свидетельствует о необходимости совершенствования методов выявления

и профилактики коррупционных правонарушений, а также о сохранении высокого уровня латентности коррупции.

Достижение устойчивых результатов в противодействии коррупции на региональном уровне требует системного подхода, объединяющего усилия всех субъектов антикоррупционной деятельности, совершенствования нормативно-правовой базы, развития профилактических механизмов, внедрения цифровых технологий и активного участия институтов гражданского общества. Только комплексное решение выявленных проблем позволит повысить эффективность антикоррупционной политики на уровне субъектов Российской Федерации.

Библиографический список:

1. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6228.
2. Федеральный закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 50 (ч. 4). – Ст. 6953.
3. Указ Президента РФ от 16.08.2021 № 478 (ред. от 26.06.2023) «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 34. – Ст. 6226.
4. Указ Губернатора Свердловской области от 12.05.2025 № 168-УГ «Об утверждении региональной антикоррупционной программы Свердловской области» // Официальный интернет-портал правовой информации Свердловской области.
5. Камчатка вошла в ТОП-25 самых коррумпированных регионов России // kam24.ru. – 2026. – 26 января.
6. Региональные элиты вышли из-под контроля: в 2025 году задержаны свыше 100 высокопоставленных чиновников // bloknot.ru. – 2026. – 5 января.
7. Нарушения нашли в 86% проверенных деклараций донских чиновников // south.vedomosti.ru. – 2026. – 2 июня.
8. Свердловская область показала неожиданный результат в борьбе с коррупцией // ura.news. – 2026. – 22 января.
9. В каких регионах России больше всего воруют? // bloknot.ru. – 2026. – 26 января. Воронежская область: ущерб от коррупции вырос в 3 раза до 821 млн рублей // epp.genproc.gov.ru.
10. Прокуратура выявила сотни нарушений в национальных проектах по регионам России // zab.ru. – 2025. – 11 ноября.
11. Методические подходы к мониторингу коррупционных рисков как фактор обеспечения экономической безопасности региона // cyberleninka.ru. – 2026.
12. Управление Генеральной прокуратуры РФ по Сибирскому федеральному округу // epp.genproc.gov.ru.
13. Тюменская область: статистика коррупционных преступлений за 2025 год // epp.genproc.gov.ru.

МЕДВЕДЕВ АНТОН АНДРЕЕВИЧ – магистрант, Уральский государственный экономический университет, Россия.

В.С. Фетисов

НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ ИНВЕСТИЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРЕДПРИЯТИЯ ЧЕРЕЗ МЕХАНИЗМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ

В статье рассматриваются научные подходы к формированию инвестиционного потенциала предприятия: ресурсный, стратегический и системный. Выявлены основные инструменты государственной поддержки в России, включая национальные проекты, льготное кредитование, субсидирование процентных ставок и грантовую поддержку.

Ключевые слова: *инвестиционный потенциал, государственная поддержка, субсидирование, льготное кредитование, грантовая поддержка, национальные проекты.*

Субсидирование, льготное кредитование, грантовая поддержка и участие в национальных проектах позволяют предприятиям снизить финансовую нагрузку, ускорить модернизацию основных фондов и повысить инвестиционную привлекательность для частных инвесторов. Однако, как показывает практика, не все предприятия способны эффективно воспользоваться предоставляемыми инструментами государственной поддержки из-за недостаточной методической проработанности механизмов их применения и оценки результативности.

Рис. 1. Классификация форм государственной поддержки инвестиционной деятельности предприятий (составлена автором)

© В.С. Фетисов, 2026.

Научный руководитель: *Чувилова Оксана Николаевна* – кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и кредита института экономики и управления, Северо-Кавказский федеральный университет, Россия.

Понятие «инвестиционный потенциал» в работах современных авторов рассматривается с акцентом на ресурсную базу, факторы формирования и практические инструменты оценки.

Матвеев Т.Н. определяет ресурсный потенциал с позиции ресурсного подхода как совокупность материальных, финансовых, трудовых, информационных и нематериальных ресурсов, которые предприятие способно направить на инвестиционные цели. Данный подход основан количественной оценке имеющихся активов и резервов предприятия [1].

Николаевский О.А. в своих работах определяет инвестиционный потенциал как способность предприятия к расширению деятельности [2].

Наиболее комплексным представляется системный подход, согласно которому инвестиционный потенциал предприятия рассматривается как динамическая система, включающая взаимосвязанные элементы, функционирующие в едином контексте внешней и внутренней среды [3].

Повышению инвестиционного потенциала способствует государственная поддержка.

Классификация форм государственной поддержки инвестиционной деятельности предприятий может быть осуществлена по различным критериям (рис. 1.1).

В России основными формами государственной поддержки инвестиционной деятельности предприятий являются: национальные проекты, государственные программы, Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации», Постановление Правительства РФ о субсидировании процентных ставок по инвестиционным кредитам, специальные инвестиционные контракты, региональные программы поддержки инвестиционной деятельности.

Эффективное использование государственной поддержки требует от предприятий активной позиции по поиску доступных мер финансирования, качественной подготовки заявок и соблюдения условий предоставления средств.

Библиографический список:

1.Матвеев, Т.Н. Оценка инвестиционной привлекательности предприятия [Электронный ресурс] / Т.Н. Матвеев. Труды МГТА: электронный журнал. 26.09.11. URL: http://e-magazine.meli.ru/vipusk_19/262_v19_ (дата обращения: 05.10.2026)

2.Николаевский, О.А. Финансовый механизм использования инвестиционного потенциала промышленного предприятия / О.А. Николаевский // Финансы и кредит, 2023. №26 (568). С. 45-54

3.Плюснин Я. К. К вопросу о необходимости оценки инвестиционного потенциала для промышленных предприятий / Я. К. Плюснин, М. В. Курашова // Молодежь и наука : материалы международной научно-практической конференции старшеклассников, студентов и аспирантов 29 мая 2020 г. ; Министерство науки и высшего образования РФ, ФГАОУ ВО «УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина», Нижнетагильский технологический институт филиал. - Нижний Тагил : НТИ филиал УрФУ, 2020. - С. 428-430.

ФЕТИСОВ ВЛАДИСЛАВ СЕРГЕЕВИЧ – магистрант, Северо-Кавказский федеральный университет, Россия.

М.И. Трубин

ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье проанализированы тенденции социально-экономического развития города Нижний Тагил в 2023–2025 годах. Выявлены противоречивые тенденции в демографической, экономической и бюджетной сферах, свидетельствующие о структурной трансформации муниципалитета. Сформулированы рекомендации для органов местного самоуправления по преодолению системных ограничений.

Ключевые слова: *муниципальное образование, социально-экономическое развитие территории, структурная трансформация.*

В условиях современной геополитической ситуации, обусловившей структурную трансформацию национальной экономики, включая обеспечение технологического суверенитета нашей страны, ключевую роль играют промышленные центры в пределах территорий муниципальных образований, которые сталкиваются с такими социально-экономическими проблемами, как кадровый дефицит, демографические ограничения, недостаток инвестиций и т.п.

Социально-экономическое развитие муниципального образования является предметом исследования многих авторов. Отметим тех авторов, которые изучают данную тематику с оригинальных ракурсов. Коллектив авторов во главе с Шиловой В.А. в основу анализа развития муниципалитета заложили когнитивное моделирование [1]. Калюгина С.Н., Мухорьянова О.А. и Фурсов В.А. выявляют асимметричность социально-экономического развития города [2]. Молокова А.А. рассматривает возможности событийного маркетинга территории как одного из факторов ее социально-экономического развития [3].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью оценки реального состояния экономики и социальной сферы территории в период новых макроэкономических реалий 2023-2025 г.г. В таблице 1 систематизирована совокупность показателей, оценивающих социально-экономического развития исследуемого муниципалитета.

Таблица 1

Динамика показателей социально-экономического развития города Нижний Тагил Свердловской области (составлено автором по: [4])

Показатель	2023	2024	Уровень достижения, %	2025	Уровень достижения, %	Темп прироста, %
Число родившихся, чел.	2564	2463	104,3	2502	101,3	-2,4
Число умерших, чел.	4785	4946	86,0	5562	88,5	16,2
Число зарегистрированных браков, ед.	2152	2020	95,7	2260	96,7	5,0
Число зарегистрированных разводов, ед.	1657	1560	102,1	1210	144,6	-27,0
Доля детей в возрасте 3 - 7 лет, получающих дошкольную образовательную услугу и (или) услугу по их содержанию в организациях всех форм собственности, %	93,0	92,0	100,0	92,0	100,0	-1,1
Доля детей в возрасте до 3-х лет, получающих дошкольную образовательную услугу и (или) услугу по их содержанию в организациях всех форм собственности, %	57,0	63,0	103,5	67,5	108,9	18,4
Количество детей и подростков, охваченных отдыхом и оздоровлением, чел.	38860	38006	100,0	32786	100,0	-15,6
Количество обучающихся в образовательных учреждениях в сфере культуры, чел.	3640	3599	100,8	3580	100,9	-1,6

© М.И. Трубин, 2026.

Научный руководитель: *Куликова Елена Сергеевна* – доктор экономических наук, доцент, Уральский государственный экономический университет, Россия.

Окончание таблицы 1

Показатель	2023	2024	Уровень достижения, %	2025	Уровень достижения, %	Темп прироста, %
Инвестиции в основной капитал организаций, % к предыдущему году	105,4	116,5	121,1	133,1	129,9	26,3
Количество субъектов малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей, ед.	10253	10644	104,8	11058	108,4	7,9
Оборот розничной торговли в действующих ценах, % к предыдущему году	117,9	118,3	106,6	108,9	92,1	-7,6
Оборот общественного питания в действующих ценах, млн руб.	2704,2	2957,1	103,5	3455,5	114,5	27,8
Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг по промышленным видам экономической деятельности, % к предыдущему году в текущих ценах	113,6	117,2	108,8	93,6	90,3	-17,6
Численность работников крупных и средних предприятий, чел.	105752	104645	99,0	105686	101,0	-0,1
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, % к предыдущему году	121,3	127,3	116,1	114,1	105,9	-5,9
Численность безработных граждан, чел.	398	301	75,25	308	95,8	-22,6
Уровень зарегистрированной безработицы, %	0,23	0,17	73,9	0,18	94,4	-21,7
Все доходы, млн. руб., в том числе	28717,5	27998,9	118,1	27759,8	103,5	-3,3
1) налоговые доходы	7008,8	8728,3	122,7	9260,8	103,8	32,1
2) неналоговые доходы	672,40	553,7	127,7	771,1	173,2	14,7
Расходы, млн руб.	24628,1	25273,8	94,8	29836,2	100,4	21,1
Ввод жилья, тыс. кв.м	44,7	47,7	116,5	70,9	103,7	58,6
Ввод нежилых помещений, в том числе складских, офисных, торговых, гостиничных, тыс. кв.м	46,9	38,7	202,2	60,7	236,7	29,4

Анализ данных в представленной таблице позволяет выявить ряд трендов, которые в совокупности определяют, с нашей точки зрения, противоречивую картину развития муниципалитета. К наиболее негативному тренду отнесем динамику демографических показателей. Если рождаемость фактически держится в среднем на уровне 2,5 тысяч детей в год (темп прироста за 2023-2025 г.г. составил минус 2,4%), то показатель смертности значительно вырос с 4785 человек в 2023 г. до 5562 человек в 2025 г. Прирост составил 16,2%, что говорит о старении населения. Если сравнить фактические показатели с планируемыми, то уровень достижения по рождаемости превышает 100,0%, что положительно характеризует реализуемую органами государственной власти и местного самоуправления политику по повышению рождаемости.

Число разводов снизилось на 27% с 1657 до 1210; при этом число браков, наоборот, стало больше (темп прироста 5%), что позволяет говорить о формировании нового паттерна семейного поведения. Возможно, здесь оказали влияние федеральные меры поддержки семей с детьми, а также, вероятно, меняется сама культура отношений.

Доля детей в возрасте до 3-х лет, получающих дошкольную образовательную услугу, снизилось на 1,1%; уровень достижения показателя составляет 100,0%, что положительно характеризует политику Администрации г. Нижний Тагил. В то же время количество детей и подростков, охваченных отдыхом и оздоровлением, уменьшилось на 15,6%, что обусловлено демографическими тенденциями.

Положительным трендом является ежегодный прирост инвестиций в основной капитал организаций, общий прирост за период 2023-2025 г.г. составил 26,3%. Однако, если провести сопоставление с показателем объема отгруженных товаров по промышленным видам экономической деятельности (снижение на 17,6%), то следует, что капитал инвестируется, но отдача от него уменьшается. Такая ситуация, возможно, обусловлена рядом причин, в частности, на территории г.Нижнего Тагила реализуются проекты с длинным инвестиционным циклом либо градообразующие предприятия (Нижнетагильский металлургический комбинат, Уральский вагоностроительный завод) переориентируют производства, теряя старые рынки без открытия новых.

Количество субъектов малого и среднего предпринимательства выросло на 7,9%, что положи-

тельно характеризует предпринимательский потенциал г. Нижний Тагил. Прирост оборота розничной торговли замедлился с 117,9% до 108,9%, а оборот общественного питания, наоборот, ускорился (прирост составил 27,8%). Можно констатировать, что население стало меньше покупать товаров и больше тратить на впечатления, что является одним из признаков смены потребительской модели в период экономической неопределенности.

Формально показатели рынка труда выглядят позитивно. Безработица составила 0,18% в 2025 г. Численность безработных упала с 398 до 308 человек. Однако, такая ситуация также может свидетельствовать о кадровом дефиците, что становится главным ограничителем экономического роста. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций растет, но темпы роста замедляются с 121,3% в 2023 г. до 114,1% в 2025 г. Это может обозначать, что на фоне реальной инфляции реальные доходы населения увеличиваются незначительно.

Бюджетная система г. Нижний Тагил характеризуется снижением доходов на 3,3%. При этом налоговая база растет (32,1% за три года), но этот рост не перекрывает сокращения иных поступлений. Темп прироста бюджетных расходов составил 21,1% и к 2025 г. расходы достигли 29,8 млрд рублей, таким образом, формируя дефицит, который, вероятно, покрывается за счет заимствований и трансфертов.

Для строительного сектора экономики г. Нижний Тагил характерен значимый прирост. Так, ввод жилья увеличился с 44,7 тыс. кв. м до 70,9 тыс. кв. м, прирост составил 58,6%. Ввод нежилых помещений вырос на 29,4%. На основании такой динамики показателей можно утверждать, что муниципалитет физически обновляется, и это напрямую связано с инвестиционным циклом, о котором говорилось выше.

Таким образом, для муниципального образования «город Нижний Тагил» Свердловской области для преодоления обозначенных выше системных ограничений необходимы целевые программы по удержанию кадров, ускорению ввода инвестиционных проектов, пересмотру межбюджетных нормативов и смещению фокуса демографической политики на снижение смертности.

Библиографический список:

1. Шилова В.А., Демьяненко В.И., Почестнев А.А., Быков К.В., Гречаная А.А., Гульцев А.И. Когнитивное моделирование социально-экономического развития муниципального образования // Научный результат. Социология и управление. – 2025. – №4. – С.274-302.

2. Калюгина С.Н., Мухорьянова О.А., Фурсов В.А. Оценка асимметрии социально-экономического развития муниципальных образований на региональном уровне // Вестник ВолГУ. Экономика. – 2024. – №1. – С.31-44.

3. Молокова А.А. Современный феномен событийного маркетинга территорий // Механизм реализации стратегии социально-экономического развития государства: сборник материалов XVI Международной научно-практической конференции. – Махачкала, 2024. – С.300-302.

4. Официальный сайт Администрации города Нижний Тагил Свердловской области. – URL: https://ntagil.org/ (дата обращения: 13.10.2026).

ТРУБИН МИХАИЛ ИЛЬИЧ – магистрант, Уральский государственный экономический университет», Россия.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

А.Т. Сат

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩУЮ ПОВЫШЕННУЮ ОПАСНОСТЬ ДЛЯ ОКРУЖАЮЩИХ

В статье акцентируется внимание на проблемных вопросах определения субъектного состава гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный деятельностью, представляющую повышенную опасность для окружающих. Проведен анализ судебной практики, выявлены пробелы законодательной базы в правовом регулировании данного вопроса, а также предложены методы их восполнения.

Ключевые слова: *источник повышенной опасности; деликт; гражданско-правовая ответственность.*

Одной из главных проблем современности являются дорожно-транспортные происшествия, которые происходят буквально каждый день. Субъект гражданского права, владеющий источником повышенной опасности, несет ответственность за тот ущерб, который был причинен им вследствие осуществления той деятельности, что является источником повышенной опасности.

Так, Гражданский кодекс Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ) закрепляет следующий перечень источников повышенной опасности – это деятельность, связанная с эксплуатацией:

- транспортных средств;
- механизмов;

© А.Т. Сат, 2026.

Научный руководитель: *Цуглаева Нина Викторовна* – кандидат юридических наук, доцент, Тувинский государственный университет, Россия.

●электрической энергии высокого напряжения;
●атомной энергии;
●взрывчатых веществ;
●сильнодействующих ядов и т.п.;
●осуществления строительной и иной, связанной с нею деятельности и др.” (п. 1 ст. 1079 ГК РФ).

Как мы видим, данный перечень является открытым, а перечисленные в нем виды деятельности в большинстве своем не конкретизированы по причине того, что определить и конкретизировать все виды деятельности, осуществление которых представляет повышенную опасность, невозможно, и законодатель возложил полномочия по данному вопросу на судей.

Так, как указал Верховный суд РФ: “источником повышенной опасности следует признать любую деятельность, осуществление которой создает повышенную вероятность причинения вреда из-за невозможности полного контроля за ней со стороны человека” (п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 “О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина”).

Следовательно, по мнению Пленума Верховного суда РФ, источник повышенной опасности – это деятельность, а не сам эксплуатируемый объект. В отечественной науке существует несколько мнений о данном вопросе. Так, по мнению О.А. Красавчикова, раскрытие содержания данного понятия связано с “объективной возможностью умаления личных или имущественных благ» [4, С. 52].

По мнению А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого: “допустимо определять источник повышенной опасности и через понятие “деятельность”, и через понятие «объект» при условии, что в обоих случаях указанные понятия будут неразрывно связаны друг с другом” [3, С. 567].

Мы склонны согласиться с мнением данных ученых, так как несмотря на то, что перечень источников, указанный в ст. 1079 ГК РФ, является открытым, эксплуатация далеко не каждого объекта может впоследствии явиться источником повышенной опасности, так как именно определенные свойства определенного объекта являются потенциально опасными.

Так, обратимся к судебной практике. Абубакиров попал в ДТП, в темное время суток наехав на корову Радевой, в результате чего его автомобиль получил повреждения. Абубакиров подал иск на Радеву, ссылаясь на то, что она не обеспечила безопасность выпаса коровы, в результате чего и произошло ДТП. Суд первой инстанции отказал в удовлетворении требований, однако, суд апелляционной инстанции отменил решение и частично удовлетворил требования, возложив на ответчика ответственность как собственника источника повышенной опасности по отношению к автомобилю – коровы. При рассмотрении кассационной жалобы суд указал следующее: “удовлетворяя частично заявленные требования, суд апелляционной инстанции исходил из доказанности причинения вреда истцу действиями ответчика, не обеспечившего должным образом содержание коровы, и взыскал сумму причиненного ущерба” (Определение СК по гражданским делам Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 28.10.2020 г. по делу № 8Г-4994/2020 [88-5763/2020]).

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РФ отменила определения судов кассационного и апелляционного судов, указав следующее: “признавая принадлежащую Радевой М.Л. корову источником повышенной опасности, суд апелляционной инстанции не указал, в силу чего при наезде автомобиля на корову последняя признана судом источником повышенной опасности. Безосновательный вывод суда о том, что корова по отношению к автомобилю являлась источником повышенной опасности, повлек неправильное применение судом апелляционной инстанции положений статьи 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации» (Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22.06.2021 г. № 22-КГ21-1-К5).

Следовательно, суд апелляционной инстанции никак не обосновал вредоносные свойства коровы как объекта источника повышенной опасности, по нашему мнению, в силу того, что корова не обладает теми вредоносными свойствами, которые бы были полностью неподконтрольны человеку и, следовательно, не является объектом, эксплуатация которого и составляет источник повышенной опасности.

Мы можем сделать вывод о том, что определение источника повышенной опасности в любом случае должно быть основано на неразрывной взаимосвязи объекта, обладающего вредоносными свойствами, неподконтрольными для человека, и деятельности по эксплуатации этого объекта.

Однако, какие именно действия являются той самой эксплуатацией объекта, которая составляет источник повышенной опасности? К примеру, с какого именно момента транспортное средство является эксплуатируемым, то есть – составляющим повышенную опасность? Согласно п. 1.2 раздела 1 Правил дорожного движения Российской Федерации: “участник дорожного движения - лицо, принимающее непосредственное участие в процессе движения в качестве водителя, пешехода, пассажира транспортного средства» (Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 (ред. от 16.07.2025) “О Правилах дорожного движения” (вместе с “Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения”).

Можно сделать вывод, что эксплуатацией транспортного средства является управление им в процессе движения водителем. Следовательно, в момент, когда автомобиль стоит в гараже, не приведенный в движение, а также когда за его рулем нет водителя, он не представляет ни для кого опасности, так как не участвует в движении и не эксплуатируется водителем.

Возникает вопрос: к примеру, если транспортное средство не приведено в движение, но стоит на дороге, является ли оно источником повышенной опасности? Обратимся к судебной практике. Так, судебная коллегия Воронежского областного суда РФ пришла к следующим выводам. Пострадавший в результате ДТП истец, являющийся дорожным рабочим, обратился в суд первой инстанции с иском о возмещении морального вреда и возмещении затрат на свое лечение к своему работодателю, который являлся владельцем двух транспортных средств – ГАЗели и трактора с рециклером (прицепом), которые истец посчитал источниками повышенной опасности. Обстоятельства несчастного случая следующие: дорожные рабочие, в том числе и истец, проводили дорожные работы, в связи с чем были расставлены предупреждающие знаки. Несмотря на это, водитель “HINO N” врезался в ГАЗель, которая служила “прикрытием” для защиты рабочих, по инерции задела трактор с рециклером (прицепом), который перевернулся и задел истца, причинив тяжкий вред. Суд первой инстанции не удовлетворил иск, поданный на владельца трактора и ГАЗели, так как не посчитал трактор и ГАЗель источниками повышенной опасности в силу того, что они находились в неподвижном состоянии и без водителей, и, следовательно, не являлись участниками дорожного движения, и данный случай нельзя посчитать взаимодействием нескольких источников повышенной опасности.

Суд апелляционной инстанции не согласился с данными выводами по следующим причинам: «под взаимодействием источников повышенной опасности следует понимать не только их непосредственный контакт друг с другом, но и любое воздействие друг на друга, в том числе и опосредованное … любая эксплуатация непосредственно самого транспортного средства по его прямому назначению, включая стоянку, является использованием транспортного средства. Поэтому отсутствие водителя в момент ДТП в транспортном средстве само по себе не свидетельствует об отсутствии взаимодействия источников повышенной опасности” (Апелляционное определение СК по гражданским делам Воронежского областного суда от 09.02.2023 г. по делу № 33-503/2023).

Однако, в судебной практике существует и противоположная точка зрения. Так, водитель автомобиля Фольксваген, подвозивший пассажирку, совершил наезд на стоящий на правой обочине экскаватор Хендай. В результате ДТП пассажирка погибла. В отношении водителя Фольксвагена было возбуждено уголовное дело, потерпевшей была признана бабушка пассажирки. Уголовное дело было прекращено в связи с примирением сторон.

Однако, бабушка погибшей пассажирки обратилась в суд к страховой компании, которая застраховала гражданскую ответственность собственника экскаватора Хендай, с иском о взыскании страхового возмещения в результате смерти кормильца (то есть погибшей пассажирки). Доводом истицы являлось то, что случившееся ДТП является страховым случаем по причине того, что смерть ее внучки напрямую связана с взаимодействием двух источников повышенной опасности, что является страховым случаем и основанием для выплаты ей, как потерпевшей, страховой выплаты.

Суд первой инстанции частично удовлетворил требования истицы, при этом “исходил из того, что по обстоятельствам дела смерть наступила в результате страхового случая по договору ОСАГО, поскольку вред третьему лицу причинен в результате взаимодействия источников повышенной опасности” (Определение СК по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 03.06.2020 г. по делу № 8Г-6072/2019 [88-1457/2020-(88-3356/2019).

Суд апелляционной инстанции отменил данное решение и принял новое, согласно которому в удовлетворении требований отказано. При рассмотрении кассационной жалобы истицы кассационный суд оставил в силе апелляционное определение, указав следующее: экскаватор Хендай был припаркован, ДТП произошло в темное время суток, а водителя в нем не было, следовательно, участником дорожного движения он не являлся, и, следовательно, как источник повышенной опасности не использовался. Как указал суд: “оснований для применения к спорным правоотношениям статей 1064, 1079 и 1094 Гражданского кодекса Российской Федерации о взаимодействии источников повышенной опасности у суда первой инстанции не имелось, как не имелось и оснований для вывода о наличии страхового случая” (Определение СК по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 03.06.2020 г. по делу № 8Г-6072/2019[88-1457/2020-(88-3356/2019).

Рассмотрев вышеуказанные примеры, мы можем сделать вывод о том, что в настоящее время нет сложившейся единообразной судебной практики, которая бы могла дать однозначный ответ на вопрос о том, где пролегает граница, разделяющая случаи, когда эксплуатация транспортного средства – источник повышенной опасности, а когда – нет.

Так, мы можем сделать следующие выводы. Объектом источника повышенной опасности нельзя признать тот объект, который не обладает вредоносными свойствами, неподконтрольными полностью

человеку – эксплуатация не каждого объекта является источником повышенной опасности. Однако, для судов также немаловажно также определить, что именно подразумевается под эксплуатацией объекта: какая именно деятельность по эксплуатации вредоносного объекта может быть квалифицирована как источник повышенной опасности? По нашему мнению, раскрытие данного понятия имеет свои индивидуальные особенности в зависимости от конкретных обстоятельств дела, однако, Пленуму Верховного суда РФ следует дополнить Постановление от 26.01.2010 № 1 “О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина” описанием устойчивых признаков деятельности по эксплуатации вредоносного объекта, которая может быть квалифицирована как источник повышенной опасности.

Библиографический список:

1.Гражданский кодекс Российской Федерации. Части первая, вторая, третья и четвертая : текст с изм. и доп. на 15 дек. 2014 г. – М. : ЭКСМО, 2014. – 621 с.

2.Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96790/ (дата обращения: 01.07.2026).

3.Определение Верховного суда РФ по делу №5-КГ25-167-К2 от 27.01.2026. – URL: https://vsrf.ru/ (дата обращения: 10.07.2026).

4.Гражданское право: Учебник. В 2 т. / Под ред. Б.М. Гонгало. Т. 2. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Статут, 2023. 606 с.

5.Объедкова, Е. П. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности, в соответствии с российским законодательством / Е. П. Объедкова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 24 (419). — С. 253-256.

6.Соломин С. К., Соломина Н. Г. К вопросу о понятии источника повышенной опасности // Закон. — 2019. — № 12. — С. 82–89.

САТ АЙДАНА ТОЛМАТОВНА – магистрант, Тувинский государственный университет, Россия.

Ш.С. Файзуллаев, М.А. Ходжибаева

ПРОВОКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ОПЕРАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ: ГРАНИЦЫ ДОПУСТИМОГО В ПРАКТИКЕ ЕСПЧ И РОССИЙСКИХ СУДОВ

В статье исследуется соотношение понятий провокации преступления и оперативного эксперимента в российском уголовном судопроизводстве. Анализируются критерии разграничения допустимого внедрения и недопустимой провокации, выработанные практикой ЕСПЧ. Рассматриваются ключевые правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации по данной проблематике. Обосновывается необходимость законодательного закрепления чётких критериев допустимости оперативного эксперимента. Оперативный эксперимент как разновидность оперативно-розыскных мероприятий занимает особое место в системе инструментов борьбы с преступностью. Его специфика состоит в том, что сотрудники правоохранительных органов или действующие под их контролем лица намеренно создают условия, при которых проверяемый субъект получает возможность совершить преступление. Грань между правомерным оперативным внедрением и недопустимой провокацией преступления на практике оказывается крайне тонкой, а её нарушение влечёт серьёзные последствия как для законности уголовного преследования, так и для прав личности.

***Ключевые слова**: провокация преступления; оперативный эксперимент; ЕСПЧ; допустимость доказательств; оперативно-розыскная деятельность.*

Оперативный эксперимент как разновидность оперативно-розыскных мероприятий занимает особое место в системе инструментов борьбы с преступностью. Его специфика состоит в том, что сотрудники правоохранительных органов или действующие под их контролем лица намеренно создают условия, при которых проверяемый субъект получает возможность совершить преступление. Именно в этом заключается принципиальная опасность данного мероприятия. Грань между правомерным оперативным внедрением и недопустимой провокацией преступления на практике оказывается крайне тонкой, а её нарушение влечёт серьёзные последствия как для законности уголовного преследования, так и для прав личности.

Российское законодательство не содержит развёрнутого определения провокации преступления в контексте оперативно-розыскной деятельности. Федеральный закон от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»[5] в части 8 статьи 5 лишь устанавливает общий запрет: органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, запрещается подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий. Уголовный кодекс Российской Федерации [6] предусматривает самостоятельный состав - провокацию взятки либо коммерческого подкупа (статья 304 УК РФ). Однако эта норма охватывает лишь частный случай провокации и не претендует на универсальное регулирование.

Отсутствие законодательно закреплённых критериев разграничения правомерного оперативного эксперимента и провокации преступления вынуждает суды вырабатывать соответствующие стандарты самостоятельно, нередко опираясь на практику Европейского Суда по правам человека. При этом, считаем важным отметить, что с 2022 года на территории Российской Федерации решения ЕСПЧ не признаются. Тем не менее, анализ решений ЕСПЧ по данной проблематике представляетне только сугубо академический, но и практический интерес.

Европейский Суд по правам человека сформулировал развёрнутую доктрину провокации преступления прежде всего в деле «Тейшейра де Кастро против Португалии» (1998)[7]. В этом деле двое сотрудников полиции, действовавших под прикрытием, обратились к заявителю с просьбой достать героин,

© Ш.С. Файзуллаев, М.А. Ходжибаева, 2026.

Научный руководитель: *Ширев Денис Андреевич* – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной власти, гражданского общества и правоохранительной деятельности Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Россия.

хотя тот ранее не был известен как наркоторговец и не находился под следствием. Суд констатировал нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод[8], указав, что полиция не ограничилась пассивным расследованием, а спровоцировала совершение преступления, которое иначе не было бы совершено. Данное дело заложило фундамент для разграничения двух ситуаций: «пассивного» внедрения, при котором агент лишь фиксирует уже осуществляемую преступную деятельность, и «активного» подстрекательства, при котором агент сам инициирует преступление [1, с. 67].

Впоследствии ЕСПЧ существенно развил эту доктрину в деле «Раманаускас против Литвы» (2008)[9]. Суд сформулировал двухэтапный тест для оценки наличия провокации. На первом этапе («субстантивный» тест) проверяется, имелись ли объективные основания полагать, что лицо было вовлечено в преступную деятельность до начала оперативного мероприятия: располагали ли правоохранительные органы сведениями о преступных намерениях проверяемого лица, предшествующей преступной активности, иной конкретной информацией. На втором этапе («процессуальный» тест) оценивается, был ли суд при рассмотрении уголовного дела в состоянии надлежащим образом проверить обстоятельства проведения оперативного мероприятия, в том числе имел ли обвиняемый возможность оспорить факт провокации [2, с. 112].

Примечательно, что ЕСПЧ последовательно придерживается позиции о недопустимости осуждения лица на основании доказательств, полученных в результате провокации, вне зависимости от тяжести инкриминируемого преступления. В деле «Банникова против России» (2010)[10] Суд прямо указал, что использование в уголовном процессе доказательств, полученных вследствие провокации, нарушает право на справедливое судебное разбирательство в самой его сути, и никакие соображения публичного интереса, в том числе необходимость борьбы с наркоторговлей - не могут оправдать подобную практику [1, с. 74].

Российская судебная практика в данной области долгое время отличалась непоследовательностью. Переломным стало Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»[11], в пункте 32 которого Верховный Суд указал, что не является провокацией взятки проведение предусмотренного законодательством оперативно-розыскного мероприятия в связи с проверкой заявления о вымогательстве взятки. Иными словами, ключевым критерием правомерности был назван инициативный характер преступного умысла: если умысел на получение взятки сформировался у лица самостоятельно, а оперативное мероприятие лишь зафиксировало реализацию этого умысла, провокации нет.

Вместе с тем данная формулировка не устранила всех спорных ситуаций. На практике наиболее острые коллизии возникают в делах о взяточничестве и незаконном обороте наркотиков - категориях, где оперативный эксперимент применяется наиболее часто. В делах о взяточничестве разграничение вымогательства (при котором умысел исходит от должностного лица) и провокации (при которой умысел инициирован оперативными сотрудниками) на практике нередко определяется показаниями самих оперативных сотрудников, что создаёт очевидный конфликт интересов [3, с. 89].

В делах о наркотиках проблема стоит ещё острее. Оперативный эксперимент в форме «контрольной закупки» является основным методом документирования сбыта наркотических средств. При этом, как показывает анализ судебной практики, проверочная закупка нередко проводится в отношении лиц, не имевших сбытчиков наркотиков в числе своих занятий, - то есть фактически представляет собой провокацию. Ситуацию усугубляет то обстоятельство, что Федеральный закон об ОРД не устанавливает требования о наличии предварительной оперативной информации о причастности лица к сбыту наркотиков как условия проведения проверочной закупки, тогда как стандарт ЕСПЧ именно такое условие предполагает [2, с. 118].

Необходимо отметить, что после прекращения юрисдикции ЕСПЧ в отношении России в марте 2022 года[12] роль внутренних судебных механизмов контроля за законностью оперативно-розыскной деятельности существенно возросла. Конституционный Суд Российской Федерации в ряде определений указывал, что результаты оперативно-розыскной деятельности могут использоваться в качестве доказательств лишь при условии их соответствия требованиям УПК РФ о допустимости доказательств, а суды обязаны проверять законность проведённых оперативно-розыскных мероприятий по существу, а не ограничиваться формальной проверкой процедуры [4, с. 34]. Тем самым стандарт, выработанный ЕСПЧ, не утратил своего значения для российского правоприменения - он был воспринят отечественной судебной системой и продолжает применяться.

Анализ изложенного позволяет выявить несколько направлений совершенствования законодательства. Во-первых, представляется обоснованным закрепить в Федеральном законе об ОРД в качестве обязательного условия проведения оперативного эксперимента наличие предварительной оперативной информации о причастности конкретного лица к преступной деятельности. Во-вторых, необходимо установить требование о документировании оснований проведения мероприятия до его начала - с тем чтобы суд

мог ретроспективно оценить наличие или отсутствие провокации. В-третьих, следует законодательно закрепить обязанность суда при заявлении стороной защиты о провокации рассмотреть данный довод по существу с исследованием всех материалов оперативно-розыскного дела.

Резюмируя изложенное, можно констатировать, что проблема разграничения провокации преступления и правомерного оперативного эксперимента относится к числу тех, где эффективность уголовного преследования и гарантии прав личности находятся в наиболее остром противоречии. Практика ЕСПЧ выработала достаточно чёткие критерии разрешения этого противоречия, которые в значительной мере восприняты российскими судами. Вместе с тем отсутствие их законодательного закрепления порождает правовую неопределённость, неприемлемую в столь чувствительной сфере.

Библиографический список:

1.Зимненко Б.Л. Международное право и правовая система Российской Федерации. Особенная часть. - М.: Статут, 2010. - 543 с.

2.Вагин О.А., Исиченко А.П., Чечетин А.Е. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». - М.: Деловой двор, 2009. - 192 с.

3.Кореневский Ю.В., Токарева М.Е. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам. - М.: Юрлитинформ, 2000. - 152 с.

4.Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе. - М.: Юрайт, 2013. - 343 с.

5. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 05.04.2026).

6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 05.04.2026).

7. Teixeira de Castro v. Portugal, ECtHR, judgment of 9 June 1998, Application No. 25829/94 // hudoc.echr.coe.int (дата обращения: 05.04.2026).

8. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 05.04.2026).

9. Постановление Европейского Суда по правам человека от 5 февраля 2008 г. Дело «Раманаускас против Литвы» [Ramanauskas v. Lithuania] (жалоба № 74420/01) (Большая Палата) // ИПП ГАРАНТ.РУ (дата обращения: 05.04.2026).

10. Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 ноября 2010 г. Дело «Банникова против России» [Bannikova v. Russia] (жалоба № 18757/06) // ИПП ГАРАНТ.РУ (дата обращения: 05.04.2026).

11. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2013. № 9.

12. Федеральный закон от 11 июня 2022 г. № 183-ФЗ «О денонсации Российской Федерацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 05.04.2026).

ФАЙЗУЛЛАЕВ ШУХРАТБЕК САИДЖОН УГЛИ – магистрант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы; Россия.

ХОДЖИБАЕВА МАДИНА АЛИШЕРОВНА – студентка, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы; Россия.

Ш.С. Файзуллаев, Ж.С. Хайитов

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ В ГЕРМАНИИ: ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СУДЕЙ

В статье анализируются конституционные основы независимости судей в ФРГ и их соотношение с механизмом дисциплинарной ответственности. Исследуется роль Министерства юстиции и Дисциплинарного суда, выявляются проблемные аспекты немецкой модели, включая испытательный срок для судей и отсутствие независимости прокуроров.

Ключевые слова: судебная власть; Германия; независимость судей; дисциплинарная ответственность; Министерство юстиции; испытательный срок; Дисциплинарный суд; прокуроры.

В современных условиях развития правовой системы европейских государств вопрос о балансе между независимостью судей и их подотчётностью приобретает особое, можно даже сказать, принципиальное значение. С одной стороны, правосудие невозможно без свободы внутреннего убеждения судьи. С другой – абсолютная свобода без механизмов контроля неизбежно порождает произвол. И здесь Германия, чья судебная система традиционно воспринимается как образцовая, даёт весьма интересный, хотя и небесспорный, материал для анализа.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, на фоне дискуссий о независимости судов в Польше и Венгрии важно понимать, как работает этот механизм в Германии – стране, которая задаёт многие стандарты в Европе. Во-вторых, именно дисциплинарная ответственность является той точкой, где сталкиваются два начала – свобода судейского усмотрения и необходимость дисциплины. Что немаловажно, немецкая модель, как отмечают эксперты, имеет серьёзные недостатки, угрожающие самой независимости судебной власти.

Целью данного исследования является комплексное изучение правовых основ и практических особенностей дисциплинарной ответственности судей в Федеративной Республике Германия. Для достижения поставленной цели необходимо:

1.Рассмотреть конституционные гарантии независимости судей в ФРГ как базовую предпосылку для анализа дисциплинарных процедур.

2.Выявить основания и виды дисциплинарных взысканий, применяемых к немецким судьям.

3.Проанализировать роль Министерства юстиции и Дисциплинарного суда в процедуре привлечения к ответственности.

4.Охарактеризовать основные проблемные аспекты существующей модели, включая критику испытательного срока для судей.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере обеспечения законности и дисциплины в судебной системе Германии.

Предмет исследования охватывает конституционные и законодательные нормы ФРГ, регулирующие дисциплинарную ответственность судей, а также доктринальные подходы и практические проблемы реализации этих норм.

Исследование базируется на комплексном применении методов научного познания. Формально-юридический метод позволяет провести анализ положений Основного закона ФРГ и Закона о судьях. Сравнительно-правовой метод даёт возможность сопоставить немецкую модель с европейскими стандартами, о чём прямо пишут критики германской системы.

Нормативную базу моей работы составляют Основной закон ФРГ (Grundgesetz), Уголовный кодекс ФРГ, а также доктринальные источники, прежде всего работа Патрика С. Р. Терри «Judicial Independence in Germany within the European Context».

© Ш.С. Файзуллаев, Ж.С. Хайитов, 2026.

Научный руководитель: *Ширев Денис Андреевич* – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной власти, гражданского общества и правоохранительной деятельности Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Россия.

Принцип независимости судей в Германии имеет глубокое конституционное основание. Речь идёт о статье 97 Основного закона ФРГ (Grundgesetz). Первый параграф этой статьи закрепляет профессиональную независимость судей, а второй – личную[2, с. 1–2]. Стоит разобраться, что за этим стоит.

В широком смысле профессиональная независимость означает, что судья при вынесении решения не несёт ответственности ни перед кем, кроме закона. Ни законодательный орган, ни органы исполнительной власти, ни даже вышестоящие судьи не имеют права указывать ему, как разрешать дело[2, с. 1–2]. Примечательно, что это распространяется на весь процесс, а не только на итоговое решение. Судья самостоятельно определяет сроки рассмотрения, выбор свидетелей, порядок ведения аналогичных дел и даже распределение дел между коллегами. Более того, как отмечается в литературе, никто не вправе требовать от судьи, чтобы он постоянно находился в офисе. При условии присутствия на заседаниях он может работать, например, дома [2, с. 2–3].

Личная независимость, в свою очередь, рассматривается как единственный способ гарантировать профессиональную. Что это означает на практике? Судью нельзя уволить или перевести в другой суд без его согласия. Только в случае очевидного и серьёзного проступка и только по решению суда он может быть отстранён от должности или отправлен в отставку. Важно понимать логику: если судья боится потерять место из-за своего решения, ни о какой настоящей независимости речи не идёт.

Казалось бы, абсолютная независимость исключает какую-либо ответственность. Однако это не так. Дисциплинарная ответственность судей в Германии существует, но она жёстко ограничена. Если судья не исполняет свои профессиональные обязанности, Министерство юстиции вправе привлечь его к дисциплинарной ответственности [2, с. 3–4]. Но и здесь есть важный нюанс: судья может обжаловать это решение в Дисциплинарном суде, сославшись на нарушение его судейской независимости.

Кроме того, судьи регулярно проходят аттестацию – например, раз в четыре года. Однако такая проверка касается только общих компетенций и, что принципиально важно, не может включать комментарии по конкретным решениям, вынесенным судьёй. То есть оценивают профессионализм, но не юридическую правильность выводов.

В случае конфликта интересов судья обязан взять самоотвод или хотя бы объявить сторонам о наличии обстоятельств, вызывающих сомнения в его беспристрастности. Если этого не сделать – возможна дисциплинарная или даже уголовная ответственность. Судьи, к слову, не могут работать практикующими юристами или консультантами – это прямое следствие указанного правила.

Перейдём к конкретике. Если при вынесении решения судья допустил небрежность, он не несёт за это ответственности [2, с. 3–4]. Более того, и федеральные земли не обязаны выплачивать компенсацию стороне, пострадавшей от «неправильного» решения. Это – ключевой аспект профессиональной независимости. Иная ситуация – когда судья действует умышленно. За вынесение заведомо неправосудного решения предусмотрена уголовная ответственность по статье 339 Уголовного кодекса. Минимальное наказание – лишение свободы на срок от одного года, что автоматически влечёт отстранение от должности. В этом случае штат (федеральная земля) обязан выплатить компенсацию за причинённый ущерб. Однако сам судья никогда не компенсирует ущерб непосредственно сторонам разбирательства, хотя земля, если она выплатила компенсацию, может попытаться предъявить регрессное требование к судье.

Что касается роли Министерства юстиции, то здесь ситуация двойственная. С одной стороны, именно министерство инициирует дисциплинарное производство. С другой – судья может обжаловать его решение в Дисциплинарном суде. Примечательно, что органам исполнительной власти принадлежат полномочия определять, кто назначается судьёй, кто и когда получает повышение [2, с. 4]. И хотя выборный совет судей самоуправления должен дать своё согласие, повышение в должности в конечном итоге может быть осуществлено только Министерством юстиции федеральной земли. Существует даже известная фраза министра юстиции Пруссии: «Пока я решаю, кого повышать в должности, я с радостью уступаю судьям их так называемую судебную независимость».

Судебная система Германии, конечно, не обходится без критики. И здесь есть как минимум две острые точки. Первая – это практика назначения судей на испытательный срок. Обычно юрист становится судьёй около тридцати лет после сдачи двух государственных экзаменов. Сначала он назначается на испытательный срок от трёх до пяти лет, и только потом – на постоянную должность. Проблема в том, что судьям на испытательном сроке не предоставляются гарантии личной независимости. Их могут уволить или перевести без согласия [2, с. 2–3]. Что немаловажно, они потенциально находятся под давлением исполнительной власти – ведь хотят сохранить полномочия после испытательного срока. Как справедливо замечает Патрик Терри, в Великобритании, например, этот подход не применяется: там юристу требуется как минимум 5–7 лет опыта, прежде чем стать судьёй.

Вторая проблема – статус прокуроров. В Германии государственные прокуроры не обладают ни профессиональной, ни личной независимостью. Они являются государственными служащими, и их дей-

ствия может отменить Министерство юстиции соответствующей земли. В громких, политически ангажированных делах это приводит к тому, что исполнительная власть может вмешиваться через прокурора. Для сравнения: итальянская конституция предоставляет судебную независимость в том числе прокурорам, что позволило добиться серьёзных успехов в борьбе с коррупцией.

Некоторые эксперты вообще утверждают, что отдельные аспекты судебной системы Германии рассматривались бы как неприемлемые в государстве, которое сейчас претендовало бы на членство в ЕС.[1]

Интересно, что во многих южных и восточных государствах – членах ЕС решения о назначении и повышении судей принимает независимый совет, обычно состоящий из выборных членов и судей. В Германии же – Министерство юстиции. Это серьёзное расхождение с европейскими стандартами, которые требуют именно независимого от исполнительной власти органа.

Германия, как пишет Хериберт Прантль, рискует встать в один ряд с такими государствами, как Польша, где принцип независимости судебной системы ещё не до конца реализован. Жёсткое заявление, но оно отражает реальную обеспокоенность европейских экспертов.[1]

Подводя итог, следует подчеркнуть, что дисциплинарная ответственность судей в Германии – это сложный и неоднозначный институт. С одной стороны, Основной закон ФРГ закрепляет мощные гарантии профессиональной и личной независимости. Судья защищён от увольнения за свои решения, а дисциплинарное производство не может вторгаться в содержание судебных актов. С другой стороны, практика назначения на испытательный срок создаёт уязвимость для молодых судей, которые зависят от исполнительной власти в вопросах дальнейшей карьеры.

Важно отметить, что роль Министерства юстиции в назначениях и повышениях вызывает серьёзную критику как внутри Германии, так и за её пределами. Отсутствие полной независимости у прокуроров – ещё один системный недостаток. И хотя Германия прошла долгий путь в обеспечении независимости судебной власти, её правила всё ещё не приведены в полное соответствие с европейскими стандартами.

Перспективы развития вижу в необходимости реформирования системы назначения судей, отказе от длительного испытательного срока и создании независимого совета по делам судебной власти. Без этих изменений немецкая судебная система, при всех её достоинствах, будет сохранять риски политического давления. В заключение стоит отметить, что дисциплинарная ответственность не должна быть инструментом давления – это аксиома. И Германии ещё предстоит решить эту непростую задачу.

Библиографический список:

1. Prantl H. Entfesselt die deutsche Justiz! // Süddeutsche Zeitung. 2019. 31 May. URL: https://www.sueddeutsche.de/politik/kolumne-prantl-deutsche-justiz-unabhaengigkeit-europaeischer-gerichtshof-1.4469352 (дата обращения: 21.09.2026).

2. Terry P.C.R. Judicial Independence in Germany within the European Context // Theoretical and Applied Law. 2019. No. 3. P. 5–8. URL: https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-103274-8 (дата обращения: 21.09.2026).

ФАЙЗУЛЛАЕВ ШУХРАТБЕК САИДЖОН УГЛИ – магистрант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы; Россия.

ХАЙИТОВ ЖАХОНГИР САИД УГЛИ – магистрант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы; Россия.

К.А. Никитина

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕОКАЗАНИЯ ПОМОЩИ БОЛЬНОМУ (СТ. 124 УК РФ)

В статье анализируются дискуссионные проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 124 УК РФ. Рассматриваются неопределенность признаков потерпевшего и субъекта преступления, оценочный характер понятия «уважительные причины», конструкция состава как материального, спорная форма вины. На основе положений уголовно-правовой доктрины и действующего законодательства формулируются предложения по совершенствованию нормы.

Ключевые слова: *неоказание помощи больному, медицинский работник, бездействие, квалификация.*

Право на охрану здоровья и медицинскую помощь закреплено в ст. 41 Конституции РФ [1] и конкретизировано в Федеральном законе от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – Закон № 323-ФЗ). [3] Согласно ст. 11 этого Закона отказ в оказании медицинской помощи в соответствии с программой государственных гарантий и взимание платы за ее оказание не допускаются, а экстренная медицинская помощь оказывается безотлагательно и бесплатно. Уголовно-правовой гарантией данных предписаний выступает ст. 124 Уголовного Кодекса РФ (далее – УК РФ), [2] устанавливающая ответственность за неоказание помощи больному без уважительных причин лицом, обязанным ее оказывать в соответствии с законом или со специальным правилом, если это повлекло по неосторожности причинение средней тяжести вреда здоровью (ч. 1), тяжкого вреда здоровью или смерть (ч. 2).

Несмотря на кажущуюся простоту конструкции, норма относится к числу наиболее сложных в применении. Например, первая дискуссионная проблема связана с терминологией. Законодатель использует понятие «больной», которое не раскрывается ни в УК РФ, ни в Законе № 323-ФЗ. Последний оперирует категориями «пациент» (физическое лицо, которому оказывается медицинская помощь или которое обратилось за ее оказанием независимо от наличия у него заболевания – п. 9 ст. 2) и «заболевание» (п. 16 ст. 2). В.М. Марухно отмечает, что «лицо, пострадавшее от бездействия медицинского работника, рассматривается как потерпевший в рамках данного состава преступления; им признается больной, которому требуется медицинское вмешательство, поскольку отказ в предоставлении помощи может привести к серьезному ухудшению состояния здоровья или даже к смерти». [7, с. 153]

Буквальное же прочтение нормы позволяет защите утверждать, что, например, пострадавший в ДТП без установленного диагноза «больным» не является. Существует и обратная проблема: обращение лица за медицинской помощью в отсутствие объективной нужды в ней. Здоровый человек, требующий госпитализации, формально не может быть признан потерпевшим, поскольку последствия, предусмотренные ст. 124 УК РФ, у него не наступят. Однако здесь важен и субъективный критерий: медицинский работник должен оценивать состояние обратившегося, а не отказывать без осмотра.

Нами представляется, что оптимальным является использование в диспозиции формулировки «лицо, нуждающееся в медицинской помощи», которая устраняет терминологический разрыв между уголовным и медицинским законодательством.

Далее отметим, что субъект ст. 124 УК РФ специальный – лицо, обязанное оказывать помощь «в соответствии с законом или со специальным правилом». Бесспорно к нему относятся медицинские работники (п. 13 ст. 2 Закона № 323-ФЗ), обязанность которых закреплена в ст. 73 Закона № 323-ФЗ, должностных инструкциях, порядках оказания медицинской помощи, утверждаемых Минздравом России.

Однако, спорные вопросы также возникают. Главный из них – обязан ли медицинский работник оказывать помощь во внерабочее время и вне медицинской организации. Часть ученых считает, что обязанность носит профессиональный, а не служебный характер и вытекает из ч. 2 ст. 11 Закона № 323-ФЗ (экстренная помощь оказывается «медицинским работником», а не только медицинской организацией) и клятвы врача (ст. 71). [6, с. 221] Другие указывают, что клятва имеет этический характер, а ст. 73 Закона

© К.А. Никитина, 2026.

Научный руководитель: *Штефан Алёна Владимировна* – кандидат юридических наук, доцент, Челябинский государственный университет, Россия.

связывает обязанности с осуществлением профессиональной деятельности. [8, с. 41]. На наш взгляд, ч. 2 ст. 11 Закона № 323-ФЗ сформулирована императивно и не ограничена рабочим временем, следовательно, врач, отказавшийся помочь умирающему на улице, при наличии реальной возможности является субъектом ст. 124 УК РФ. Однако объем вменяемой обязанности должен ограничиваться теми действиями, которые возможны без оборудования и медикаментов.

Также особенностью выступает то, что понятие «уважительных причин» законодательно не определено, а специальное постановление Пленума Верховного Суда РФ по ст. 124 УК РФ отсутствует. В доктрине к уважительным причинам традиционно относят: [8, с. 42].

– непреодолимую силу (стихийное бедствие, невозможность добраться до больного);

– болезненное состояние самого медицинского работника, исключающее оказание помощи;

– крайнюю необходимость (ст. 39 УК РФ), в том числе коллизию обязанностей при одновременном поступлении нескольких пациентов, когда врач выбирает наиболее тяжелого;

– отсутствие необходимых лекарственных средств, оборудования, отсутствие квалификации при невозможности перенаправить пациента;

– отказ пациента или его законного представителя от медицинского вмешательства, оформленный в порядке ст. 20 Закона № 323-ФЗ.

Спорными остаются: усталость медработника после длительной смены; отсутствие у пациента документов и полиса ОМС (важно, что в силу ст. 11 Закона № 323-ФЗ это не является основанием отказа в экстренной помощи); агрессивное поведение пациента; загруженность бригады скорой помощи другим вызовом; отказ лечащего врача от наблюдения за пациентом в порядке ч. 3 ст. 70 Закона № 323-ФЗ (такой отказ допустим только по согласованию с руководителем и если не угрожает жизни пациента).

Отдельную проблему создает отказ пациента от помощи. С одной стороны, ст. 20 Закона № 323-ФЗ закрепляет добровольность вмешательства, и его навязывание против воли образует иное правонарушение. С другой стороны, отказ должен быть информированным и исходить от лица, способного осознавать его значение. Отказ лица в состоянии алкогольного опьянения, шока, психического расстройства не всегда может считаться юридически значимым, и медицинский работник обязан принять меры, предусмотренные ч. 9 ст. 20 Закона (вмешательство без согласия при экстренных показаниях для устранения угрозы жизни, если лицо не способно выразить волю). [11, с. 429].

Полагаем, что перечень уважительных причин (открытый) целесообразно закрепить в примечании к ст. 124 УК РФ либо в постановлении Пленума ВС РФ, ведь это поможет создать некую «опору» для правоприменителя.

Далее отметим, что дискуссионна и форма вины. Согласно диспозиции, последствия причиняются «по неосторожности», тогда как само бездействие носит осознанный, волевой характер – виновный понимает, что не выполняет обязанность. Одни авторы видят здесь преступление с двумя формами вины (ст. 27 УК РФ), другие – неосторожное преступление в целом, поскольку ст. 27 УК РФ применима лишь к квалифицированным составам с дополнительными тяжкими последствиями, а в ст. 124 УК РФ последствия являются конститутивным признаком основного состава. Так, В.Ю. Бабанин отмечает, что «диспозиция ст. 124 УК РФ предусматривает только неосторожную форму вины, следовательно, квалификация данного деяния как умышленного либо как преступления со смешанной формой вины не имеет законодательных оснований и противоречит прямому смыслу правовой нормы». [5, с. 57] Мнение исследователя нами видится верным, т.к. вопрос имеет и практическое значение: если преступление неосторожное, то по ст. 15 УК РФ ч. 1 ст. 124 относится к преступлениям небольшой тяжести со сроком давности два года (п. «а» ч. 1 ст. 78 УК РФ), который зачастую истекает еще на стадии производства сложных комиссионных экспертиз.

Необходимо разграничивать состав ст. 124 и ст. 109, 118 УК РФ. Ключевой критерий разграничения – это характер бездействия. Полное неоказание помощи (отказ принять пациента, выехать на вызов, осмотреть) квалифицируется по ст. 124 УК РФ; ненадлежащее оказание помощи (неверный диагноз, неполный объем обследований, неправильное лечение) – по ч. 2 ст. 109 или ч. 2 ст. 118 УК РФ как причинение смерти или тяжкого вреда вследствие ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей. [9, с. 128] А также стоит разграничивать ст. 124 и ст. 293 УК РФ. Если помощь не оказана по распоряжению главного врача или заведующего отделением (например, отказ в госпитализации из-за отсутствия мест или полиса), возникает вопрос о халатности должностного лица. Практика Верховного Суда РФ признает медицинских работников должностными лицами лишь при выполнении организационно-распорядительных функций (постановление Пленума ВС РФ от 16.10.2009 № 19). [4] Следовательно, руководитель, давший неправомерное указание, отвечает по ст. 293 УК РФ, а рядовой врач, его исполнивший, – по ст. 124, если указание было очевидно незаконным (ст. 42 УК РФ).

Подводя итог, можно отметить, что вышесказанное позволяет сформулировать следующие предложения:

1. Уточнить признаки потерпевшего, заменив термин «больной» на «лицо, нуждающееся в медицинской помощи», что согласует УК РФ с Законом № 323-ФЗ.

2. Конкретизировать субъект, указав в диспозиции на «медицинского работника, а равно иное лицо, обязанное в соответствии с федеральным законом оказывать первую помощь», что устранит спор о квалификации бездействия сотрудников полиции, спасателей и водителей и разграничит сферы применения ст. 124 и 125 УК РФ.

3. Закрепить в примечании к ст. 124 УК РФ открытый перечень уважительных причин, включив в него непреодолимую силу, крайнюю необходимость, информированный отказ пациента и объективную невозможность оказания помощи.

4. Принять постановление Пленума Верховного Суда РФ по делам о преступлениях, связанных с оказанием медицинской помощи, в котором разъяснить критерии разграничения неоказания и ненадлежащего оказания помощи, пределы обязанности медицинского работника вне рабочего времени, значение отказа пациента и стандарты доказывания причинной связи при бездействии.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 04.08.2014. – № 31. – Ст. 4398.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954.

3. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 28.11.2011. – № 48. – Ст. 6724.

4. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 (ред. от 11.06.2020) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2009. – № 12.

5. Бабанин В. Ю. Субъективная сторона состава неоказания помощи больному (ст. 124 УК РФ): сложности квалификации и пути их преодоления // Наука. Образование. Современность. – 2025. – № 2. – С. 57-62.

6. Кулькина И. В., Фарсиянц С. А. Правовые и психологические аспекты оказания и неоказания первой медицинской помощи // Мир науки, культуры, образования. – 2016. – № 3 (58). – С. 221-223.

7. Марухно В. М. Уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации неоказания помощи больному // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2025. – № 4. – С. 152-157.

8. Мирошниченко Н. В. Неоказание медицинской помощи: проблемы уголовно-правовой оценки // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2006. – № S22. – С. 40-43.

9. Радов В. В. Разграничение ятрогенных преступлений, предусмотренных частью 2 статьи 109 и частью 2 статьи 124 Уголовного кодекса Российской Федерации // Закон и право. – 2021. – № 7. – С. 128-130.

10. Щетинина Н. В. Неоказание помощи больному: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – № 1 (81). – С. 143-149.

11. Ястремский И. А. Правовые последствия одностороннего отказа пациента от исполнения обязательств по договору возмездного оказания медицинских услуг, заключенного между клиникой пластической хирургии и пациентом // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 3. – С. 429-431.

НИКИТИНА КСЕНИЯ АНАТОЛЬЕВНА – студент, Челябинский государственный университет, Россия.

Р.М. Абдуррагимов

РЕТРОСПЕКТИВА ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

Теория налогового права является не просто системой знаний об устройстве механизмов пополнения казны, это организм, веками впитывавший в себя опыт поколений и вырабатывавший фундаментальные теоретические подходы. Историческое наследие развития теории налогообложения – это рабочий инструмент, ретроспективный взгляд, сопоставление прошлого с сегодняшними реалиями. Адаптация проверенных решений помогают не только оптимизировать систему налогообложения, но и увидеть, как из эпохи в эпоху передавалась сама логика налоговых отношений.

Ключевые слова: *история, теория налогов, налогообложение, развитие, государство, экономика, наука.*

Ещё в XVII–XVIII веках в центре внимания экономической мысли зазвучала атомистическая теория «выгоды и обмена услуг», которую развивали французские умы С. Вобан и Ш. Монтескьё. Идея заключалась в необходимости граждан делится частью дохода с государством, а взамен получать защиту жизни и имущества. При этом уже тогда заявлялось о справедливом распределении налоговой нагрузки. Было очевидно, что перекладывать тяжёлое налоговое бремя на беднейшие слои, оставляя элиту почти вне поля зрения, не только несправедливо, но и опасно для общества.

Поворотной точкой стала работа А. Смита 1776 года о исследовании природы и причинах богатства народов. Именно он сформулировал те самые классические принципы налогообложения, такие как: справедливость, определённость, удобство и экономность. Согласно мнению экономиста, налоги должны работать и на государство, и на свободу гражданина [8]. Его идеи стали компасом, по которому ориентировались экономисты следующих поколений.

Д. Рикардо, развивая и одновременно споря со Смитом, настаивал, что снижение налогового бремени не уступка, а стимул для инвестиций и накопления капитала. В 1817 году, в своей книге «Начала политической экономии и налогового обложения» он осветил свою, оригинальную теорию налогов.

В 1819 году, Ж. Симонд де Сисмонди, развивая теорию налогообложения, в своем труде под названием «Новые начала политэкономии», смотрел на налог как на необходимость оплаты услуг в виде пользования общественными благами [7]. Данный подход и сейчас легко ложится на современные представления о социальной роли государства.

В 1848 году, Дж. С. Милль, британский философ и экономист продолжил развивать теорию С. Вобан и Ш. Монтескьё. Согласно его точке зрения, в случае весомого налогового давления на высокие доходы, подавляются стимулы к труду и сбережениям. Мысль не потеряла актуальности и в настоящее время, когда вопрос мотивации бизнеса и граждан стоит особенно остро [1].

Во второй половине XIX века французские деятели А. Тьер и Э. де Жирарден, предложили взглянуть на налоги как на своего рода страховой взнос – плату за минимизацию рисков, с которыми сталкивается каждый гражданин и предприниматель. Однако данной концепии имеется огромный недостаток, так как налоги являются все-же принудительным и инструментом, не имеющий прямых или регулярных соответствий, так как невозможно точно подсчитать, какую «конкретную пользу» получает отдельный человек за уплаченные деньги. Эта противоречивость до сих пор питает общественные дискуссии.

В XX веке Дж. М. Кейнс предложил использовать налоги как рычаг управления экономикой и в периоды спада снижение налогов может стать спасательным кругом для спроса и рынка.

А в 1970–1980-е годы А. Лаффер наглядно показал парадокс чрезмерного давления налогообложением. Кривая Лаффера убеждает, что слишком высокие ставки способны не увеличить, а сократить доходы бюджета, тогда как разумное снижение ставок может дать экономике импульс и в итоге принести больше средств в казну. Данная позиция кажется справедливой и неоднократно, в истории многих стран подкреплялась на практике.

Российская история налоговых идей развивалась в своём ритме, тесно переплетённом с национальной спецификой и менталитетом. От чисто фискального взгляда на налоги страна постепенно пришла к пониманию их как инструмента развития.

© Р.М. Абдуррагимов, 2026.

Научный руководитель: *Демин Александр Васильевич* – доктор юридических наук, профессор, Юридический институт Сибирского федерального университета, Россия.

В 1667 году, А.Л. Ордин-Нащокин призывал к всестороннему изучению народного хозяйства исходя из чего применять те или иные подходы к налогообложению. И.Т. Посошков в 1724 году, в «Книге о скудости и богатстве» жёстко критиковал нерациональную налоговую политику и ратовал за прогрессирование производства [4].

В 1780-х годах, А.Н. Радищев настаивал на учёте доходов всех классов общества, чтобы не допустить пауперизации населения [4].

Важным в отечественной науке о налогах стал труд Н.И. Тургенева «Опыт теории налогов» (1819 г.). В данном издании были сформулированы методологические основы и принципы налогообложения: равномерность, определённость, удобство и дешевизна сбора [9].

М.М. Сперанский в труде «Плане финансов» (1809 г.), придал государственному бюджету законодательный статус и обосновал необходимость упорядочить доходы и расходы, ввести контроль, гласность и принцип соразмерности. Шаг, который до сих пор остаётся краеугольным камнем финансовой дисциплины.

В XIX веке в России сложилась и академическая школа, где И.Я. Горлов, Е.Г. Осокин и Ф.Б. Мильгаузен, не просто изучали теории, но и сравнивали российское законодательство с западноевропейским, закладывая базу для реформ [5].

Открытие в Московском университете кафедры государственных податей стало знаковым событием. Именно тогда началось системное формирование кадров, способных профессионально работать с налогами.

На рубеже XIX–XX веков И.К. Озеров и И.И. Янжул отстаивали положительные свойства прямого налогообложения, обосновывали необходимость контролировать бюджет и необходимость снижения нагрузки на товары повседневного спроса.

В 1920-е годы Д.П. Боголепов сформулировал ключевые понятия теории налогов [1], а Г.И. Болдырев сформулировал идею о необходимости гармоничного сочетания этических принципов с народнохозяйственными и контроле за влиянием экономики на введенные изменения [2].

В 1930-е доминировали идеи В.П. Дьяченко о системном анализе функций налога и обосновании их связи с воспроизводственным процессом и плановым руководством экономикой.

Однако, в тот период теория налогообложения заметно отставала от общего учения о финансах, в связи со сложностью согласовать абстрактные концепции с реальной практикой.

С 1991 года налоги стали одним из главных инструментов рыночных и общественно важных изменений. Однако, попытки построить рыночные отношения сопровождались серьёзными экономическими и социальными издержками [5].

Сегодня перед системой стоят непростые задачи: удержание балансов федерального, регионального и местного уровней бюджета и одновременно оптимизировать нагрузку на налогоплательщиков. Эти вызовы не теряют остроты и продолжают задавать вектор научных и практических поисков.

Таким образом, история налоговых теорий по своей природе является летописью ответов на экономические вызовы разных эпох. Сегодня роль налогов давно вышла за рамки простого наполнения бюджета, они стали универсальным рычагом государственного регулирования и одним из ключевых факторов устойчивого развития.

В эпоху реформ теория налоговой системы – это не статичный свод правил, а гибкий механизм, способный влиять на экономические процессы и задавать им нужное направление.

Библиографический список:

1.Боголепов Д. Краткий курс финансовой науки / Д. Боголепов Харьков: Пролетарий, 2003. – 217 с.

2.Болдырев Г.И. Подоходный налог на Западе и в России / Г.И. Болдырев. – Ленинград: Сев. - Зап. Промбюро В.С.Н.Х. – 1924. – 274 с.

3.Миллер А.Е. Влияние принципов налогообложения на формирование налоговой культуры / А.Е. Миллер, Т.Н. Богославец, Н.В. Миллер // Омский научный вестник. – 2015. – № 2-1. – С. 94-99.

4.Миллер Н.В. История налогообложения в России // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2010. – № 1. – С. 16-21.

5.Миллер Н.В. Эволюционное развитие науки о налогах в России // От синергии знаний к синергии бизнеса. – Омск: Полиграфический центр КАН. – 2016. – С. 92-96.

6.Милль Д. Основы политической экономии / Д. Милль. – Москва: Эксмо, 2007. – 1040 с.

7.Сисмонди Ж. Симонд. Новые начала политэкономии / перевод А.Ф. Кона, Ф.И. Михалевского. – Москва: Директмедиа Паблишинг, 2008. – 362 с.

8.Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Серия: Антология экономической классики / А. Смит. – Москва: Эксмо, 2009. – 956 с.

9.Тургенев Н.И. Опыт теории налогов / Н.И. Тургенев. Москва: Книга по Требованию, 2012. – 406 с.

АБДУРРАГИМОВ РУСЛАН МЕХМАН ОГЛЫ – магистрант, Сибирский федеральный университет, Россия.

А.О. Лешкин

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СЕМЕЙНО-БЫТОВОЙ СФЕРЕ

В статье рассматриваются вопросы совершенствования системы предупреждения насильственной преступности в семейно-бытовой сфере. Предложены направления профилактической работы, позволяющие более эффективно выявлять семьи и лиц группы риска, обеспечивать защиту пострадавших и снижать уровень повторного насилия. Особое внимание уделено взаимодействию правоохранительных органов, органов социальной защиты, образовательных и медицинских организаций.

Ключевые слова: *насильственная преступность, семейно-бытовая сфера, домашнее насилие, профилактика, виктимологическая профилактика, семья, жертва, правонарушитель, социальная защита.*

Насильственная преступность в семейно-бытовой сфере остается одной из наиболее острых социально-криминологических проблем современного российского общества. Преступления, совершаемые на почве семейных и бытовых конфликтов, отличаются высокой латентностью, повторяемостью и особой общественной опасностью, поскольку посягают на жизнь, здоровье, свободу и достоинство наиболее уязвимых членов семьи.

Семейно-бытовые конфликты нередко развиваются постепенно: от психологического давления и оскорблений к угрозам, побоям, причинению вреда здоровью и более тяжким насильственным преступлениям. В связи с этим важное значение приобретает не только уголовно-правовое реагирование на уже совершенные деяния, но и ранняя профилактика, направленная на выявление конфликтной ситуации до ее перехода в преступление.

Целью настоящего исследования является анализ основных подходов к предупреждению насильственной преступности в семейно-бытовой сфере, выявление недостатков существующей системы профилактики и разработка предложений по ее совершенствованию.

Под насильственной преступностью в семейно-бытовой сфере Уманец М. С. понимает умышленные общественно опасные деяния, связанные с применением физического или психического насилия, совершаемые одним членом семьи либо лицом, находящимся в близких отношениях с потерпевшим, в ходе семейных или бытовых конфликтов [6, с. 233].

К таким деяниям могут относиться побои, истязание, причинение вреда здоровью различной степени тяжести, угроза убийством, убийство, а также иные насильственные преступления, совершенные в отношении супруга, сожителя, детей, родителей, иных родственников или лиц, совместно проживающих с правонарушителем.

Зенкова Т. А. считает, что особенностью данной категории преступлений является тесная связь между участниками конфликта. Потерпевший нередко зависит от правонарушителя материально, эмоционально или социально, что затрудняет обращение за помощью и сообщение о насилии в правоохранительные органы [3, с. 1025].

К основным факторам, способствующим совершению насильственных преступлений в семье Вераскин И. А. относит:

- злоупотребление алкоголем и наркотическими веществами;
- низкий уровень правовой культуры и терпимость к насилию;
- материальное неблагополучие, безработица, жилищные трудности;
- агрессивные модели поведения, усвоенные в родительской семье;
- психические расстройства и эмоциональная неустойчивость;
- семейные конфликты, ревность, развод, раздел имущества;

© А.О. Лешкин, 2026.

Научные руководители: *Фабрика Тамара Александровна* – кандидат юридических наук, Челябинский государственный университет, Россия.

Дробот Сергей Александрович – кандидат юридических наук, Челябинский государственный университет, Россия.

- бездействие окружающих и недостаточная осведомленность потерпевших о мерах защиты [2, с. 175].

Предупреждение насильственной преступности в семейно-бытовой сфере осуществляется в нескольких направлениях: общесоциальном, специально-криминологическом, виктимологическом и индивидуальном.

Общесоциальная профилактика направлена на устранение причин и условий, порождающих семейное неблагополучие. К ней относятся меры по снижению безработицы, улучшению жилищных условий, поддержке семей с детьми, развитию системы социальной помощи, пропаганде ненасильственных моделей семейного поведения.

Специально-криминологическая профилактика предполагает выявление семей и лиц, склонных к совершению насильственных правонарушений, проведение профилактических бесед, постановку на профилактический учет, контроль за соблюдением установленных запретов и ограничений.

Виктимологическая профилактика ориентирована на защиту потенциальных и реальных потерпевших. Она включает информирование граждан о рисках домашнего насилия, работу кризисных центров, горячих линий, временных убежищ, а также оказание психологической, юридической и социальной помощи пострадавшим.

По мнению Сибагатуллина Ф. Ф., индивидуальная профилактика осуществляется в отношении конкретных лиц, чье поведение свидетельствует о вероятности совершения насильственного преступления. Она может включать беседы участкового уполномоченного полиции, взаимодействие с родственниками, работодателем, образовательной организацией, медицинскими учреждениями и общественными объединениями [5, с. 160].

Алексеева И. М., Гончарова А. А. отмечают, что несмотря на наличие системы профилактических мер, предупреждение насильственной преступности в семейно-бытовой сфере остается недостаточно эффективным.

Во-первых, сохраняется высокая латентность домашнего насилия. Потерпевшие не всегда обращаются в полицию из-за страха мести, стыда, материальной зависимости или неверия в возможность защиты со стороны государства.

Во-вторых, профилактическая работа нередко начинается только после совершения правонарушения. Между тем наибольший эффект дает раннее выявление семейного конфликта, когда еще возможно предотвратить эскалацию насилия.

В-третьих, недостаточно развита координация между органами внутренних дел, социальной защиты, образования, здравоохранения и некоммерческими организациями. Информация о семьях группы риска часто не передается между ведомствами своевременно и в полном объеме.

В-четвертых, требует усиления работа с лицами, совершившими насилие. Ограничение реагирования исключительно мерами уголовной или административной ответственности не всегда позволяет устранить причины агрессивного поведения и предотвратить повторные преступления [1, с. 22].

Повышение эффективности предупреждения насильственной преступности в семейно-бытовой сфере возможно при реализации следующих мер:

- создание единого межведомственного алгоритма реагирования на сообщения о семейных конфликтах и домашнем насилии;
- развитие системы раннего выявления семей группы риска на основе взаимодействия школ, медицинских организаций, органов опеки и полиции;
- расширение сети кризисных центров, временных убежищ и психологических служб для пострадавших;
- обеспечение доступности горячих линий и правовой помощи жертвам насилия;
- проведение регулярных информационных кампаний о недопустимости домашнего насилия и способах защиты;
- внедрение программ коррекции агрессивного поведения для лиц, склонных к насилию;
- усиление контроля за лицами, состоящими на профилактическом учете;
- повышение профессиональной подготовки сотрудников полиции, социальных работников, педагогов и медицинских работников по вопросам выявления признаков семейного насилия [2].

Особое значение имеет виктимологическая профилактика. Пострадавшим необходимо своевременно разъяснять их права, порядок получения защитных мер, места обращения за помощью и возможности временного безопасного размещения. Информирование о рисках и доступных мерах защиты рассматривается как важный инструмент раннего предупреждения насильственных преступлений в отношении женщин и других уязвимых категорий граждан.

Лобанова П. Д., Таов К. А. определили, что предупреждение насильственной преступности в семейно-бытовой сфере требует комплексного подхода, объединяющего правовые, социальные, психологи-

ческие и воспитательные меры. Эффективная профилактика должна быть направлена не только на наказание правонарушителей, но и на защиту потенциальных жертв, устранение причин семейных конфликтов и формирование в обществе нетерпимости к насилию [4, с. 175].

Совершенствование межведомственного взаимодействия, развитие кризисной инфраструктуры и усиление ранней профилактики позволят снизить уровень насильственных преступлений в семейно-бытовой сфере и повысить безопасность граждан.

Библиографический список:

1.Алексеева И. М., Гончарова А. А. Женское насилие в семейно-бытовой сфере как объект правозащитной деятельности // Органы государственной власти в системе правозащитной деятельности на современном этапе: сборник научных трудов IX Национальной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург, 2025. – С. 22–28.

2.Веряскин И. А. Способы предупреждения насильственных преступлений в семье // Вестник Воронежского института ФСИН России. – 2022. – № 2. – С. 174–179.

3.Зенкова Т. А. Насильственные половые преступления в семейной сфере // Безопасность личности, общества и государства: теоретико-правовые аспекты: сборник научных статей XVII международной научной конференции обучающихся образовательных организаций высшего образования, проводимой в рамках IV Санкт-Петербургского международного молодежного научного форума «Северная Пальмира: территория возможностей». – Санкт-Петербург, 2024. – С. 1020–1031.

4.Лобанова П. Д., Таов К. А. Противодействие домашнему насилию // Союз криминалистов и криминологов. – 2022. – № 4. – С. 174–179.

5.Сибагатуллин Ф. Ф. Бытовое насилие как криминологический предиктор экстремизма (на примере статей 116 и 116.1 УК РФ) // Противодействие терроризму и экстремизму в современном мире: материалы Международного круглого стола. – Уфа, 2026. – С. 153–163.

6.Уманец М. С. Предупреждение насильственной преступности в семейно-бытовой сфере // Стратегические направления противодействия преступности на национальном и транснациональном уровнях: сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции / под науч. ред. В. А. Авдеева, С. В. Розенко. – 2022. – С. 233–238.

ЛЕШКИН АЛЕКСАНДР ОЛЕГОВИЧ – магистрант, Челябинский государственный университет, Россия.

А.И. Бабич

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ ПРАВ НА НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО И НОРМАТИВНОГО ПОНИМАНИЯ

В статье рассматривается правовая природа государственной регистрации прав на недвижимое имущество как самостоятельного правового института. Анализируются основные подходы, сложившиеся в юридической доктрине, а также положения действующего законодательства Российской Федерации. Особое внимание уделяется соотношению государственной регистрации как юридического факта и как административной процедуры. Делается вывод о комплексном характере государственной регистрации прав и необходимости её понимания не только как формального элемента правового регулирования, но и как важного механизма обеспечения стабильности гражданского оборота.

Ключевые слова: *государственная регистрация, недвижимое имущество, право собственности, ЕГРН, вещные права, Росреестр.*

Государственная регистрация прав на недвижимое имущество является одним из важнейших институтов гражданского права Российской Федерации. Она играет значительную роль в регулировании имущественных отношений, поскольку именно с момента государственной регистрации у лица возникает право собственности или иное вещное право на объект недвижимости.

В условиях современного гражданского оборота недвижимое имущество имеет особую ценность, что обусловливает необходимость строгого правового регулирования отношений, связанных с его приобретением, использованием и отчуждением. Государственная регистрация призвана обеспечить публичность и достоверность сведений о правах на недвижимость, а также защиту прав законных собственников.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что на практике при осуществлении государственной регистрации прав часто возникают различные проблемы. К ним относятся отказы в регистрации, приостановление регистрационных действий, а также ошибки, допущенные при внесении сведений в Единый государственный реестр недвижимости. Кроме того, в юридической литературе отсутствует единый подход к определению правовой природы государственной регистрации, что вызывает дискуссии среди ученых-юристов.

Целью настоящей статьи является рассмотрение правовой природы государственной регистрации прав на недвижимое имущество, анализ основных теоретических подходов и норм действующего законодательства, а также формулирование общих выводов о значении данного института.

Материалы и методы исследования. В процессе подготовки настоящей статьи были использованы нормы Конституции Российской Федерации, положения Гражданского кодекса Российской Федерации, а также Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости».

В качестве методов исследования применялись анализ и обобщение нормативных правовых актов, формально-юридический метод, а также изучение учебной и научной литературы по гражданскому праву. Использование указанных методов позволило рассмотреть государственную регистрацию прав на недвижимое имущество с точки зрения действующего законодательства и сложившихся научных подходов.

В соответствии с действующим законодательством государственная регистрация прав на недвижимое имущество представляет собой установленную законом процедуру признания и подтверждения государством прав на объекты недвижимости. Основной целью государственной регистрации является обеспечение юридической определенности имущественных отношений.

© А.И. Бабич, 2026.

Научный руководитель: *Кузнецова Ольга Валерьевна* – кандидат юридических наук, доцент, Челябинский государственный университет, Россия.

Согласно статье 131 Гражданского кодекса Российской Федерации право собственности и другие вещные права на недвижимые вещи подлежат государственной регистрации. Это означает, что без совершения регистрационных действий соответствующее право не может считаться возникшим в юридическом смысле.

Государственная регистрация имеет важное практическое значение, поскольку сведения, содержащиеся в Едином государственном реестре недвижимости, являются открытыми и общедоступными. Любое заинтересованное лицо может получить информацию о собственнике объекта недвижимости, что способствует прозрачности гражданского оборота и снижает риск злоупотреблений.

Одним из распространенных подходов в юридической литературе является рассмотрение государственной регистрации прав на недвижимое имущество в качестве юридического факта. В соответствии с пунктом 1 статьи 8.1 Гражданского кодекса Российской Федерации права на недвижимое имущество подлежат государственной регистрации в случаях и в порядке, установленных законом.

Юридический факт представляет собой обстоятельство, с которым норма права связывает возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. В данном случае таким обстоятельством является внесение соответствующей записи в Единый государственный реестр недвижимости.

Например, при заключении договора купли-продажи недвижимого имущества право собственности у покупателя возникает не с момента подписания договора, а именно с момента государственной регистрации перехода права. До этого момента покупатель не может в полной мере распоряжаться объектом недвижимости как собственник.

Таким образом, государственная регистрация выступает необходимым элементом механизма возникновения вещных прав и обеспечивает их юридическое оформление.

На практике значение государственной регистрации как юридического факта наглядно проявляется при совершении сделок с недвижимым имуществом. Так, при заключении договора купли-продажи квартиры стороны могут считать сделку завершённой после подписания договора и передачи денежных средств. Однако в соответствии со статьёй 8.1 Гражданского кодекса Российской Федерации право собственности у покупателя возникает только после государственной регистрации перехода права.

В случае если договор купли-продажи был подписан, но регистрация перехода права собственности не была осуществлена, покупатель не приобретает статус собственника. Это означает, что он не вправе распоряжаться недвижимым имуществом, например, продать его или передать в залог. Данный пример показывает, что именно момент внесения записи в Единый государственный реестр недвижимости имеет решающее значение для возникновения права собственности, что подтверждает роль государственной регистрации как юридического факта.

Вместе с тем государственную регистрацию прав нельзя рассматривать исключительно как юридический факт. Федеральный закон № 218-ФЗ подробно регулирует порядок осуществления государственной регистрации недвижимости, включая перечень документов, сроки регистрации, основания для приостановления и отказа в регистрации.

В статье 1 указанного закона государственная регистрация определяется как юридический акт признания и подтверждения государством возникновения, изменения, перехода или прекращения прав на недвижимое имущество. Из этого следует, что регистрация осуществляется в рамках публичной деятельности уполномоченного государственного органа — Росреестра.

Регистрационные действия совершаются в установленной законом процедуре и носят административный характер. Заявитель обязан представить необходимые документы, а регистрирующий орган — проверить их соответствие требованиям законодательства. В случае выявления нарушений может быть вынесено решение о приостановлении или отказе в государственной регистрации.

Именно административный характер регистрации нередко становится причиной возникновения споров между гражданами и государственными органами, что подтверждает необходимость более детального изучения правовой природы данного института.

Административный характер государственной регистрации прав на недвижимое имущество проявляется также в случаях вынесения регистрирующим органом решений об отказе в регистрации. Например, при подаче заявления о государственной регистрации права собственности заявитель обязан представить полный комплект документов, предусмотренный Федеральным законом № 218-ФЗ.

На практике нередко возникают ситуации, когда заявителю отказывают в регистрации по причине отсутствия одного из обязательных документов либо наличия противоречий в представленных сведениях. В таком случае регистрирующий орган выносит мотивированное решение об отказе или приостановлении государственной регистрации. Данный пример показывает, что государственная регистрация осуществляется в рамках административной процедуры и подчиняется строгим требованиям закона, соблюдение которых является обязательным для заявителя.

Представляется, что государственную регистрацию прав на недвижимое имущество нельзя рассматривать исключительно в рамках одного правового измерения. Она сочетает в себе признаки как юридического факта гражданского права, так и административной процедуры публичного характера.

С одной стороны, регистрация завершает гражданско-правовую конструкцию перехода или возникновения права. С другой — осуществляется посредством властных полномочий государственного органа, что предопределяет применение норм публичного права.

Такой двойственный характер государственной регистрации подтверждается и судебной практикой. Суды при рассмотрении споров, связанных с отказом в регистрации, оценивают не только соблюдение формальных требований закона, но и фактические обстоятельства, свидетельствующие о наличии или отсутствии у заявителя соответствующего права.

Отсутствие единого доктринального подхода к правовой природе государственной регистрации приводит к ряду негативных последствий. В частности, регистрация нередко воспринимается как самоцель, а не как средство обеспечения стабильности гражданского оборота.

Формализация регистрационной деятельности приводит к ситуации, при которой приоритет отдаётся не защите субъективного права, а соблюдению процедурных требований. Это противоречит общим принципам гражданского законодательства, закреплённым в статье 1 ГК РФ, включая принципы добросовестности и разумности.

В этой связи представляется необходимым развитие комплексного подхода к пониманию государственной регистрации, при котором она рассматривается как элемент механизма правового регулирования имущественных отношений.

Таким образом, государственная регистрация прав на недвижимое имущество представляет собой сложный и многоаспектный правовой институт, сочетающий в себе признаки юридического факта и административной процедуры. Её правовая природа не может быть сведена исключительно к формальному учёту прав в государственном реестре.

Понимание государственной регистрации как комплексного механизма позволяет более полно оценить её роль в системе гражданского права и обеспечить баланс публичных и частных интересов. Это, в свою очередь, имеет важное значение для совершенствования правоприменительной практики и повышения уровня защиты прав участников гражданского оборота.

Библиографический список:

1.Матвеева М.А. Сделки с недвижимым имуществом: учебник для вузов // Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2019. – 295 с. URL: https://www.directmedia.ru/book-564395-sdelki-s-nedvijimyim-imuschestvom/ (дата обращения: 19.12.2025).

2.Захарин А.Н. Государственная регистрация прав на недвижимое имущество // ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» Ставрополь, 2018. URL: https://www.directmedia.ru/book-562875-gosudarstvennaya-registratsiya-prav-na-nedvijimo/ (дата обращения: 19.12.2025).

3.Плеханова О. И. Государственная регистрация прав на недвижимое имущество как юридический факт // Журнал российского права. 2016. № 9. С. 98–104.URL: https://cyberleninka.ru/ (дата обращения: 19.12.2025).

4.К. Б. Кораев Правовая природа государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним // Lex russica. 2025;78(8):9-21. https://doi.org/10.17803/1729-5920.2025.225.8.009-021 (дата обращения: 19.12.2025).

5.Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182661/ (дата обращения: 19.12.2025).

6.Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 19.12.2025).

БАБИЧ АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ – магистрант, Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия.

А.И. Бабич

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ ПРАВ НА НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

В статье рассматривается цифровизация государственной регистрации прав на недвижимое имущество в Российской Федерации. Раскрывается соотношение понятий «оцифровка», «электронная регистрация» и «цифровизация»; анализируется значение Единого государственного реестра недвижимости, электронного документооборота и электронной подписи. Особое внимание уделяется тому, что цифровой формат не отменяет правовую природу государственной регистрации: юридически значимым остается государственный акт и внесение записи в ЕГРН, а не сам по себе электронный документ. Выявляются практические преимущества цифрового взаимодействия, а также связанные с ним риски: ошибки в реестре, недостаточная цифровая грамотность, недобросовестное использование электронной подписи и необходимость защиты персональных данных. Сформулированы предложения по развитию учетно-регистрационной системы с сохранением баланса между скоростью процедуры, надежностью сведений и защитой прав участников гражданского оборота.

Ключевые слова: *государственная регистрация недвижимости, цифровизация, ЕГРН, электронная регистрация, электронная подпись, Росреестр, защита прав.*

Государственная регистрация прав на недвижимое имущество традиционно относится к числу ключевых гарантий устойчивости гражданского оборота. При сделках с недвижимостью недостаточно договориться о цене или подписать договор: для возникновения, перехода, ограничения или прекращения права во многих случаях требуется государственная регистрация. В России сведения о таких правах вносятся в Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН).

Сегодня эта система быстро меняется. Документы направляются в электронном виде, значительная часть сведений запрашивается органом регистрации в порядке межведомственного взаимодействия, а заявитель может отслеживать ход процедуры в цифровом сервисе. Для юридических лиц с 1 марта 2025 года Федеральным законом № 487-ФЗ установлено общее правило электронной подачи заявлений о кадастровом учете и (или) государственной регистрации прав; закон при этом сохраняет отдельные исключения. Данное изменение показывает, что электронный формат перестает быть дополнительной возможностью и становится обычным способом взаимодействия с государством [4].

Однако цифровизация не сводится к отказу от бумаги. Она затрагивает способы удостоверения личности, представления документов, проверки сведений, ведения реестра и последующей защиты права. Поэтому важно определить, меняется ли при цифровизации сама правовая природа регистрации или речь идет главным образом о новой форме осуществления уже существующего института. Цель настоящей статьи состоит в рассмотрении этих вопросов с позиций теории права и практики применения законодательства.

Материалы и методы исследования. Нормативную основу исследования составили положения Гражданского кодекса Российской Федерации, Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи», а также Федерального закона от 26 декабря 2024 г. № 487-ФЗ. Использованы официальные разъяснения Росреестра, материалы о развитии информационных систем и научные публикации по вопросам цифровизации учетно-регистрационных услуг.

В работе применялись формально-юридический, сравнительный и системный методы. Формально-юридический метод позволил раскрыть содержание норм, регулирующих электронное взаимодействие с органом регистрации. Системный подход использован для оценки регистрации как единого

© А.И. Бабич, 2026.

Научный руководитель: *Кузнецова Ольга Валерьевна* – кандидат юридических наук, доцент, Челябинский государственный университет, Россия.

механизма, где гражданско-правовые, административные и информационные элементы действуют не изолированно, а во взаимосвязи.

Цифровизация регистрации: что именно меняется. В научной и практической речи понятия «оцифровка» и «цифровизация» нередко используются как равнозначные. Между тем они имеют разный смысл. Оцифровка означает перевод ранее созданных документов и сведений в электронную форму. Например, это перенос данных из архивных бумажных дел в информационную систему. Цифровизация шире: она изменяет сам порядок предоставления государственной услуги, организацию взаимодействия органов власти, заявителя, нотариуса, банка, кадастрового инженера и иных участников.

Электронная регистрация является одним из проявлений цифровизации. Она предполагает направление заявления и документов в электронной форме, их получение и обработку посредством информационных систем, а также выдачу результата в цифровом виде. Но электронная регистрация не образует самостоятельного вида вещного права и не заменяет предусмотренный законом юридический состав. Внесение записи в ЕГРН по-прежнему имеет решающее значение для публичного подтверждения зарегистрированного права.

Этот вывод следует из конструкции статьи 8.1 и статьи 131 Гражданского кодекса Российской Федерации, а также из статьи 1 Федерального закона № 218-ФЗ. Государственная регистрация определяется законом как юридический акт признания и подтверждения государством возникновения, изменения, перехода, прекращения права, ограничения права и обременения недвижимости. Следовательно, юридический результат связывается не с тем, на бумаге или в электронном файле подано заявление, а с совершением регистрационного действия и внесением соответствующей записи в реестр [1; 2].

В этом состоит важный теоретический предел цифровизации. Компьютерная система может ускорить обмен документами и провести технические проверки, но она не должна подменять юридическую оценку основания возникновения права там, где требуется установить действительную волю сторон, проверить полномочия представителя, наличие противоречий в документах или соблюдение требований закона. Иначе удобство процедуры может быть достигнуто ценой снижения правовой определенности.

Нормативная основа электронного взаимодействия. Закон о государственной регистрации недвижимости предусматривает возможность представления заявления и документов как на бумажном носителе, так и в электронной форме. В зависимости от основания регистрации электронные документы должны отвечать требованиям к формату, составу и способу подписания. Юридическая значимость электронной подписи определяется Федеральным законом № 63-ФЗ: при соблюдении установленных законом условий электронный документ, подписанный соответствующей электронной подписью, может быть равнозначен документу на бумажном носителе, подписанному собственноручно [2; 3].

Для граждан электронный формат не исключает иных способов обращения. Заявитель вправе воспользоваться многофункциональным центром либо иными предусмотренными способами подачи документов. Сохранение таких каналов принципиально важно: право на государственную регистрацию не должно фактически зависеть от наличия у человека сложного оборудования, навыков работы с информационными системами или возможности получить квалифицированную электронную подпись.

Отдельного внимания заслуживает защитный механизм, позволяющий правообладателю внести в ЕГРН запись о невозможности регистрации перехода, прекращения, ограничения права или обременения без его личного участия. Такая запись не отменяет законных оснований для регистрации, но создает дополнительный барьер против совершения действий по подложным либо неправомерно использованным документам. Росреестр предусматривает возможность подачи соответствующего заявления в том числе через личный кабинет [8].

Цифровая модель предполагает также развитие межведомственного взаимодействия. Ее разумная цель состоит в том, чтобы гражданин не собирал справки, которые уже находятся в распоряжении государства. Но здесь необходимо различать получение сведений и их юридическую оценку. Автоматически полученная информация может оказаться неполной, устаревшей или противоречивой; при возникновении таких обстоятельств регистрирующий орган обязан действовать в рамках закона, а не механически доверять информационному обмену.

Практическое значение цифровизации и возникающие риски. Основное практическое преимущество цифровой регистрации состоит в сокращении числа очных действий. Участники сделки могут подготовить и направить документы без поездки в офис органа регистрации, а сведения о ходе рассмотрения доступны в личном кабинете. Электронный документооборот особенно полезен для юридических лиц, банков, застройщиков и профессиональных участников рынка, которые регулярно обращаются за учетно-регистрационными услугами.

Второе преимущество связано с прослеживаемостью процедуры. Информационная система фиксирует дату и время поступления документов, этапы рассмотрения и направление уведомлений. При правильной организации это облегчает доказывание того, какие документы представлялись, когда заявитель получил сообщение о приостановлении и какие действия были совершены органом регистрации.

Но цифровой формат не устраняет типичные проблемы, а иногда делает их менее заметными для заявителя. Например, система может принять пакет файлов, однако впоследствии выясняется, что документ подписан ненадлежащим лицом, полномочие представителя не подтверждено либо в самом документе имеются противоречия. В таких случаях электронная подача не гарантирует регистрацию. Она лишь изменяет способ обращения; юридическая экспертиза представленных оснований сохраняется.

Наиболее чувствительная группа рисков связана с безопасностью. Недобросовестное использование учетной записи, компрометация ключа электронной подписи, получение доступа к персональным данным и подмена реквизитов способны повлечь серьезные последствия для собственника. Недвижимость имеет высокую стоимость, поэтому здесь недопустима логика «сначала скорость, потом проверка». Система должна сочетать удобство с надежной идентификацией заявителя, информированием правообладателя о поданных заявлениях и возможностью оперативно реагировать на подозрительные действия.

Еще одна проблема - цифровое неравенство. Для опытного пользователя электронный сервис удобен, но для пожилого человека, жителя удаленной местности или гражданина, который редко пользуется цифровыми услугами, он может стать дополнительным препятствием. Поэтому цифровизация должна строиться не на принуждении граждан к единственному каналу связи, а на предоставлении выбора и понятной помощи. Обязательный электронный формат допустим прежде всего там, где его участники обладают необходимой организационной и технической возможностью, как это характерно для большинства юридических лиц.

Наконец, особого внимания требует качество сведений ЕГРН. Электронный реестр повышает доступность информации, но сам по себе не гарантирует отсутствие ошибок. Если в реестр перенесены неточные сведения либо они возникли в результате технической ошибки, цифровая скорость распространения данных способна усилить последствия такой ошибки. Следовательно, развитие информационной системы должно сопровождаться понятной и доступной процедурой исправления реестровых и технических ошибок, а также эффективными способами судебной и внесудебной защиты.

Направления совершенствования учетно-регистрационной системы. Представляется, что дальнейшее развитие цифровой регистрации должно опираться на несколько принципов. Первый принцип - сохранение юридической ответственности человека за решение в сложных случаях. Автоматические проверки полезны для выявления неполного комплекта документов, несоответствия формата файла или явных технических ошибок. Однако алгоритм не должен самостоятельно решать спорные вопросы о действительности сделки, объеме полномочий, наличии порока воли или коллизии прав нескольких лиц. Такие вопросы требуют правовой квалификации и возможности проверить мотивы принятого решения.

Второй принцип - понятное уведомление правообладателя. Сообщения о подаче заявления, приостановлении, отказе или завершении регистрации должны быть сформулированы простым языком, содержать конкретную причину и указывать, какие действия необходимы для устранения препятствия. Недостаточно направить формальное уведомление, понятное только специалисту: гражданин должен реально понимать, что произошло с его правом и что ему делать дальше.

Третий принцип - многоуровневая защита от мошенничества. Она включает надежную идентификацию, контроль полномочий представителя, своевременное информирование собственника, возможность установить запрет на регистрацию без личного участия и безопасное хранение ключей электронной подписи. Важно, чтобы эти меры не превращались в чрезмерные формальности, но и не оставляли собственника без защиты.

Четвертый принцип - сохранение доступности услуги. Электронный канал должен быть приоритетным там, где он действительно удобен, но гражданину необходимо оставить возможность обратиться очно через МФЦ и получить помощь при подготовке документов. Это не противоречит цифровизации; напротив, такая модель обеспечивает ее социальную устойчивость.

Пятый принцип - прозрачность работы с данными. Государство должно разъяснять, какие сведения используются в межведомственном взаимодействии, из каких источников они поступают, как исправляются ошибки и в каких случаях заявитель вправе представить дополнительные документы. Чем выше степень цифровизации, тем важнее доверие к системе. Доверие возникает не из-за технологической новизны, а из-за предсказуемости процедур и реальной возможности защитить нарушенное право.

Указанные подходы согласуются с научной позицией, согласно которой цифровизация учетно-регистрационных услуг должна оцениваться не только по скорости обработки заявлений, но и по способности системы обеспечивать публичную достоверность реестра и защиту участников оборота [5; 6].

Цифровизация государственной регистрации прав на недвижимое имущество является закономерным направлением развития публичного управления и гражданского оборота. Она делает обращение за регистрационной услугой более удобным, способствует сокращению бумажного документооборота и позволяет выстроить более быстрый информационный обмен между участниками процедуры.

Вместе с тем электронная форма не меняет базовую правовую природу регистрации. Государственная регистрация остается юридическим актом признания и подтверждения права, совершаемым уполномоченным органом и выражаемым во внесении записи в ЕГРН. Электронное заявление, электронная подпись и цифровая платформа являются средствами осуществления этого института, но не самостоятельным основанием возникновения вещного права.

Перспективная модель цифровой регистрации должна сочетать технологичность с правовой осторожностью. Ее ориентиром должны быть не только скорость и удобство, но и достоверность реестра, защита собственника, понятность процедуры и возможность получить помощь в сложной ситуации. Именно при таком подходе цифровизация будет укреплять, а не ослаблять устойчивость оборота недвижимости.

Библиографический список:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Доступ из Официального интернет-портала правовой информации. Дата обращения: 27.06.2026.

2. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости». Доступ из Официального интернет-портала правовой информации. Дата обращения: 27.06.2026.

3. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи». Доступ из Официального интернет-портала правовой информации. Дата обращения: 27.06.2026.

4. Федеральный закон от 26.12.2024 № 487-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Доступ из Официального интернет-портала правовой информации. Дата обращения: 27.06.2026.

5. Землякова Г. Л. Проблемы цифровизации государственных учетно-регистрационных услуг в отношении земельных участков // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 7 (250). DOI: 10.24412/2072-4098-2022-6249-95-101.

6. Кораев К. Б. Правовая природа государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним // Lex russica. 2025. Т. 78. № 8. С. 9-21. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.225.8.009-021.

7. Росреестр. С 1 марта 2025 года юридические лица будут подавать заявления на регистрацию недвижимости в электронной форме: официальный материал. Дата обращения: 27.06.2026.

8. Росреестр. Внесение в ЕГРН записи о невозможности государственной регистрации права без личного участия правообладателя: официальный сервис. Дата обращения: 27.06.2026.

9. Росреестр. О результатах деятельности Росреестра за 2024 год и планах на 2025 год: официальный доклад. Дата обращения: 27.06.2026.

БАБИЧ АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ – магистрант, Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия.

Н.А. Шарапов

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ ПРИ УПРАВЛЕНИИ ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИЕЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В статье проводится комплексный уголовно-правовой анализ злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) в сфере государственного управления гражданской авиацией России. Рассматриваются особенности объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны данного состава применительно к должностным лицам Росавиации, Ространснадзора, Минтранса России и подведомственных государственных предприятий. На основе анализа шести судебных дел выявляются типичные схемы злоупотреблений, устойчивые тенденции правоприменения и ключевые доказательственные трудности. Предлагаются конкретные законодательные и организационные меры по повышению эффективности уголовно-правовой охраны в данной сфере.

Ключевые слова: *злоупотребление должностными полномочиями; гражданская авиация; безопасность полётов; Росавиация; Ространснадзор; должностные преступления; квалификация; судебная практика; транспортная безопасность.*

Деятельность должностных лиц органов управления гражданской авиацией непосредственно определяет уровень безопасности полётов [2, 3, 5]. Злоупотребление полномочиями в этой сфере причиняет государству имущественный ущерб и создаёт угрозу жизни и здоровью граждан. Вместе с тем число приговоров по ст. 285 УК РФ, вынесенных именно по делам из авиационной сферы, невелико. Причинами могут быть трудности установления причинной связи между деянием и последствиями [12], а также ведомственная корпоративность и недостаточная специальная подготовка следователей.

Видовым объектом преступлений гл. 30 УК РФ признаются общественные отношения, обеспечивающие нормальную деятельность государственного аппарата [11, 13]. Непосредственный объект ст. 285 составляют отношения в сфере государственной службы, обеспечивающие законность и эффективность публичного управления [10]. В авиации они конкретизируются через систему государственного регулирования, закреплённую в Воздушном кодексе РФ и положениях о федеральных органах [2, 3].

Субъект специальный – должностное лицо в значении примечания 1 к ст. 285 УК РФ [1, 9]. Таковыми могут быть руководители и должностные лица Росавиации (в том числе межрегиональных территориальных управлений), Ространснадзора (подразделений авиационного надзора), Минтранса России, а также работники ФГУП «Госкорпорация по ОрВД» и иных государственных предприятий, выполняющие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции [1, 2, 3, 9].

Объективная сторона включает использование служебных полномочий вопреки интересам службы, существенное нарушение прав и законных интересов граждан, организаций, общества или государства и причинную связь между ними [1, 6, 10]. В авиации деяние может проявляться в выдаче сертификата лётной годности воздушному судну, не соответствующему требованиям; в согласовании полётного задания при технических или метеорологических ограничениях; в допуске к рейсу авиакомпании без действующего сертификата эксплуатанта. Возможны и формы бездействия: непроведение обязательной проверки при наличии сведений о нарушениях, несообщение об авиационном инциденте [4].

Характерная особенность – внешняя формальная правомерность деяния: должностное лицо реализует полномочия (выдаёт разрешение, подписывает акт), но вопреки их целевому назначению. Это затрудняет доказывание. Наиболее сложно установить причинную связь, что обусловлено временным разрывом между деянием и последствием, многофакторностью авиационных происшествий и необходимостью специальных познаний, реализуемых через авиационно-техническую и иные экспертизы [4, 12].

Субъективная сторона характеризуется умыслом и обязательным мотивом – корыстной или иной личной заинтересованностью [1, 6, 10]. Косвенный умысел допускается, например, при сокрытии нару-

© Н.А. Шарапов, 2026.

шений требований безопасности: должностное лицо надзорного органа осознаёт противоправность действий, предвидит возможность инцидента и безразлично к ней относится; возможность косвенного умысла в доктрине остаётся дискуссионной. При получении вознаграждения от заинтересованного лица требуется разграничение со ст. 290 УК РФ [1, 6].

Первая проблема – установление полномочий. Компетенции Росавиации, Ространснадзора и органов организации воздушного движения пересекаются [2, 3]; деяние, выходящее за пределы полномочий, квалифицируется как превышение (ст. 286 УК РФ), а не как злоупотребление [1, 6]. Вторая – отграничение злоупотребления от добросовестной технической ошибки при принятии решений на основе оценки технических данных [10]. Третья – доказывание мотива: вознаграждение может передаваться через посредников, под видом консультационных договоров или оплаты обучения; при недоказанности мотива дела переквалифицируются на ст. 293 УК РФ [6, 10]. Четвёртая – оценочный характер «существенного нарушения» [6]: его необходимо отличать от формальных нарушений делопроизводства, не создавших реальной угрозы безопасности полётов.

Практика по ст. 285 УК РФ в авиации немногочисленна. Проанализированы шесть дел, два из них не завершены судебным разбирательством, выборка не репрезентативна, поэтому выводы предварительны.

1. Якутский городской суд, 11.08.2023. Начальник коммерческого управления ФКП «Аэропорты Севера» осуждён по ч. 3 ст. 33, ч. 4 ст. 160 и семи эпизодам ч. 1 ст. 285 УК РФ за организацию растраты 1 867 061 руб. и использование воздушных судов для перевозки личной продукции (ущерб 146 345 руб.). С учётом досудебного соглашения назначено 3 года 6 месяцев лишения свободы условно [7].

2. Апелляционное определение Московского городского суда от 13.07.2023 № 10-10024/2023. Должностные лица ФГУП «Администрация гражданских аэропортов (аэродромов)» осуждены по ч. 3 ст. 285 за подписание в 2015 году актов приёмки реконструкции аэропорта Внуково при заведомых существенных недостатках работ (ущерб бюджету, экологический вред). Назначено по 4 года лишения свободы условно с лишением права занимать определённые должности [7] .

3. Апелляционное определение Московского городского суда от 27.04.2018 № 10-5136/2018. Одиннадцать сотрудников ФГБУ «Специальный лётный отряд «Россия»» и аффилированных лиц осуждены по ч. 4 ст. 159 и ч. 1 ст. 285 за завышение цен госконтрактов на поставку авиатехники и незаконное освобождение имущества от таможенных пошлин; наказание – условное лишение свободы [7].

4. Коптевский районный суд г. Москвы. По версии следствия, бывший заместитель министра транспорта Ч., исполнявший обязанности руководителя ФГУП «ГосНИИ ГА», в 2024 году начислил себе стимулирующие выплаты около 4,2 млн руб., предъявлено обвинение по ч. 4 ст. 160 и ч. 1 ст. 285 УК РФ.

5. Следственное производство 2025–2026 гг. Бывшему руководителю Уральского межрегионального территориального управления воздушного транспорта Росавиации предъявлено обвинение по ст. 285 и ч. 4 ст. 160 УК РФ за издание необоснованных приказов о премировании и получение части выплат обратно (ущерб свыше 3 млн руб.).

6. Ленинский районный суд г. Ульяновска, октябрь 2021 г. Бывший командир лётного отряда Ульяновского института гражданской авиации осуждён по ч. 1 ст. 285 за указания вносить в документацию фиктивные сведения о полётах и получение выплат свыше 410 тыс. руб.; ущерб возмещён, назначен штраф [7].

Сводный анализ приведённых дел позволяет выявить следующие закономерности. Во-первых, санкции по ст. 285 УК РФ в авиационной сфере в подавляющем большинстве случаев назначаются в виде условного лишения свободы (от 1 года до 4 лет), штрафа и лишения права занимать определённые должности. Реальное лишение свободы назначается исключительно при совокупности с более тяжкими составами. Это свидетельствует об устойчивой тенденции к гуманизации наказания, что с криминологической точки зрения снижает превентивный эффект уголовной ответственности. Во-вторых, преобладают коррупционные схемы, связанные с хищением бюджетных средств, а не с непосредственным созданием угрозы безопасности полётов. В-третьих, все рассмотренные дела касаются имущественного злоупотребления; случаев привлечения к ответственности за незаконную выдачу разрешительных документов, угрожавших безопасности полётов, в изученной практике не выявлено.

На основании проведённого исследования можно выделить три группы системных проблем уголовно-правового противодействия злоупотреблениям должностными полномочиями в гражданской авиации.

Проблемы законодательного характера. Действующая редакция ст. 285 УК РФ не содержит специальной нормы, учитывающей повышенную общественную опасность должностных злоупотреблений в области безопасности полётов. Применение универсального состава к деятельности в отрасли повышенной опасности без учёта отраслевой специфики порождает правовую неопределённость. Оценочный характер понятия «существенное нарушение» создаёт широкие возможности для расширительного или ограничительного толкования. Обязательность мотива корыстной или иной личной заинтересованности

является труднодоказуемым условием и фактически освобождает от уголовной ответственности должностных лиц, действующих из ложно понятых корпоративных интересов.

Проблемы правоприменительного характера. Следователи и прокуроры, как правило, не обладают специальными авиационными знаниями. Экспертное сообщество в сфере авиационно-технических экспертиз для нужд уголовного судопроизводства недостаточно развито. Межведомственное взаимодействие между Ространснадзором, Росавиацией и Следственным комитетом РФ носит декларативный характер и не обеспечивает своевременной передачи материалов, имеющих признаки преступления.

Проблемы криминологического характера. Ведомственная закрытость авиационной отрасли и корпоративная солидарность её участников формируют устойчивую культуру сокрытия нарушений. Высокий социальный статус должностных лиц авиационных органов в сочетании с тенденцией к гуманизации наказания по данной категории дел снижает превентивную функцию уголовного права.

Полагаем, для совершенствования законодательства и правоприменительной практики в данной сфере необходимо:

1. Введение специального квалифицированного состава злоупотребления должностными полномочиями в сфере транспортной безопасности. Предлагается дополнить ст. 285 УК РФ частью 4 следующего содержания: «Деяние, предусмотренное частями первой или второй настоящей статьи, совершённое должностным лицом органа государственного регулирования или надзора в области транспортной безопасности и повлёкшее создание реальной угрозы жизни или здоровью граждан либо тяжкие последствия, — наказывается лишением свободы на срок от пяти до двенадцати лет с лишением права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью на срок до пятнадцати лет».

2. Исключение требования о специальном мотиве применительно к злоупотреблениям в сфере безопасности транспорта. Само по себе нарушение должностных обязанностей, создающее угрозу безопасности полётов, является достаточным основанием для уголовной ответственности без доказывания специального мотива. Предлагается в части специального транспортного состава заменить формулу «из корыстной или иной личной заинтересованности» формулой «вопреки интересам безопасности транспорта».

3. Закрепление законодательной дефиниции «существенного нарушения» применительно к авиационной сфере. Предлагается внести изменения в Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 16.10.2009, закрепив следующее разъяснение: «В сфере транспортной безопасности существенным нарушением охраняемых законом интересов признаётся создание реальной угрозы безопасности воздушного движения, а равно причинение ущерба деятельности органов государственного регулирования или надзора в этой сфере, влекущего дезорганизацию надзорной деятельности» [6].

4. Специализация следователей и прокуроров по делам о должностных преступлениях в авиационной сфере. Необходимо организовать специализированную подготовку следователей Следственного комитета РФ и прокуроров надзорных подразделений по вопросам авиационного законодательства, стандартов ИКАО, технической эксплуатации воздушных судов и организации воздушного движения. Целесообразно создать специализированный отдел в центральном аппарате ГУ по расследованию особо важных дел СК РФ по преступлениям в сфере транспортной безопасности.

5. Расширение использования авиационно-технических экспертиз в уголовном судопроизводстве. Предлагается разработать методические рекомендации по назначению и производству авиационно-технических, лётных, авиамедицинских экспертиз по уголовным делам о должностных преступлениях в авиационной сфере и сформировать реестр аттестованных судебных экспертов по авиационной тематике при Министерстве юстиции РФ.

6. Совершенствование координации между авиационными надзорными органами и правоохранительными структурами. Необходимо разработать регламент взаимодействия между Ространснадзором, Росавиацией и Следственным комитетом РФ по вопросам передачи материалов о нарушениях в сфере авиационной безопасности, имеющих признаки уголовного преступления.

Библиографический список:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

2. Об утверждении Положения о Федеральном агентстве воздушного транспорта: постановление Правительства РФ от 30 июля 2004 г. № 396 // Собрание законодательства РФ. — 2004. — № 32. — Ст. 3343.

3. Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере транспорта: постановление Правительства РФ от 30 июля 2004 г. № 398 // Собрание законодательства РФ. — 2004. — № 32. — Ст. 3342.

4. Приложение 13 к Чикагской конвенции «Расследование авиационных происшествий и инцидентов» (12-е изд.). — Монреаль: ИКАО, 2020.

5. Приложение 19 к Чикагской конвенции «Управление безопасностью полётов» (3-е изд.). — Монреаль: ИКАО, 2021.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2009. — № 12.

7. ГАС Российской Федерации «Правосудие». — URL: https://sudrf.ru.

8. Аснис А.Я. Новые служебные преступления: предпосылки криминализации и квалификация: монография. — М.: Universitys Book, 2022. — 210 с.

9. Кибальник А.Г. [и др.] Преступления против государственной власти: учебное пособие для вузов / отв. ред. А.Г. Кибальник. — М.: Юрайт, 2021. — 173 с.

10. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А.В. Бриллиантова. — 3-е изд. — М.: Проспект, 2024. — Т. 2. — 1088 с.

11. Наумов А.В., Кибальник А.Г. (отв. ред.) Уголовное право: в 2 т. Т. 2: Особенная часть: учебник для вузов. — 5-е изд. — М.: Юрайт, 2023. — 499 с.

12. Соктоев З.Б. Причинность и объективная сторона преступления: монография. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. — 256 с.

13. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. — 3-е изд. — М.: Контракт: ИНФРА-М, 2021. — 816 с.

ШАРАПОВ НИКИТА АЛЕКСАНДРОВИЧ – магистрант, Уральский государственный экономический университет, Россия.

К.А. Никитина

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ СЛУЖЕБНОГО ПОДЛОГА

Автором исследуются спорные вопросы квалификации служебного подлога (ст. 292 УК РФ). Рассматривается содержание понятия «официальный документ», признаки субъекта преступления, содержание мотива, а также правила разграничения служебного подлога со смежными составами и квалификации по совокупности. Приведенные в работе выводы основаны на разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ и положениях современной уголовно-правовой доктрины. Автором выделены признаки служебного подлога, сформулированы определения материального и интеллектуального подлога.

Ключевые слова: *служебный подлог, официальный документ, должностное лицо, корыстная заинтересованность.*

Служебный подлог относится к числу наиболее распространённых преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Его общественная опасность обусловлена тем, что официальный документ является носителем юридически значимой информации, на достоверность которой полагаются граждане, организации и само государство. [6, с. 492] Искажение такой информации лицом, наделённым публичными полномочиями, подрывает доверие к институтам власти и нередко выступает «инструментом» совершения иных, более тяжких преступлений – хищений, взяточничества, фальсификации доказательств.

Первостепенно отметим, что согласно ч.1 ст.292 УК РФ служебный подлог – это внесение должностным лицом, а также государственным служащим или муниципальным служащим, не являющимся должностным лицом, в официальные документы заведомо ложных сведений, а равно внесение в указанные документы исправлений, искажающих их действительное содержание, если эти деяния совершены из корыстной или иной личной заинтересованности (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ч.1 ст. 292.1 УК РФ). Часть 2 ст. 292 УК РФ предусматривает ответственность за те же деяния, повлёкшие существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства. [1]

Таким образом, законодатель сконструировал основной состав как формальный: преступление окончено с момента внесения ложных сведений (исправлений) в официальный документ независимо от того, был ли документ впоследствии использован и наступили ли какие-либо последствия. Квалифицированный состав является материальным и требует установления последствий и причинной связи. [7, с. 9] А.Н. Харченко, например, определяет, что «в заголовке рассматриваемого раздела уголовного закона указывается лишь на государственную власть, тогда как отдельные преступления этого раздела (в том числе и служебный подлог) могут посягать как на государственную, так и на муниципальную власть» [9].

Стоит отметить, что наибольшее число квалификационных ошибок связано с установлением предмета посягательства. Уголовный закон не раскрывает понятие «официальный документ», но существенную помощь практике оказало постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2020 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324-327.1 Уголовного кодекса Российской Федерации». [1] Хотя оно посвящено преступлениям против порядка управления, выработанные в нём критерии применимы и к ст.292 УК РФ в силу единства терминологии. Пленум указал, что официальными являются документы, в том числе электронные, которые создаются, выдаются либо заверяются в установленном законом или иным нормативным актом порядке федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления, государственными и муниципальными учреждениями, а также иными организациями, и которые удостоверяют факты, имеющие юридическое значение.

Отсюда можно выделить следующие признаки официального документа как предмета служебного подлога:

– документ исходит от публичного субъекта либо удостоверяется им в установленном порядке;

© К.А. Никитина, 2026.

Научный руководитель: *Дробот Сергей Александрович* – кандидат юридических наук, доцент, Челябинский государственный университет, Россия.

– документ имеет надлежащую форму и реквизиты (подпись, печать, регистрационный номер, электронная подпись);

– документ удостоверяет юридически значимые факты, то есть способен порождать, изменять или прекращать права и обязанности либо освобождать от них;

– документ включён в официальный документооборот. [5, с. 130]

Внесение ложных сведений в документ, не влекущий правовых последствий (служебная записка, черновик, проект приказа, внутренняя переписка), состава ст. 292 УК РФ не образует. Напротив, табель учёта рабочего времени, протокол об административном правонарушении, листок нетрудоспособности, акт приёмки выполненных работ, экзаменационная ведомость, запись в Едином государственном реестре недвижимости – типичные предметы служебного подлога, поскольку они непосредственно порождают права и обязанности. [8, с. 94]

Закон описывает две альтернативные формы деяния. М.М. Алиева определяет их следующим образом: «подлог материальный есть тот, преступное действие которого выражается в умышленном изготовлении ложных документов, переделке их, т.е. в изменении содержания настоящего документа, а также в употреблении заведомо подделанных и переделанных документов, а подлог интеллектуальный отличается от материального отсутствием подделки». [4, с. 282] Отсюда следует, что интеллектуальный подлог – внесение в подлинный по форме документ заведомо ложных сведений. Документ составляется надлежащим лицом в надлежащем порядке, но его содержание не соответствует действительности. Материальный подлог – внесение в уже составленный документ исправлений, искажающих его действительное содержание: подчистки, дописки, замена листов, изменение даты или суммы.

Однако, спорным остаётся вопрос о бездействии – умышленном невнесении в документ сведений, которые должны быть отражены (умолчание о выявленном нарушении в акте проверки). Поскольку диспозиция сформулирована через активные формы («внесение»), господствующая точка зрения относит такое поведение не к подлогу, а при наличии признаков – к злоупотреблению должностными полномочиями (ст.285 УК РФ) либо к халатности. Вместе с тем, если умолчание придаёт документу в целом ложное содержание (например, акт фиксирует «нарушений не выявлено»), налицо внесение ложного сведения, а не бездействие.

Субъект служебного подлога специальный: должностное лицо (примечание 1 к ст.285 УК РФ), а также государственный или муниципальный служащий, не являющийся должностным лицом.

Содержание признаков должностного лица раскрыто в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий». [2] Принципиальное значение для ст.292 УК РФ имеет п.3 постановления, относящий к организационно-распорядительным функциям полномочия по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих юридические последствия. В качестве примеров Пленум прямо называет выдачу медицинским работником листка временной нетрудоспособности, установление работником учреждения медико-социальной экспертизы факта инвалидности, приём экзаменов и выставление оценок членом государственной экзаменационной комиссии. Тем самым разрешён спор о том, является ли врач или преподаватель субъектом должностного преступления: он признаётся должностным лицом в момент и в части совершения юридически значимых действий. Именно для квалификации важно установить, что подложный документ относится к сфере служебной компетенции субъекта.

Служебный подлог совершается только с прямым умыслом: признак заведомости означает, что виновный достоверно знает о несоответствии вносимых сведений действительности. Добросовестное заблуждение, в том числе вызванное небрежной проверкой данных, исключает состав ст.292 УК РФ и при наличии последствий может оцениваться по ст.293 УК РФ. Обязательным признаком является мотив – корыстная или иная личная заинтересованность. [6, с. 495]

Рассмотрим разграничение со смежными составами. В рамках разграничения с подделкой документов, а именно ст.327 УК РФ, нормы соотносятся как специальная (ст. 292) и общая (ст. 327) по признаку субъекта: при совершении подлога надлежащим субъектом в пределах его компетенции применяется только ст.292 УК РФ (ч.3 ст. 17 УК РФ). Совокупность тут возможна лишь при реальной множественности деяний.

Служебный подлог и злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) соотносятся следующим образом: служебный подлог – специальная разновидность злоупотребления, поэтому совокупность исключается, когда подлог исчерпывает содеянное. Если же наряду с подлогом должностное лицо совершает иные действия, составляющие самостоятельное злоупотребление (например, подлог используется для последующего незаконного решения, повлёкшего существенное нарушение прав), содеянное квалифицируется по совокупности ст.292 и ст.285 УК РФ.

Служебный подлог и взяточничество (ст. 290 УК РФ) также важно рассмотреть в соотношении. Совершение должностным лицом за взятку действий (бездействия), образующих самостоятельный со-

став преступления, квалифицируется по совокупности. Служебный подлог, совершённый за вознаграждение, таким образом, влечёт ответственность по ст.290 и ст.292 УК РФ; получение взятки само по себе свидетельствует о корыстном мотиве подлога.

М.М. Алиева определяет специальный подлог как «состав преступления, предусматривающий ответственность за частные случаи этого деяния». [4, с. 284] Ряд норм Особенной части предусматривает ответственность за подлог определённых документов либо в определённой сфере: ст.142 (фальсификация избирательных документов), ст.170 (регистрация заведомо незаконных сделок с недвижимостью), ст.292.1 (незаконная выдача паспорта гражданина РФ), ст.303 (фальсификация доказательств), ст. 305 (вынесение заведомо неправосудного судебного акта). Все они являются специальными по отношению к ст.292 УК РФ, что прямо отражено в диспозиции последней применительно к ст. 292.1. Важно заметить, что при конкуренции применяется специальная норма; совокупность допустима лишь при подлоге различных документов.

Можно выделить следующие выводы по итогам проведенного исследования. Предметом служебного подлога является официальный, в том числе электронный, документ, исходящий от публичного субъекта или удостоверенный им и обладающий юридической значимостью. Критерии, сформулированные в постановлении Пленума № 43, подлежат применению и к ст.292 УК РФ.

Субъектом подлога может быть лишь лицо, уполномоченное составлять, удостоверять или изменять соответствующий документ; подделка документа вне сферы компетенции квалифицируется по ст. 327 УК РФ, однако это правило нуждается в закреплении на уровне разъяснений Пленума. Мотив является обязательным признаком и подлежит доказыванию с учётом критериев п.16 постановления Пленума №19, «ложно понятые интересы службы» корыстной или иной личной заинтересованности не образуют. Служебный подлог является специальной нормой по отношению к ст. 285 и ст. 327 УК РФ и общей – по отношению к ст. 142, 170, 292.1, 303, 305 УК РФ. С хищениями и взяточничеством он образует идеальную либо реальную совокупность.

Представляется целесообразным принятие Пленумом Верховного Суда РФ специального разъяснения по делам о служебном подлоге либо дополнение постановления №19, в котором были бы закреплены понятие официального документа применительно к главе 30 УК РФ, требование о связи предмета подлога с компетенцией субъекта и правила квалификации по совокупности.

Библиографический список:

1.Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954.

2.О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2009 № 19 (ред. от 11.06.2020) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2009. – № 12.

3.О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324–327.1 Уголовного кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.12.2020 № 43 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2021. – № 2.

4.Алиева М. М. Понятие, признаки и виды подлога документов по Уголовному кодексу Российской Федерации // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2010. – № 12. – С. 282-284.

5.Красовская О. Ю., Конина Е. Н. О признаках служебного подлога // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2024. – № 3. – С. 129-135.

6.Маркова А. Ю. Служебный подлог // Теория и практика современной науки. – 2017. – № 5 (23). – С. 492-495.

7.Романова В. В. Служебный подлог : учебное пособие. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. – 56 с.

8.Савенко И. А. Правовая интерпретация служебного подлога как разновидности коррупционной должностной деятельности // Общество и право. – 2014. – № 2 (48). – С. 94-98.

9.Харченко А. Н. Служебный подлог и его специальные разновидности в системе преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (глава 30 УК РФ) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Владивосток, 2012.

НИКИТИНА КСЕНИЯ АНАТОЛЬЕВНА – студент, Челябинский государственный университет, Россия.

К.Н. Арапова

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В статье рассматривается комплекс мер по противодействию коррупции в органах внутренних дел Российской Федерации, анализируется действующая нормативно-правовая база, организационные механизмы и практика применения антикоррупционных средств. Особое внимание уделяется выявлению проблем, препятствующих эффективной реализации антикоррупционной политики в системе МВД России, и формулированию предложений по их решению. На основе анализа Плана МВД России по противодействию коррупции на 2025–2028 годы, криминологических факторов, дисциплинарной и уголовной практики, а также потенциала цифровизации предлагаются конкретные направления совершенствования антикоррупционных мер: усиление превентивных механизмов, развитие цифрового контроля, оптимизация кадровой политики и расширение общественного участия.

Ключевые слова: *коррупция, органы внутренних дел, противодействие коррупции, антикоррупционные меры, конфликт интересов, подразделения собственной безопасности, утрата доверия, цифровизация.*

Коррупция в органах внутренних дел (ОВД) представляет собой одно из наиболее опасных социальных явлений, подрывающих доверие граждан к государственной власти и дискредитирующих правоохранительную систему. Несмотря на последовательное развитие антикоррупционного законодательства и организационных механизмов, практика реализуемых ОВД мероприятий, направленных на профилактику коррупционных преступлений, требует скорейшего совершенствования. Как отмечают исследователи, «защищённость от коррупции органов внутренних дел, которые призваны осуществлять деятельность по борьбе с коррупцией, является первостепенным условием успеха борьбы с коррупцией в обществе». Цель настоящей статьи — проанализировать состояние системы мер противодействия коррупции в ОВД, выявить её ключевые проблемы и предложить конкретные направления совершенствования.

Эффективность антикоррупционных мер напрямую зависит от понимания причин и условий, порождающих коррупционные правонарушения. Анализ научной литературы позволяет выделить несколько групп криминогенных факторов.

1. Социально-экономические факторы включают недостаточное финансирование и материально-техническое обеспечение ОВД, проблемы с обеспечением жильём, уравнительный подход к оплате труда, перегруженность сотрудника и ненормированный рабочий день. Именно эти факторы являются основной причиной высокого уровня тревожности и отчуждённости сотрудников, их социальной и служебной апатии на фоне растущей перегрузки и нехватки квалифицированных кадров.

2. Организационно-управленческие факторы связаны с недостатками в подборе и расстановке кадров, отсутствием системной ротации руководящего состава, неэффективным контролем над работой личного состава, формализмом при проведении профессиональной подготовки, попустительством в отношении сотрудников, подозреваемых в коррупционных деяниях.

3. Правовые факторы обусловлены отставанием правовой базы от реального развития преступности, криминогенностью несовершенства правовых актов, противоречивостью и пробелами в антикоррупционном законодательстве, отсутствием законодательного определения коррупционного преступления.

4. Психологические факторы включают профессиональную деформацию личности сотрудника, при которой человек перестаёт осуждать коррупционное поведение и принимает его в качестве нормы, излишнюю самоуверенность в возможности избежания наказания в силу обладания юридическими знаниями, а также неприятие «духа» антикоррупционного закона.

© К.Н. Арапова, 2026.

Научный руководитель: *Дробот Сергей Александрович* – кандидат юридических наук, доцент, Челябинский государственный университет, Россия.

Отдельно выделяются корпоративные причины — несправедливые управленческие решения руководителей и соблюдение негласно установленных корпоративных правил в подразделениях. Толерантность коллег и руководства к коррупционным проявлениям существенно увеличивает вероятность совершения коррупционных преступлений.

Основным специализированным субъектом антикоррупционной работы внутри ОВД выступают подразделения собственной безопасности, возглавляемые Главным управлением собственной безопасности (ГУСБ) МВД России. ГУСБ реализует меры профилактики в следующих правовых формах: планирование (анализ, оценка, прогнозирование), организация (мониторинг, оперативно-розыскная деятельность, обобщение практики), контроль (ведомственный контроль) и регулирование (разработка проектов нормативных актов). Планом на 2025–2028 годы предусмотрено проведение анализа результатов работы подразделений собственной безопасности по противодействию коррупции, связанной с расходованием бюджетных средств.

Одним из наиболее действенных дисциплинарных инструментов является увольнение в связи с утратой доверия (ст. 82.1 ФЗ № 342). Основания включают непринятие мер по урегулированию конфликта интересов, сокрытие сведений о доходах, участие в коммерческой деятельности. С 2023 г. законодательство ужесточено: даже уволенные по собственному желанию сотрудники могут быть привлечены к ответственности постфактум — прокуратура вправе инициировать проверку в течение шести месяцев и изменить формулировку на «утрату доверия» через суд. Сведения об уволенных вносятся в Реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия, что блокирует возвращение на государственную службу на пять лет [10].

Анализ данных Реестра показывает, что в 2023–2024 гг. в него было внесено 237 записей о сотрудниках ОВД. Наибольшее количество увольнений зафиксировано в подразделениях Госавтоинспекции — 32,9% (78 случаев). Планом МВД на 2025–2028 годы предусмотрен сбор и анализ информации о практике увольнения в связи с утратой доверия (август 2026 и 2028 гг.) [4].

Развитие цифровых технологий открывает новые возможности для противодействия коррупции. Указом Президента РФ от 25 апреля 2022 г. № 232 введена в эксплуатацию государственная информационная система «Посейдон», обеспечивающая информационную поддержку государственных органов в вопросах противодействия коррупции, проверку расходов и доходов лиц, проходящих государственную службу. Система обладает доступом к различным источникам информации, включая социальные сети, служебные документы, официальные базы данных.

Применение цифровых технологий в надзорной деятельности, по зарубежному опыту, позволило сократить число ложных срабатываний на 58%, а выявление коррупционных схем увеличилось на 45%. Использование блокчейн-технологий, электронного правительства, систем больших данных (big data) и искусственного интеллекта способствует повышению прозрачности, минимизации личных контактов должностных лиц с гражданами и автоматизации процесса принятия решений [9].

Вместе с тем цифровизация порождает и новые риски: появление «Е-коррупции», связанной с использованием криптовалют, тёмной паутины и технологически сложных схем маскировки противоправных деяний. Технологический прогресс, способствующий оптимизации государственного управления, параллельно генерирует новые формы коррупционных правонарушений.

Указ Президента РФ от 29 декабря 2022 г. № 968 освободил ряд категорий сотрудников правоохранительных органов, участвующих в специальной военной операции, от обязанности представлять сведения о доходах. Это создаёт особый правовой режим для значительной части сотрудников, что объективно повышает коррупционные риски в силу ослабления внешнего контроля. Понятие «подарки гуманитарного характера» не имеет чётких законодательных критериев, что создаёт возможности для маскировки незаконных вознаграждений.

Предложение: разработать специальный порядок декларирования доходов для сотрудников, участвующих в СВО, обеспечивающий баланс между требованиями безопасности и антикоррупционного контроля. Уточнить понятие «подарки гуманитарного характера» с установлением чётких стоимостных и целевых критериев.

Анализ показывает, что борьба с коррупцией в ОВД не может ограничиваться реакцией на уже совершённые преступления. Необходима система проактивных мероприятий: выделение ключевых точек с повышенной вероятностью коррупционных правонарушений, всесторонняя оценка коррупционных рисков, формирование антикоррупционной идеологии.

В этом случае необходимо внедрить обязательную психолого-педагогическую подготовку руководителей различного звена по профилактике коррупции среди подчинённых, расширить программу антикоррупционного просвещения с использованием цифровых образовательных платформ, систематически публиковать информацию об отказах сотрудников от взяток и предотвращённых преступлениях для формирования положительных ролевых моделей.

В области развития цифрового контроля необходимо расширить внедрение информационно-коммуникационных технологий в деятельность оперативных подразделений полиции: использовать систему «Электронный бюджет» для отслеживания расходования бюджетных средств, применять технологии больших данных для анализа системной коррупционной активности, внедрить блокчейн-системы для обеспечения прозрачности закупок, развировать систему видеофиксации в ключевых точках взаимодействия с гражданами. При этом необходимо учитывать риски обратного эффекта цифровизации и обеспечивать цифровую безопасность информационных систем [8].

Таким образом, система мер по противодействию коррупции в органах внутренних дел Российской Федерации представляет собой сложный и многогранный механизм, требующий комплексного подхода, включающего правовые, психолого-педагогические и административные меры. Созданная нормативно-правовая база, плановый механизм реализации антикоррупционной политики, деятельность подразделений собственной безопасности и развитие цифровых инструментов контроля формируют основу для системной борьбы с коррупцией в ОВД. Вместе с тем, как показывает анализ, одних мер реагирования на уже совершённые правонарушения недостаточно. Приоритет должен отдаваться профилактическим мерам: формированию нетерпимости к коррупционному поведению, антикоррупционному просвещению, социальному обеспечению сотрудников и развитию общественного контроля. Дальнейшее совершенствование должно опираться на баланс между ужесточением ответственности и развитием превентивных механизмов, между внутренним контролем и общественным надзором, между ведомственными интересами и открытостью для граждан.

Ключевые направления совершенствования включают: восстановление и усиление превентивных механизмов финансового контроля, развитие цифровых технологий антикоррупционной деятельности с учётом новых рисков, оптимизацию кадровой политики и системы ротации, повышение социальной защищённости сотрудников, а также расширение участия институтов гражданского общества в антикоррупционной работе. Только такой комплексный подход способен обеспечить реальное снижение уровня коррупции в органах внутренних дел и восстановление доверия граждан к правоохранительной системе.

Библиографический список:

1.Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (в ред. от 28.12.2025).

2.Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации» (в ред. от 04.08.2026).

3.План МВД России по противодействию коррупции на 2025–2028 годы (утв. МВД России 27.12.2024 № 1/16238).

4.Леднев А.С. Актуальные проблемы борьбы с коррупцией в органах внутренних дел // КиберЛенинка. — 2025.

5.Агеев В.Н. Причины возникновения и способы противодействия коррупции в органах внутренних дел в Российской Федерации // NB: Административное право и практика администрирования. — 2024.

6.Симонова Т.А. Борьба с коррупцией в органах внутренних дел // Science online. — 2025.

7.Трансформация коррупционных рисков в правоохранительных органах Российской Федерации в 2024–2025 годах: институциональные и правовые аспекты // APNI. — 2025.

8.Цифровизация как фактор противодействия коррупции // Международный правовой курьер. — 2023.

9.Цифровые технологии и искусственный интеллект как средства профилактики коррупции в контрольной (надзорной) деятельности // Диалог. — 2025.

10.Увольнение в связи с утратой доверия в системе антикоррупционных мер органов внутренних дел // КиберЛенинка. — 2025.

АРАПОВА КРИСТИНА НИКОЛАЕВНА – магистрант, Челябинский государственный университет, Россия.

М.А. Крамаренко

ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ В РОССИИ

В статье рассматриваются основные проблемы института условно-досрочного освобождения в России. Осуществляется анализ существующего законодательства и практики его применения. Разбираются причины неэффективности данного института и предлагаются возможные пути их преодоления. Внимание уделяется как теоретическим аспектам, так и практическим вопросам, связанным с реализацией условно-досрочного освобождения в пенитенциарной системе России.

Ключевые слова: условно-досрочное освобождение, уголовно-исполнительное право, пенитенциарная система, суд, условие, законодательство, проблемы.

Институт условно-досрочного освобождения (УДО) представляет собой один из ключевых механизмов российской пенитенциарной системы, позволяющий сократить срок наказания заключенным, продемонстрировавшим исправление и неукоснительное соблюдение режима. Тем не менее, несмотря на его высокую социальную значимость и реабилитационный потенциал, современная практика применения УДО демонстрирует ряд системных изъянов, которые девальвируют данный правовой институт и ставят под сомнение легитимность судебных решений.

Первостепенной проблемой выступает отсутствие единообразия в правоприменительной практике. Анализ деятельности судов наглядно свидетельствует о том, что по аналогичным делам выносятся диаметрально противоположные вердикты в зависимости от субъекта Российской Федерации. Данная коллизия детерминирована как субъективными факторами — судейским усмотрением и личным восприятием личности осужденного, так и объективными причинами: наличием законодательных лакун и оценочных категорий, допускающих произвольное толкование норм права. В результате формируется порочная практика, при которой правонарушители, совершившие тождественные деяния, наделяются неравными перспективами выхода на свободу, что неизбежно ведет к эрозии доверия граждан к системе правосудия.

Наглядной иллюстрацией подобной региональной диспропорции может служить сопоставление двух дел о кражах. Так, суд Московской области отказал осужденному И. в удовлетворении ходатайства об УДО, мотивировав свое решение тем фактом, что заявитель допустил пропуски занятий по профессиональной подготовке во время отбывания срока. При этом в Санкт-Петербурге ходатайство другого осужденного за аналогичное имущественное преступление было удовлетворено, хотя он также характеризовался зафиксированными случаями нарушения внутреннего распорядка учреждения. Подобный диссонанс в судебной практике прямо указывает на нарушение принципа равенства всех перед законом и закономерный вопрос об истинной беспристрастности и объективности отечественного судопроизводства.

Не менее показательна ситуация с правоприменением УДО в отношении лиц, осужденных за тяжкие корыстные преступления, например, мошенничество в особо крупном размере. В данном контексте наблюдается аналогичный правовой диссонанс: суд Екатеринбурга отклонил ходатайство женщины о досрочном освобождении, невзирая на ее безупречный дисциплинарный анамнез и наличие положительных характеристик из исправительного учреждения. Одновременно с этим в Новосибирске по аналогичной статье Уголовного кодекса РФ было принято положительное решение, хотя инкриминируемый ущерб там был существенно ниже. Подобные кейсы наглядно иллюстрируют доминирование субъективной оценки председательствующего судьи и влияние региональной специфики над формальными критериями закона.

Деконструкция причин такой географической асимметрии позволяет выделить несколько ключевых детерминант:

– Криминогенная обстановка и судебная нагрузка. Регионы с высокой концентрацией преступности зачастую демонстрируют более консервативный подход к УДО. Судебная система в таких субъектах может придерживаться политики повышенной строгости, минимизируя риски повторной криминализации (рецидива) и стремясь снизить общую нагрузку на пенитенциарную систему за счет сокращения

© М.А. Крамаренко, 2026.

числа необоснованных освобождений.

– Социокультурный контекст. Восприятие необходимости гуманизации наказания и реабилитации правонарушителей судьями часто коррелирует с локальными социальными установками. В одних регионах превалирует карательная парадигма («преступник должен отбывать срок полностью»), в то время как в других общество и судейское сообщество более склонны к концепции прощения и социальной адаптации.

– Профессионально-кадровый фактор. Уровень юридической грамотности, стаж работы и специализация судейского корпуса варьируются от региона к региону. Высокий индекс профессионализма способствует глубокому анализу материалов дела и объективному прогнозированию поведения осужденного после освобождения, тогда как дефицит опыта или узость юридического кругозора могут приводить к формализму и шаблонным отказам.

– Фактор медиатизации и общественного резонанса. Решения судов не принимаются в вакууме. Давление со стороны СМИ и общественности, особенно по резонансным делам об экономических преступлениях, вынуждает судебную власть проявлять избыточную осторожность. Опасаясь обвинений в коррупционной ангажированности или неоправданной мягкотелости, суды нередко предпочитают отказать в УДО, перекладывая ответственность за дальнейшую судьбу заключенного на весь оставшийся срок.

– Внутриведомственная политика ФСИН. Административное усмотрение руководства пенитенциарных учреждений остается скрытым, но мощным рычагом влияния. Различия во внутренних стандартах оценки «исправления» и степени риска делают характеристику от администрации колонии ключевым маркером: в зависимости от региона подходы к оценке одного и того же поведения осужденного могут кардинально отличаться, что автоматически предопределяет позицию суда.

Необходимо отметить, что проблема неравномерного применения УДО в разных регионах оказывает негативное воздействие на доверие граждан к правосудию в целом. Если осужденные и их родственники видят, что аналогичные дела решаются неодинаково, это подрывает уверенность в справедливости судебной системы и заставляет усомниться в ее объективности. Для решения данной проблемы необходимо предпринять комплексные меры.

Важным шагом является повышение уровня подготовки судей и сотрудников правоохранительных органов, формирование единой судебной практики через публикацию и разъяснение судебных решений Верховного Суда Российской Федерации. Также стоит рассмотреть возможность введения более четких и детализированных критериев для принятия решений об УДО, чтобы минимизировать субъективный фактор и региональные различия. Ключевым вектором реформирования института УДО должно стать внедрение механизмов независимого гражданского мониторинга за деятельностью судебной системы и пенитенциарных учреждений.

Интеграция правозащитных объединений и общественных наблюдательных комиссий (ОНК) в процесс принятия решений позволит обеспечить транспарентность процедур, а систематический сбор и кросс-региональный анализ статистических данных по предоставлению досрочного освобождения даст возможность выявлять существующие дисбалансы и формировать научно обоснованные рекомендации для их нивелирования.

Фундаментальным изъяном текущей правовой конструкции остается дефицит объективированных критериев оценки степени исправления осужденного. Российское законодательство оперирует этим понятием без предоставления его четкой дефиниции, что вынуждает судейский корпус руководствоваться интуитивными суждениями и личными впечатлениями вместо верифицируемых маркеров. Подобная правовая неопределенность не только нарушает принципы беспристрастности при вынесении отказов в УДО, но и существенно осложняет работу защиты, лишая адвокатов возможности выстраивать аргументацию на твердых правовых основаниях.

Центральным терминологическим пробелом является отсутствие легального определения понятия «исправление». В доктрине права оно трактуется как глубокая личностная трансформация индивида, исключающая рецидив и подтверждающая готовность к законопослушному существованию. Однако ввиду отсутствия нормативной конкретизации суды и административные комиссии в разных субъектах федерации вкладывают в этот термин собственное содержание. Это неизбежно ведет к волюнтаризму в правоприменении и ставит под сомнение соблюдение конституционного принципа равенства всех перед законом и судом.

Существующая судебная практика фактически редуцирует оценку личности заключенного к формальному набору индикаторов: соблюдению внутреннего распорядка, факту трудоустройства внутри учреждения и балансу поощрений со взысканиями. Тем не менее, данные показатели обладают низкой прогностической валидностью. Трудовая активность или участие в самодеятельности нередко носят сугубо инструментальный характер — являются тактическим маневром для формирования положительного имиджа перед комиссией. Аналогичным образом, отсутствие дисциплинарных взысканий может

быть обусловлено не внутренним перерождением, а спецификой административного управления конкретного исправительного центра или отсутствием конфликтных ситуаций с персоналом.

Наконец, существенным препятствием выступает фрагментарность психологической диагностики. Для адекватной оценки готовности человека к ресоциализации необходим глубокий психометрический анализ, однако пенитенциарная система испытывает острый дефицит квалифицированных клинических психологов и материально-технических ресурсов для проведения комплексных исследований. Как следствие, предоставляемые суду психологические характеристики зачастую носят поверхностный, шаблонный характер, что делает невозможным достоверное прогнозирование поведения осужденного после возвращения в социум.

Текущие проблемы правоприменительной практики также связаны с отсутствием единого подхода к оценке факторов, связанных с семейными и социальными связями осуждённого. Судебная практика рассматривает наличие у осуждённого крепких семейных уз и поддерживающего социального окружения как положительный фактор, способствующий ресоциализации. Однако здесь также отсутствуют четкие критерии оценки значимости этих связей и того, каким образом они действительно влияют на поведение осуждённого после освобождения. Без должной проверки и объективных методов оценки, данные о семейных и социальных связях могут быть недостаточно достоверными и адекватно отражающими реальное положение дел.

Отсутствие унифицированных методик и валидированных инструментов для комплексной оценки степени исправления осужденных остается критическим пробелом. В условиях, когда в различных пенитенциарных учреждениях применяются собственные, зачастую противоречащие друг другу подходы к мониторингу поведения, решения об условно-досрочном освобождении базируются на разрозненных факторах. Такая правовая неопределенность создает благоприятную почву для волюнтаризма со стороны судейского корпуса и администрации колоний, что не только провоцирует риски коррупционных проявлений, но и фундаментально подрывает доверие к институту правосудия.

Для повышения качества и транспарентности принимаемых решений необходимо осуществить детальную кодификацию более строгих и однозначных критериев «исправления». В этом контексте целесообразно имплементировать передовой зарубежный опыт, где оценка личности заключенного строится на многокомпонентной матрице, включающей не только формальные дисциплинарные показатели, но и динамику психологических изменений, уровень социальной ответственности и трудовую квалификацию. Требуется разработка единой национальной системы скоринга (оценки), которая бы агрегировала все аспекты личности осужденного и его реальную готовность к реинтеграции в общество.

Одним из ключевых направлений реформы должно стать внедрение углубленных психолого-психиатрических экспертиз, проводимых исключительно независимыми специалистами вне ведомственного подчинения ФСИН. Подобные исследования обязаны выходить за рамки стандартных тестовых методик и включать элементы пролонгированного наблюдения, позволяющего верифицировать подлинность личностных трансформаций и устойчивость мотивации к законопослушному поведению.

Также стратегически важным шагом видится формирование специализированных междисциплинарных комиссий, состоящих из сертифицированных экспертов в области криминологии, психологии и права. Данные структуры должны взять на себя функцию разработки единых стандартов оценки и выступать в роли независимых консультантов для судов и администраций учреждений. Обладая доступом к полному массиву данных — от дисциплинарной истории до социально-экономического профиля связей на воле — такие комиссии смогут обеспечить всесторонний и деперсонализированный анализ каждого ходатайства.

Параллельно с этим сохраняется проблема дефицита системной реабилитационной работы. В идеальной модели институт УДО должен функционировать как катализатор позитивных изменений, предоставляя осужденным ресурсы для успешной постпенитенциарной адаптации. Однако текущая реальность такова, что большинство исправительных учреждений испытывают острую нехватку ресурсов для реализации качественных программ ресоциализации. Как следствие, лица, выходящие на свободу по УДО, часто не обладают необходимыми компетенциями и навыками для жизни в обществе, что напрямую коррелирует с высокими показателями рецидива. Существенным препятствием также выступают административная зарегулированность и отсутствие должной межведомственной синергии внутри уголовно-исполнительной системы.

Вместо обеспечения бесшовного процесса освобождения существующая бюрократическая модель возводит множество искусственных барьеров. Неоправданное затягивание сроков рассмотрения материалов дискредитирует систему в глазах самих осужденных, нивелируя их внутреннюю мотивацию к исправлению и создавая ощущение процессуальной безнадежности.

Нивелирование выявленных дисфункций института условно-досрочного освобождения в Российской Федерации требует реализации комплексной стратегии реформирования, охватывающей как законодательный контур, так и правоприменительную практику.

Первоочередной задачей выступает разработка и нормативное закрепление объективированных критериев оценки исправительного прогресса осужденных. Внедрение стандартизированной матрицы поведенческих индикаторов позволит деперсонализировать процесс принятия судебных решений, минимизируя влияние субъективного усмотрения и обеспечивая соблюдение принципов правовой определенности.

Вторым стратегическим направлением должно стать качественное усиление пенитенциарного вектора ресоциализации. Это предполагает масштабирование доступа контингента к инклюзивным образовательным модулям, программам профессиональной переподготовки и квалифицированной психологической поддержке. Формирование внутри учреждений среды, стимулирующей подлинную личностную трансформацию, является необходимым условием для снижения рисков рецидивной преступности после выхода на свободу.

Третьим компонентом реформы выступает оптимизация административно-процессуальных механизмов УДО. Сокращение избыточных бюрократических процедур, цифровизация документооборота между судами, прокуратурой и ФСИН, а также установление императивных процессуальных сроков рассмотрения ходатайств позволят устранить неоправданные задержки, которые сегодня подрывают мотивацию осужденных к исправлению и снижают общую эффективность системы.

Таким образом, только синергия указанных мер — от внедрения прозрачных алгоритмов оценки до глубокой модернизации реабилитационной инфраструктуры — способна трансформировать институт УДО из формальной процедуры в действенный инструмент социальной реинтеграции. Реализация данного комплексного подхода обеспечит не только повышение эффективности предупреждения повторных преступлений, но и будет способствовать укреплению легитимности российской правовой системы в глазах гражданского общества.

Библиографический список:

1.Алексеев, С.С. Уголовно-исполнительное право России / С.С. Алексеев. – 2-е изд., перер. и доп. – М.: Юристъ, 2023. – 384 с.

2.Белякова, Т.П. Проблемы условно-досрочного освобождения в современной России / Т.П. Белякова // Вестник уголовного права. – 2022. – № 5. – С. 45-52.

3.Бочаров, К.В. Условия и порядок применения условно-досрочного освобождения в Российской Федерации / К.В. Бочаров. – М.: Норма, 2021. – 315 с.

4.Быков, И.В. Анализ практики применения условно-досрочного освобождения в России / И.В. Быков // Журнал российского права. – 2021. – № 7. – С. 88-96.

5.Герасимов, Ю.С. Правовое регулирование условно-досрочного освобождения / Ю.С. Герасимов. – М.: Проспект, 2023. – 276 с.

6.Гриб, А.В. Теория и практика условно-досрочного освобождения / А.В. Гриб // Право и государство. – 2023. – № 15. – С. 58-67.

7.Денисова, М.А. Условно-досрочное освобождение как институт уголовного права / М.А. Денисова. – СПб.: Питер, 2023. – 292 с.

8.Добрынин, П.В. Применение института условно-досрочного освобождения в российской практике / П.В. Добрынин // Вестник права. – 2020. – № 10. – С. 112-120.

9.Журавлёв, С.А. Критерии оценки поведения осуждённых при решении вопроса об УДО / С.А. Журавлёв // Российский судья. – 2021. – № 6. – С. 22-30.

10.Иванов, Д.М. Роль реабилитации в системе условно-досрочного освобождения / Д.М. Иванов. – М.: Госюриздат, 2019. – 209 с.

КРАМАРЕНКО МАКСИМ АНДРЕЕВИЧ – магистрант, Университет «Синергия», Россия.

М.В. Рубан

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ОРГАНАМИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье рассматривается состояние цифровой трансформации прокурорского надзора за органами предварительного расследования в условиях принятия новой Концепции цифровой трансформации органов прокуратуры до 2030 года. Анализируются ключевые проблемы, препятствующие переходу к высокотехнологичному надзору: отсутствие единой межведомственной цифровой платформы, неразвитость нормативной базы УПК РФ, ведомственная разобщённость информационных систем. На основе сравнительно-правового анализа опыта Республики Казахстан, где более 94% уголовных дел ведутся в электронном формате, обосновывается необходимость законодательного закрепления электронного уголовного дела и электронных доказательств в российском уголовно-процессуальном законодательстве. Сформулированы конкретные предложения по изменению статей 37 и 164 УПК РФ, закрепляющие допустимость использования систем искусственного интеллекта надзирающим прокурором при сохранении обязательного человеческого контроля. Выявлены риски цифровизации, включая угрозу конфиденциальности данных и проблему «чёрного ящика» алгоритмов.

Ключевые слова: *прокурорский надзор, цифровая трансформация, предварительное расследование, электронное уголовное дело, искусственный интеллект, ГАС «Прокуратура-Система», АИК «Надзор-WEB», электронные доказательства.*

Цифровая трансформация правоохранительных органов — одна из наиболее значимых тенденций развития современного российского уголовного процесса. Прокурорский надзор за органами предварительного расследования, будучи ключевым механизмом обеспечения законности в досудебном производстве, не может оставаться в стороне от этого процесса. Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 11 сентября 2025 года № 621 утверждена новая Концепция цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2030 года (взамен ранее действовавшей Концепции, утверждённой Приказом от 14.09.2017 № 627) [1]. В соответствии с Концепцией приоритетным направлением остаётся высокотехнологичный надзор — формирование единой безопасной цифровой платформы для обеспечения электронного взаимодействия органов прокуратуры всех уровней между собой и с другими государственными органами. Однако, как показывает анализ правоприменительной практики, переход к цифровому формату надзора сталкивается с комплексом нерешённых проблем нормативного, организационного и технического характера.

Нормативная база цифровой трансформации прокуратуры: от Концепции 2017 г. к Концепции 2025 г. Предыдущая Концепция цифровой трансформации, утверждённая Приказом Генерального прокурора РФ от 14.09.2017 № 627, предусматривала создание единой цифровой платформы электронного взаимодействия органов прокуратуры с правоохранительными органами. За период её действия были созданы единая защищённая сеть передачи данных органов прокуратуры, внедрена ведомственная электронная почта, IP-телефония и средства видеоконференцсвязи, а также обеспечена работа ФГИС «Единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий» [2]. Тем не менее единая цифровая платформа электронного взаимодействия так и не была создана, что признаётся и в тексте новой Концепции.

Новая Концепция, утверждённая Приказом № 621, сохраняет курс на высокотехнологичный надзор и определяет четыре ключевых направления цифровой трансформации: 1) высокотехнологичный надзор; 2) цифровая инфраструктура; 3) среда доверия; 4) обеспечение информационной безопасности [1]. При этом Концепция прямо признаёт наличие нерешённых проблем: ведомственная разобщённость информационных систем, недостаточное использование технологий больших данных и искусственного интеллекта, низкий уровень цифровых компетенций сотрудников [1].

© М.В. Рубан, 2026.

Важно отметить, что Концепция носит ведомственный характер и не изменяет нормы уголовно-процессуального законодательства. Между тем именно УПК РФ определяет процессуальную форму деятельности прокурора по надзору за предварительным расследованием, и без соответствующих изменений в УПК РФ реализация многих положений Концепции встретит непреодолимые правовые препятствия.

Текущее состояние цифровизации надзора за предварительным расследованием. На сегодняшний день в органах прокуратуры эксплуатируется несколько информационных систем, обеспечивающих надзорную деятельность. Ключевыми среди них являются автоматизированный информационный комплекс «Надзор-WEB» (АИК «Надзор-WEB») и Государственная автоматизированная система правовой статистики (ГАС «Прокуратура-Система», ранее — ГАС ПС).

АИК «Надзор-WEB» предназначен для автоматизации делопроизводственной и надзорной деятельности органов прокуратуры. В системе зарегистрировано более 109,6 млн регистрационных карточек, 6,2 млн надзорных (наблюдательных) производств, создано 55,5 тыс. учётных записей. Среднее число одновременно работающих пользователей составляет около 21 тыс. работников [3]. Комплекс обеспечивает юридически значимый электронный документооборот, интеграцию с системой межведомственного электронного документооборота (МЭДО), что позволяет прокурорам обмениваться электронными документами с иными ведомствами. Однако АИК «Надзор-WEB» находится в стадии опытной эксплуатации — полноценный промышленный запуск до сих пор не осуществлён [1].

ГАС «Прокуратура-Система» разрабатывается с 2012 года с целью единого государственного статистического учёта данных о состоянии преступности, а также о сообщениях о преступлениях, следственной работе, дознании и прокурорском надзоре [4]. С 1 января 2025 года возобновлена опытная эксплуатация модуля «Учёт работы прокуроров». Однако полноценный ввод системы перенесён на 1 января 2027 года. В настоящее время программное обеспечение позволяет лишь формировать статистическую отчётность в автоматическом режиме, но не обеспечивает полноценное взаимодействие с правоохранительными органами [5]. Как справедливо отмечает В. Потапова, в существующем виде система создаёт дополнительную нагрузку на органы предварительного расследования, поскольку необходимо вести параллельно бумажный и электронный документооборот [5].

Таким образом, органы прокуратуры находятся на «переходном» этапе, где элементы цифровизации сосуществуют с традиционными бумажными методами. Системы АИК «Надзор-WEB» и ГАС «Прокуратура-Система» разрозненны и обособлены, что усложняет их интеграцию между собой [6]. Прокурор не имеет постоянного доступа к материалам уголовного дела в режиме реального времени — он получает копии процессуальных решений на бумажных носителях в порядке ч. 4 ст. 146, п. 4 ст. 148, ч. 2 ст. 208, ч. 3 ст. 211 УПК РФ. Это исключает возможность непрерывного, онлайн-надзора за ходом расследования.

Сравнительно-правовой анализ: опыт Республики Казахстан. Опыт Республики Казахстан представляет особый интерес для российской правовой системы, учитывая сходство правовых традиций и поэтапный подход к реформированию уголовного процесса. С 2018 года в Казахстане функционирует информационная система «Единый реестр досудебных расследований» (ЕС ЕРДР), которая объединяет функции по регистрации сообщений о преступлении, ведению расследования уголовных дел преимущественно в электронном виде, осуществлению прокурорского надзора за ходом расследования и направлению дел в суд [7].

По состоянию на 2023 год доля уголовных дел, расследуемых в электронном формате, составила 94% (114 656 из 121 751), хотя в начале 2018 года этот показатель не превышал 5% [8]. Переход на «безбумажные» технологии обеспечил прозрачность судопроизводства, снизил коррупные риски, позволил сократить сроки расследования и повысить качество надзора.

Ключевым преимуществом системы ЕС ЕРДР является обеспечение постоянства прокурорского надзора в онлайн-формате. Надзирающий прокурор имеет возможность ознакомления с материалами уголовного дела в любое время, что гарантирует своевременное выявление нарушений законов и сроков расследования [9]. Процессуальные решения должностных лиц оформляются посредством создания соответствующего электронного документа, подписанного электронной цифровой подписью. Корректировка процессуальных документов и сведений электронного уголовного дела после их подписания невозможна, что исключает фальсификацию и проведение следственных действий «задним числом» [8].

С 31 декабря 2020 года в Казахстане введено электронное согласование прокурором ключевых процессуальных решений, принимаемых органами досудебного расследования: о признании подозреваемым, определении квалификации деяния, прекращении дела, обвинительном акте [10]. Эти решения считаются незаконными без согласования прокурором в системе ЕС ЕРДР. Прокурор включается в процесс не перед поступлением дела к нему, а с самого начала, что качественно меняет характер надзора — от последующего контроля к сопровождению расследования.

Для участников уголовного процесса реализован модуль «Публичный сектор», через который адвокаты, подозреваемые и потерпевшие получают онлайн-доступ к материалам электронных уголовных дел. Участники могут не только ознакомиться с процессуальными документами, но и подать ходатайства и получить на них ответы в электронном виде [8]. Это обеспечивает реальное равенство сторон и состязательность в цифровом формате.

Пробелы в уголовно-процессуальном законодательстве. Анализ норм УПК РФ показывает, что уголовно-процессуальное законодательство значительно отстаёт от темпов цифровизации правоохранительной деятельности. Можно выделить несколько ключевых пробелов.

Во-первых, в УПК РФ отсутствует легальное определение «электронного уголовного дела». Термин «уголовное дело» используется в Кодексе 1598 раз, но не получает легального толкования [11]. Не закреплено понятие электронного уголовного дела, хотя отдельные нормы допускают использование электронных документов: ст. 474 УПК РФ предусматривает составление процессуальных документов электронным способом, ст. 474.1 регулирует использование электронных документов в судебном производстве, ст. 166 допускает приложение информации на электронных носителях к протоколу следственного действия [12]. Однако эти нормы носят фрагментарный характер и не образуют целостной системы электронного документооборота в уголовном процессе.

Во-вторых, в УПК РФ отсутствует понятие «электронное доказательство». Часть 1 ст. 74 УПК РФ определяет доказательства как «любые сведения», не ограничивая форму их представления, что создаёт правовые предпосылки для использования электронных данных. Однако ч. 2 ст. 74 УПК РФ содержит исчерпывающий перечень источников доказательств, в котором электронные данные не выделены [13]. Часть 2 ст. 84 УПК РФ, допускающая в качестве «иных документов» материалы фото- и киносъёмки, аудио- и видеозаписи, недостаточна для системного регулирования электронных доказательств. Отсутствие легального определения «электронное доказательство» консервирует устаревшие методы, заставляя правоохранительные органы переводить цифровую информацию в бумажную форму [13].

В-третьих, УПК РФ не содержит норм о допустимости использования систем искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве. Отдельные нормы допускают применение технических средств при производстве следственных действий (ч. 6 ст. 164 УПК РФ), но не регулируют использование алгоритмов автоматизированного анализа данных. В результате внедрение ИИ-систем в надзорную деятельность прокурора не имеет процессуальной основы, что порождает риски признания полученных с их использованием результатов недопустимыми доказательствами [14].

В-четвёртых, не урегулирован порядок электронного взаимодействия прокурора с органами предварительного расследования. УПК РФ предусматривает получение прокурором копий ряда процессуальных решений (ч. 4 ст. 146, п. 4 ст. 148, ч. 2 ст. 208, ч. 3 ст. 211, ч. 3 ст. 92 УПК РФ), но не определяет форму их направления. На практике копии передаются на бумажных носителях, что значительно увеличивает сроки реагирования прокурора на выявленные нарушения [15]. Отсутствие нормы о допустимости электронного направления и согласования процессуальных решений с прокурором через единую цифровую платформу тормозит цифровизацию надзора.

Предложения по совершенствованию законодательства. На основание проведённого анализа и с учётом опыта Республики Казахстан представляется целесообразным внести следующие изменения в уголовно-процессуальное законодательство.

1. Дополнить статью 5 УПК РФ определением: «электронное уголовное дело — совокупность процессуальных документов и материалов, сформированных и хранящихся в электронной форме в единой государственной информационной системе, подписанных усиленной квалифицированной электронной подписью должностными лицами, осуществляющими производство по уголовному делу». Данное определение создаст правовую основу для перехода к электронному формату ведения уголовных дел.

2. Дополнить статью 5 УПК РФ определением: «электронное доказательство — юридически значимая информация, зафиксированная электронными средствами или представленная в электронной форме с соблюдением уголовно-процессуальных требований, предъявляемых к доказательствам». Дополнить ч. 2 ст. 74 УПК РФ пунктом, включающим электронные доказательства в перечень источников доказательств [13].

3. Дополнить часть 6 статьи 164 УПК РФ положением следующего содержания: «При производстве следственных действий могут применяться технические средства и способы обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств, а также системы искусственного интеллекта для автоматизированного анализа доказательств и контроля процессуальных сроков. Перед началом следственного действия следователь предупреждает лиц, участвующих в следственном действии, о применении технических средств и систем искусственного интеллекта. Решения, принятые с использованием искусственного интеллекта, носят рекомендательный характер и подлежат обязательной оценке должностным лицом, ведущим производство по уголовному делу» [14].

4. Дополнить пункт 3 части 2 статьи 37 УПК РФ положением о праве прокурора использовать системы искусственного интеллекта для анализа фактических обстоятельств дела и их соотнесения с признаками составов преступлений при решении вопросов квалификации деяний. При этом необходимо прямо закрепить, что результаты работы системы искусственного интеллекта носят вспомогательный характер и не подменяют внутреннее убеждение прокурора [14].

5. Ввести в УПК РФ норму, регулирующую направление копий процессуальных решений и их согласование прокурором в электронном виде через единую государственную информационную систему. Целесообразно дополнить ч. 4 ст. 146 УПК РФ положением о том, что копия постановления о возбуждении уголовного дела может быть направлена прокурору в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью следователя или дознавателя. Аналогичные нормы следует ввести в ст. 148, 208, 211 УПК РФ.

6. Ввести в УПК РФ главу, регулирующую особенности производства по уголовному делу в электронном формате, включая порядок ведения электронного уголовного дела, обеспечения доступа участников процесса к материалам дела в электронной форме, порядок электронного согласования процессуальных решений с прокурором и руководителем следственного органа, а также гарантии защиты персональных данных и информации ограниченного доступа.

Риски цифровизации и гарантии прав участников уголовного процесса. Внедрение цифровых технологий в прокурорский надзор сопряжено с рядом правовых и этических рисков, требующих взвешенного подхода. Первый риск — проблема «чёрного ящика» алгоритмов искусственного интеллекта. Многие системы ИИ работают непрозрачно: невозможно отследить логику, по которой алгоритм пришёл к тому или иному выводу [16]. В уголовном процессе, где цена ошибки особенно высока, непрозрачность алгоритма может привести к признанию доказательств недопустимыми. Не случайно Конституционный Суд РФ последовательно отстаивает позицию, согласно которой наделение ИИ правосубъектностью создаёт пробелы в праве и позволяет виновному уйти от ответственности [17].

Второй риск — угроза конфиденциальности и защиты персональных данных. Обработка больших объёмов данных требует строгого соблюдения норм конфиденциальности. Использование общедоступных нейросетей, особенно локализованных за пределами Российской Федерации, чревато потерей чувствительных данных [14]. Органы прокуратуры работают с информацией ограниченного доступа: персональными данными граждан, материалами уголовных дел, государственной тайной. Требуется разработка отечественных, полностью изолированных программных комплексов, что сопряжено со значительными бюджетными затратами.

Третий риск — дегуманизация правосудия. Машина не способна оценить искреннее раскаяние подсудимого, учесть нюансы, оценка которых требует человеческого суждения и эмпатии [17]. Бывший Генеральный прокурор РФ И. В. Краснов справедливо отметил, что «никакой искусственный интеллект не заменит прокурора с его профессиональным чутьём и навыками, преданностью своей стране и внимательным отношением к людям» [18]. Оценка доказательств, внутреннее убеждение прокурора и понимание принципов социальной справедливости недоступны алгоритму.

Четвёртый риск — нарушение принципа состязательности при цифровизации. Если сторона обвинения получает доступ к цифровым инструментам, а сторона защиты — нет, возникает асимметрия прав, подрывающая баланс состязательности. Как отмечается в доктрине, переход на электронное уголовное дело должен сопровождаться предоставлением стороне защиты возможности в автономном режиме приобщать полученные доказательства в электронном виде, используя единую цифровую площадку [19]. Опыт Казахстана с модулем «Публичный сектор» демонстрирует жизнеспособность такого подхода.

Для минимизации указанных рисков необходимо соблюдать принцип обязательного человеческого контроля на каждом этапе работы системы ИИ. Анализ международного опыта показывает, что отечественная прокуратура ориентируется в большей степени на европейскую модель вспомогательного применения ИИ при сохранении человеческого контроля, в отличие от азиатского подхода, предусматривающего более широкую автоматизацию [14]. Представляется, что для России, с учётом конституционных гарантий прав личности в уголовном процессе, оптимальным является именно европейский подход с элементами азиатской модели в части обеспечения неизменяемости процессуальных данных.

Цифровая трансформация прокурорского надзора за органами предварительного расследования — не краткосрочный тренд, а магистральное направление развития правоохранительной системы. Принятие новой Концепции цифровой трансформации органов прокуратуры до 2030 года создаёт организационно-управленческую основу для перехода к высокотехнологичному надзору. Однако без соответствующих изменений в уголовно-процессуальном законодательстве реализация Концепции будет носить фрагментарный, ведомственный характер.

Опыт Республики Казахстан, где более 94% уголовных дел ведутся в электронном формате, а прокурорский надзор осуществляется в режиме реального времени, доказывает практическую осуществимость и эффективность цифрового формата уголовного судопроизводства. Российскому законодателю

предстоит решить комплекс задач: закрепить понятие электронного уголовного дела и электронных доказательств, легализовать использование систем искусственного интеллекта при сохранении обязательного человеческого контроля, обеспечить равный доступ сторон к цифровым инструментам.

Предлагаемые изменения статей 5, 37, 74, 146, 148, 164, 208, 211 УПК РФ, а также введение специальной главы об особенностях производства по уголовному делу в электронном формате создадут процессуальную основу для полноценной цифровой трансформации прокурорского надзора. При этом важно соблюдать баланс между повышением эффективности надзорной деятельности и защитой прав участников уголовного процесса: цифровизация не должна сокращать процессуальные гарантии, а напротив, должна усиливать чувство защищённости участников судопроизводства.

Библиографический список:

1. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 11.09.2025 № 621 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2030 года, а также о внесении изменений в отдельные организационно-распорядительные документы Генерального прокурора Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 14.09.2017 № 627 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года» (утратил силу с 01.01.2026) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Цифровые технологии в прокурорской деятельности / под общ. ред. В. В. Малахова. — М.: Юрайт, 2024. — 312 с.

4. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (ст. 51) // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 47. — Ст. 4472.

5. Прокудина Е. В. Цифровая трансформация органов и организаций прокуратуры Российской Федерации в сфере уголовного судопроизводства: проблемы и пути их решения // Актуальные проблемы экономики и права. — 2025. — Т. 19. — № 4. — С. 115–126.

6. Хабибулина А. Р. Цифровизация прокурорско-надзорной деятельности в досудебном производстве // Евразийский юридический журнал. — 2024. — № 8. — С. 102–106.

7. Об утверждении Правил приёма и регистрации заявления, сообщения или рапорта об уголовном правонарушении, а также ведения Единого реестра досудебных расследований: Приказ Генерального Прокурора Республики Казахстан от 19.09.2014 № 89 // ИПС «Әділет».

8. Цифровые проекты Генеральной прокуратуры Республики Казахстан // Казахстанская правда. — 2023. — 29 авг. — URL: https://kazpravda.kz.

9. Шульгин Е. А. Электронное уголовное дело: опыт Республики Казахстан и перспективы применения в России // Российский юридический журнал. — 2022. — № 5. — С. 88–95.

10. Андриашвили В. Г. Трёхзвенная модель уголовного процесса Республики Казахстан: прокурорский надзор в условиях цифровизации // Прокурорская и следственная работа. — 2024. — № 3. — С. 27–35.

11. Конин В. В. К вопросу о понятии «уголовное дело» в уголовно-процессуальном праве // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Экономика и право. — 2021. — Т. 31. — Вып. 4. — С. 615–622.

12. Масленникова Л. Н. Правовое регулирование электронных документов в сфере уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — № 12. — С. 120–130.

13. Яровая А. А. Электронные доказательства в уголовном процессе: проблемы определения и правового регулирования // Дневник науки. — 2025. — № 10. — С. 14–22.

14. Папышева Е. С. Перспективы использования искусственного интеллекта в прокурорском надзоре за исполнением законов органами предварительного расследования // Евразийский юридический журнал. — 2025. — № 11. — С. 112–119.

15. Симонов Н. С. Цифровизация деятельности прокурора на досудебных стадиях уголовного процесса // Российская юстиция. — 2025. — № 1. — С. 28–34.

16. Матвеев Е. В. Внедрение систем искусственного интеллекта в деятельность органов прокуратуры: перспективы и правовые риски // Молодой учёный. — 2025. — № 6. — С. 45–49.

17. Дронов В. Н. Искусственный интеллект в уголовном праве и процессе: риски и границы применения // Уголовное право. — 2024. — № 6. — С. 52–60.

18. Краснов И. В. Выступление на совещании по вопросам цифровизации прокурорской деятельности. — М.: Генеральная прокуратура РФ, 2024.

19. Багмет А. М., Никитина Е. В. Сторона защиты в цифровом уголовном процессе: процессуальные роли и взаимодействие // Правопорядок: история, теория, практика. — 2026. — № 1. — С. 120–124.

РУБАН МАКСИМ ВАЛЕРЬЕВИЧ – магистрант, Байкальский государственный университет, Россия.

М.Е. Меньщиков

ВОЗМОЖНОСТЬ ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ СТАТЕЙ 137 И 138 УК РФ В СВЯЗИ СО СЛОЖНОСТЬЮ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В статье рассматривается вопрос возможности декриминализации статей уголовного законодательства РФ. Рассмотрена судебная статистика по рассматриваемым статьям, что свидетельствует о малом количестве дел, в связи со сложностью в доказывании и собирании доказательной базы. Предложена декриминализация статей 137 и 138 УК РФ.

Ключевые слова: *Уголовное право, перспектива, декриминализация, персональные данные, личные сведения.*

В условиях цифровизации каждая отрасль претерпевает существенные перемены. Информационные технологии открывают перед российским социумом массу перспектив, однако одновременно с этим создают и новые угрозы, вызовы в сфере цифровой безопасности, а также влекут ответственность за игнорирование установленных правил. Вопросы информационной защищенности сегодня как никогда актуальны. Причина кроется в двойственной природе информации: она может быть полезна, но в то же время таит риск утечки и бесконтрольного распространения.

Ключевым фактором здесь выступают цели использования данных, которые задаются обществом. Эти цели могут быть направлены как на благо человечества, так и на установление тотального контроля или ведение информационного противостояния. Ранее национальная безопасность ассоциировалась главным образом с защитой суверенитета и целостности границ государства, а также с его устойчивостью к военной угрозе со стороны других стран.

В современных реалиях это понятие расширилось: теперь оно охватывает не только сохранение суверенитета, но и защиту интересов общества и отдельного человека.

В Определении Конституционного Суда РФ от 09.06.2005 № 248-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом «б» части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» указано: право на неприкосновенность частной жизни (ч. 1 ст. 23 Конституции РФ) означает предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера. [3]

Таким образом, понятие «частная жизнь» включена область жизнедеятельности каждого человека, которая относиться к нему индивидуально и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если она не имеет непротивоправный характер.

В период развития цифровых технологий и разных мировоззрений у молодежи широко стал развиваться буллинг [5]. Буллинг же представляет собой проявление агрессии, в том числе физическое насилие, унижение, издевательства в отношении обучающегося образовательной организации со стороны других обучающихся и/или учителей. Одна из современных разновидностей в мире цифровых технологий это кибербуллинг, которая выражается, как травля, издевательство, носящие систематический характер, с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Кибербуллинг имеет различные формы, которые отличаются друг от друга:

- исключение, когда человека не принимают в коллектив либо группу закрытого интернет-пространства, например, такими могут выступать чаты, форумы, сообщества в социальных сетях;
- флейминг, что означает «спор ради спора», где присутствуют все методы сетевого общения: чаты, форумы и социальные сети. Суть заключается в разногласиях, спорах и дискуссиях, что в дальнейшем переходит на личности. К флеймингу относятся жесткие высказывания, непонятные шутки, критика умственных способностей собеседника, а также оскорбления и унижения;
- харассмент, что означает «раздражать или расстраивать кого-либо». Данный вид характеризуется регулярными оскорблениями и гневными сообщениями, которые адресуются конкретному человеку. Харассмент основывается на предвзятости к национальности, полу, возрасту и вероисповеданию. [6]

© М.Е. Меньщиков, 2026.

Научный руководитель: *Бахтеева Елена Ивановна* – кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой «Публичного права», Уральский государственный экономический университет, Россия.

Кибербуллинг, сопровождающийся взломом принадлежащих потерпевшему электронной почты, аккаунтов в социальных сетях, после чего происходит распространение с целью публичного унижения потерпевшего материалов личного, в т.ч. интимного, характера. Данные действия могут квалифицироваться и преследоваться по ст. 138 УК РФ.

В целом, ответственность за нарушение частной жизни Уголовным кодексом Российской Федерации установлена статьями 137 и 138, т.е. нарушение неприкосновенности частной жизни и нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений. [4]

Хотя УК РФ предусматривает ответственность за преступления, совершенные с использованием сети Интернет и (или) информационных технологий, в сфере экономической деятельности [1], которая в современных условиях наиболее подвержена технологической трансформации [2], только восемь составов содержат указание на данный способ совершения деяния.

Предметом рассматриваемого преступления выступают сведения, относящиеся к частной жизни гражданина и образующие его личную либо семейную тайну. В роли носителей подобной информации могут фигурировать документы, предметы, данные на магнитных носителях, корреспонденция, телефонные переговоры, прочие сообщения, а равно и сам человек.

Согласно герменевтическому толкованию закона, основополагающее требование к указанным носителям состоит в том, что они должны заключать в себе информацию, формирующую личную или семейную тайну лица. Речь идет о данных, которые субъективно воспринимаются человеком как скрытые от посторонних, касаются его самого, его общественных связей и окружения и прежде не предавались огласке. При этом такие сведения могут носить как порочащий, так и не порочащий характер.

Согласно Судебной статистике Российской Федерации по уголовным статьям 137 и 138 составов за период с 2021 по 2024 гг., размещенной на сайте https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17, осуждено (чел.):

	ст. 137 УК РФ	ст. 138 УК РФ
2021	235	62
2022	265	78
2023	240	51
2024	249	31

Данная статистика свидетельствует о небольшом количестве дел по данным статьям, ввиду имеющихся сложностей в доказывании и собирании доказательной базы по указанным статьям. Сложность в собирании доказательной базы состоит в том, что объективной стороной составов преступления является в получении, включая собирание и распространение. сведений незаконным способом. Исходя из анализа правоприменения и затруднения в собирании и доказывании состава преступления стоит рассмотреть вопрос о возможности декриминализации статей 137 и 138 УК РФ.

Библиографический список:

1. Экономическая безопасность (уголовно-правовые механизмы обеспечения): Монография / Отв. ред. И.И. Кучеров, О.А. Зайцев, С.Л. Нудель. М., 2021. С. 16; Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные средства обеспечения экономической безопасности: Монография / Отв. ред. О.А. Зайцев, С.Л. Нудель. М., 2022. С. 17 - 25; Уголовный закон и экономическая деятельность (соотношение частных и публичных интересов): Научно-практическое пособие / В.Ю. Артемов, Н.А. Голованова, А.А. Гравина и др.; отв. ред. И.И. Кучеров, О.А. Зайцев, С.Л. Нудель. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2022.

2. Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования: Научно-практическое пособие / Под ред. И.И. Кучерова, С.А. Синицына.

3. Сперанская Л.В. Право на неприкосновенность частной жизни // СПС КонсультантПлюс. 2026

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.

5. Распоряжение Минпросвещения России от 25.12.2019 № Р-145 «Об утверждении методологии (целевой модели) наставничества обучающихся для организаций, осуществляющих образовательную деятельность по общеобразовательным, дополнительным общеобразовательным и программам среднего профессионального образования, в том числе с применением лучших практик обмена опытом между обучающимися» // Официальные документы в образовании, № 5, февраль, 2020.

6. Гусев А.Ю. Ответственность за травлю (буллинг) // СПС КонсультантПлюс. 2026 // Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2026.

МЕНЬЩИКОВ МИХАИЛ ЕВГЕНЬЕВИЧ – магистрант, Уральский государственный экономический университет, Россия.

Н.Г. Боякова

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА БЮДЖЕТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК РАБОТОДАТЕЛЕЙ: СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ ТРУДОВЫХ ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ

В статье исследуются особенности правового статуса бюджетных учреждений в качестве работодателей. Раскрывается влияние их некоммерческой природы, режима оперативного управления имуществом и бюджетного финансирования на реализацию классических прав и обязанностей работодателя. Особое внимание уделено специфике регулирования оплаты труда, заключения и изменения условий трудовых договоров, а также ограничениям, обусловленным контролем со стороны учредителя. На примерах судебной практики показаны типичные правовые конфликты и подходы к их разрешению.

Ключевые слова: *бюджетное учреждение, работодатель, правовой статус, оплата труда, эффективный контракт, оперативное управление, учредитель.*

Бюджетные учреждения занимают значительную долю в структуре российской экономики труда: они функционируют в сферах образования, здравоохранения, культуры, науки и иных социально значимых отраслях. Будучи некоммерческими организациями, созданными для выполнения государственных и муниципальных функций, бюджетные учреждения обладают особым правовым статусом, который неизбежно отражается на их роли как работодателей.

Актуальность темы обусловлена сочетанием классических норм трудового права и специальных ограничений, вытекающих из гражданского, бюджетного и отраслевого законодательства. Эти ограничения влияют на автономию учреждения в кадровых вопросах, формирование фонда оплаты труда, принятие локальных нормативных актов и совершение сделок, затрагивающих условия труда.

Цель статьи — выявить и систематизировать особенности правового статуса бюджетных организаций как работодателей, показать взаимосвязь норм трудового, гражданского и бюджетного права и продемонстрировать их практическое значение через анализ судебной практики.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический метод, сравнительно-правовой анализ и анализ правоприменительной практики.

Правовая природа бюджетного учреждения и её влияние на статус работодателя. Согласно ст. 9.2 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», бюджетное учреждение — это некоммерческая организация, созданная Российской Федерацией, субъектом РФ или муниципальным образованием для выполнения работ, оказания услуг в целях реализации полномочий органов государственной власти или местного самоуправления в установленных сферах (образование, здравоохранение, культура и др.).

Ключевое отличие бюджетного учреждения от иных работодателей — его некоммерческая природа и публичная цель деятельности. Это означает, что трудовые отношения в таких организациях направлены не на извлечение прибыли, а на выполнение государственного (муниципального) задания. Такая цель предопределяет ряд особенностей:

- **Ограниченная автономия в кадровой политике.** Решения по найму, оплате труда и изменению условий труда зачастую принимаются с учётом позиции учредителя и в рамках утверждённых лимитов бюджетных обязательств.
- **Финансирование за счёт субсидий.** Фонд оплаты труда формируется в пределах субсидий на выполнение государственного задания и средств от приносящей доход деятельности, что накладывает жёсткие финансовые рамки.
- **Режим оперативного управления имуществом.** Имущество закрепляется за учреждением на праве оперативного управления (ст. 296 ГК РФ), а распоряжение особо ценным движимым и недвижимым имуществом возможно только с согласия собственника. Это влияет на способность работодателя обеспечивать надлежащие условия труда (например, обновлять оборудование, проводить ремонт).

Таким образом, статус бюджетного учреждения как работодателя нельзя рассматривать изолированно от его гражданско-правового и бюджетного статуса.

© Н.Г. Боякова, 2026.

Специфика реализации прав и обязанностей работодателя

Заключение и изменение трудового договора

При заключении трудового договора бюджетное учреждение обязано учитывать специфику своей деятельности. В частности, в трудовом договоре могут быть отражены обязанности, связанные с выполнением государственного задания, а также особенности оплаты труда, установленные нормативными актами учредителя.

Особое распространение получила практика внедрения «эффективного контракта» — трудового договора, в котором конкретизированы показатели и критерии оценки эффективности деятельности работника. Переход на эффективный контракт сопровождается изменением условий труда, что требует соблюдения процедуры уведомления работников не менее чем за два месяца (ст. 74 ТК РФ). Судебная практика подтверждает, что одностороннее изменение условий без надлежащего уведомления или без учёта мнения представительного органа работников является нарушением прав работников.

Кроме того, бюджетные учреждения вправе заключать срочные трудовые договоры в случаях, предусмотренных ТК РФ, а также в связи с временным расширением объёма оказываемых услуг за счёт средств от приносящей доход деятельности. Такая практика распространена в учреждениях здравоохранения и образования при реализации дополнительных программ.

Оплата труда

Система оплаты труда в бюджетных учреждениях устанавливается с учётом нормативных актов разного уровня: федеральных, региональных, муниципальных, а также локальных актов учреждения. При этом действуют специальные ограничения для руководящего состава: для руководителей, их заместителей и главных бухгалтеров федеральных учреждений предельное соотношение среднемесячной заработной платы к среднемесячной зарплате работников учреждения обычно не должно превышать кратность 1–8.

Фонд оплаты труда формируется в рамках субсидий, что делает его зависимым от объёмов финансирования и выполнения государственного задания. Это может приводить к задержкам индексации или к перераспределению средств между стимулирующими и компенсационными выплатами. Суды неоднократно рассматривали споры о законности изменения структуры оплаты труда и признавали недопустимыми односторонние действия работодателя, если они ухудшали положение работников без согласования и надлежащего обоснования.

Локальные нормативные акты

Бюджетные учреждения вправе принимать локальные нормативные акты по вопросам труда, но их принятие нередко требует согласования с учредителем либо учёта его позиции. Например, положения об оплате труда, премировании, командировках и иных выплатах могут утверждаться только после согласования с вышестоящим органом. Это снижает оперативность регулирования трудовых отношений и увеличивает риск правовых ошибок.

Ограничения, вытекающие из правового режима имущества и финансов

Режим оперативного управления имуществом (ст. 296, 298 ГК РФ) и бюджетное регулирование накладывают существенные ограничения на возможности работодателя:

- **Распоряжение особо ценным имуществом** возможно только с согласия учредителя. Это затрудняет проведение капитальных ремонтов, закупку дорогостоящего оборудования и иные действия, влияющие на условия труда.
- **Совершение крупных сделок** требует предварительного согласия учредителя. Если проект предполагает привлечение дополнительных кадров или изменение рабочих мест, учреждение обязано согласовать не только финансовые, но и организационные аспекты.
- **Контроль за целевым использованием средств.** Бюджетные средства должны расходоваться строго по назначению, что ограничивает гибкость работодателя в вопросах стимулирования и социальной поддержки персонала.

Эти ограничения создают дополнительные риски при реализации кадровых проектов и требуют тщательного планирования и согласования.

Проблемы правоприменения и судебная практика

Анализ судебной практики показывает, что наиболее частыми категориями споров с участием бюджетных учреждений как работодателей являются:

1.**Споры о законности изменения условий оплаты труда.** Суды проверяют соблюдение процедуры уведомления, наличие согласования с учредителем (если требуется) и отсутствие ухудшения положения работников.

2.**Оспаривание условий эффективного контракта.** Работники оспаривают критерии оценки эффективности, если они сформулированы расплывчато или не позволяют объективно оценить результаты труда.

3.**Вопросы ответственности руководителя.** Руководитель бюджетного учреждения несёт ответственность за соблюдение бюджетного и трудового законодательства, включая правильность расходования средств на оплату труда и соблюдение кадровых процедур.

Типичный пример: работник оспаривает изменение структуры заработной платы, в результате которого его стимулирующие выплаты были снижены без объяснения причин. Суд, как правило, встаёт на сторону работника, если работодатель не доказал объективные причины изменений и не соблюл процедуру уведомления.

Выводы. Правовой режим бюджетного учреждения как работодателя строится на постоянном балансировании между требованиями трудового законодательства и ограничениями, накладываемыми его публично-правовой природой. На практике это порождает системные коллизии: классические инструменты регулирования трудовых отношений (например, изменение условий договора по ст. 74 ТК РФ) оказываются трудно реализуемы из-за зависимости от учредителя и бюджетных лимитов.

Так, согласование локальных актов и кадровых решений с учредителем фактически превращает внутренние управленческие процедуры учреждения в межведомственные — с соответствующими задержками и рисками пропуска сроков, установленных ТК РФ. Особенно остро это проявляется при корректировке стимулирующих выплат и внедрении критериев эффективности: любое изменение структуры оплаты труда требует не только соблюдения процедуры уведомления работников, но и подтверждения наличия лимитов бюджетных обязательств, а нередко — и формального согласования с вышестоящим органом. В результате учреждение оказывается в ситуации, когда соблюдение норм трудового права технически невозможно без предварительного выполнения административных процедур, не предусмотренных ТК РФ.

Судебная практика последовательно фиксирует эту проблему: споры о снижении стимулирующих выплат или об оспаривании критериев оценки эффективности чаще всего выигрываются работниками именно из-за процедурных разрывов — например, когда критерии были изменены без учёта лимитов или не доведены до работников в надлежащей форме. То есть источником конфликта становится не содержание решений, а их правовая «несостыкованность» между бюджетным, гражданским и трудовым регулированием.

С учётом этого, точечные изменения должны быть направлены не на общее «расширение автономии», а на устранение конкретных правовых разрывов:

- Закрепить минимальные сроки согласования кадровых и локальных решений учредителем и установить презумпцию своевременности: при отсутствии мотивированного отказа в установленный срок проект акта или решение должны считаться согласованными. Это снизит риски нарушения сроков по ст. 74 ТК РФ и позволит учреждениям планировать изменения условий труда.
- Ввести раздельный учёт лимитов бюджетных обязательств для стимулирующих выплат, привязанных к показателям эффективности. Сейчас отсутствие прозрачного механизма перераспределения средств внутри фонда оплаты труда вынуждает учреждения либо замораживать стимулирующие выплаты, либо рисковать нарушением целевого характера расходов.
- Установить единые минимальные требования к формулированию критериев эффективности на уровне профильных министерств: критерии должны быть измеримыми, документально подтверждаемыми и заранее известными работнику. Это позволит избежать расплывчатых формулировок, которые суды не принимают в качестве основания для начисления или снижения выплат.
- Унифицировать порядок ознакомления работников с критериями оценки и результатами их применения — в том числе закрепить обязательность письменного уведомления и ведения протокола оценки, доступного работнику. Такой подход снизит количество споров из-за непрозрачности расчётов.

Библиографический список:

1.Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 08.08.2024).

2.Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 26.12.2024).

3.Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (ред. от 28.12.2024).

4.Единые рекомендации Российской трёхсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений по установлению на федеральном, региональном и местном уровнях систем оплаты труда работников государственных и муниципальных учреждений (утверждены решением РТК на 2026 год).

5.Постановление Правительства РФ от 05.08.2008 № 583 «О введении новых систем оплаты труда работников федеральных бюджетных, автономных и казённых учреждений и федеральных государственных органов, а также гражданского персонала воинских частей, учреждений и подразделений федеральных органов исполнительной власти, в которых законом предусмотрена военная и приравненная к ней служба, оплата труда которых осуществляется на основе Единой тарифной сетки по оплате труда работников федеральных государственных учреждений».

6.Приказ Министерства здравоохранения РФ от 27.03.2019 № 164н «Об утверждении примерного положения об оплате труда работников федеральных бюджетных и автономных учреждений, подведомственных Министерству здравоохранения Российской Федерации».

7.Определение Конституционного Суда РФ от 22.12.2015 № 2918-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина на нарушение его конституционных прав отдельными положениями Трудового кодекса Российской Федерации в части регулирования оплаты труда» — иллюстрирует подход КС РФ к гарантиям справедливой оплаты труда и недопустимости произвольного снижения выплат.

8.Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 13.04.2020 № 41-КГ20-1 — типичный пример рассмотрения спора о снижении стимулирующих выплат в бюджетном учреждении: суд проверяет соблюдение процедуры изменения условий труда (ст. 74 ТК РФ), объективность критериев и наличие согласования.

9.Апелляционное определение Московского городского суда от 18.06.2021 по делу № 33-18475/2021 — спор об оспаривании критериев эффективности в «эффективном контракте»: суд указал на необходимость измеримости и прозрачности критериев, а также на обязанность работодателя ознакомить работника с порядком оценки под роспись.

БОЯКОВА НАИРА ГЕНРИКОВНА – магистрант, Уральский государственный экономический университет, Россия.

Н.Г. Боякова

ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОПЛАТЫ ТРУДА В БЮДЖЕТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ: АНАЛИЗ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

В статье исследуются проблемы правового регулирования оплаты труда работников бюджетных организаций, выявляются расхождения между нормативными предписаниями и их реализацией на практике. На основе анализа судебной практики, актов контрольных органов и разъяснений Минтруда России сформулированы предложения по совершенствованию нормативной базы и механизмов контроля. Результаты исследования могут быть использованы в нормотворческой деятельности, управлении учреждениями бюджетной сферы, а также в образовательном процессе при изучении трудового и бюджетного права.

Ключевые слова: *оплата труда, бюджетные организации, система оплаты труда, правоприменительная практика, локальные нормативные акты, дифференциация выплат, контроль и надзор.*

Правовое регулирование оплаты труда в бюджетной сфере сочетает нормы трудового законодательства (прежде всего ТК РФ) с отраслевыми и ведомственными актами, а также с бюджетными ограничениями. Это порождает специфику: с одной стороны, должны соблюдаться общие гарантии трудовых прав работников, с другой — учреждения действуют в рамках лимитов бюджетных обязательств и целевых показателей эффективности.

На практике такое сочетание приводит к неоднородности подходов к установлению окладов, стимулирующих и компенсационных выплат, а также к спорным ситуациям при изменении условий оплаты труда. Цель статьи — выявить ключевые практические проблемы, показать их причины и предложить реалистичные направления совершенствования регулирования с учётом правоприменительной практики.

Методологическую основу составляют формально-юридический, сравнительно-правовой и системно-структурный методы, а также анализ судебной практики и актов контрольно-надзорных органов. Эмпирическую базу составили обзоры Минтруда России, акты Государственной инспекции труда, судебная практика (в том числе позиции Верховного Суда РФ), а также ведомственные методические рекомендации.

Правовая основа регулирования оплаты труда в бюджетных организациях. Основу регулирования составляют:

- ТК РФ (в частности, ст. 135, 144, 129, 133) — общие принципы установления заработной платы, порядок индексации, минимальные гарантии.
- Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учёте» и Бюджетный кодекс РФ — в части учёта расходов на оплату труда и соблюдения бюджетных лимитов.
- Отраслевые и ведомственные акты (приказы профильных министерств, методические рекомендации по формированию систем оплаты труда).
- Локальные нормативные акты учреждений (положения об оплате труда, коллективные договоры, штатные расписания).

Особенность бюджетных организаций — система оплаты труда формируется с учётом примерных (рекомендательных) положений, утверждаемых на федеральном или региональном уровне, и должна соответствовать целевым показателям «дорожных карт» по повышению оплаты труда отдельных категорий работников.

Практические проблемы правоприменения.

1. Неоднородность и неопределённость критериев стимулирующих выплат

Стимулирующие выплаты (премии, надбавки за интенсивность, качество работы и т. п.) часто устанавливаются в локальных актах без чётких, измеримых критериев. На практике это приводит к:

- субъективной оценке результатов работы руководителем;

© Н.Г. Боякова, 2026.

• спорам о невыплате или снижении размера выплат;

• признанию таких действий незаконными при проверках ГИТ и в судах.

Судебная практика исходит из того, что если критерии не определены, то произвольное снижение или отказ в выплате нарушает принцип справедливой оплаты труда и запрет дискриминации (ст. 2, 3, 132 ТК РФ).

2. Изменение условий оплаты труда при реорганизации, централизации учёта и оптимизации

При централизации бухгалтерского учёта, реорганизации или изменении типа учреждения работодатели нередко пытаются изменить условия оплаты труда (оклады, структуру выплат) в одностороннем порядке. Однако ст. 74 ТК РФ требует соблюдения процедуры и наличия объективных организационных или технологических причин.

В практике встречаются случаи, когда изменение структуры выплат обосновывают «оптимизацией» без документального подтверждения реальных изменений условий труда. Суды такие действия признают незаконными, особенно если фактически трудовые функции работников не изменились. Учитывая ваш прошлый запрос о правовых рисках централизации бухгалтерского учёта в бюджетной сфере, именно здесь часто возникают спорные ситуации: централизация сама по себе не является достаточным основанием для изменения условий оплаты труда без соблюдения процедуры ст. 74 ТК РФ.

3. Индексация заработной платы и исполнение минимальных гарантий

Индексация в бюджетных учреждениях часто проводится в пределах бюджетных ассигнований и не всегда соответствует росту потребительских цен. На практике возможны ситуации, когда индексация формально проводится, но её размер недостаточен для реального повышения доходов работников.

Позиция судов и надзорных органов: индексация должна обеспечивать реальное повышение уровня реального содержания заработной платы (ст. 134 ТК РФ), а не носить формальный характер. При этом бюджетные ограничения не освобождают работодателя от обязанности обеспечить минимальные гарантии, включая выплату не ниже МРОТ (ст. 133 ТК РФ).

4. Дифференциация оплаты труда по категориям работников и «перекосы» в структуре фонда оплаты труда

В бюджетных организациях нередко наблюдается дисбаланс: значительная часть фонда оплаты труда направляется на выплаты руководящему составу и административно-управленческому персоналу, а доля выплат основному персоналу (врачам, педагогам, научным сотрудникам) остаётся низкой.

Контрольные органы (в том числе Счётная палата РФ и органы финансового контроля субъектов) указывают на необходимость соблюдения целевых соотношений средней заработной платы по категориям работников, установленных «дорожными картами». Нарушение этих соотношений расценивается как неэффективное использование бюджетных средств.

5. Проблемы учёта и документального оформления выплат

Из-за особенностей бюджетного учёта и казначейского сопровождения возникают сложности с:

• своевременной выплатой премий и иных стимулирующих выплат;

• корректным отражением выплат в штатном расписании и локальных актах;

• согласованием изменений структуры фонда оплаты труда с учредителем.

Ошибки в оформлении приводят к претензиям со стороны контрольных органов и к признанию выплат необоснованными.

Анализ правоприменительной практики

Практика судов общей юрисдикции и контрольных органов показывает, что значительная часть споров связана с:

• оспариванием приказов о снижении или невыплате стимулирующих выплат из-за отсутствия объективных критериев;

• обжалованием одностороннего изменения условий оплаты труда без соблюдения ст. 74 ТК РФ;

• требованиями о взыскании недоначисленной заработной платы и компенсаций.

Позитивным примером системного подхода являются методические рекомендации Минтруда России по формированию систем оплаты труда, где подчёркивается необходимость прозрачности критериев, измеримости показателей и обязательности документального подтверждения оснований для выплат.

Однако даже при наличии таких рекомендаций на местах сохраняются разночтения: в одних регионах критерии стимулирующих выплат формализованы и автоматизированы, в других — остаются на усмотрение руководителя.

Направления совершенствования правового регулирования

1.Унификация критериев стимулирующих выплат на отраслевом уровне. Целесообразно закрепить типовые показатели эффективности и результативности для основных категорий работников бюджетной сферы (медицинские работники, педагоги, научные сотрудники и др.) в ведомственных актах, чтобы исключить субъективизм и обеспечить сопоставимость выплат.

2. Усиление требований к прозрачности локальных нормативных актов. В положениях об оплате труда следует предусмотреть обязательное указание измеримых критериев, порядка оценки и процедуры обжалования решений о размере выплат.

3. Совершенствование процедуры изменения условий оплаты труда. Необходимо разработать методические рекомендации для учреждений по оформлению изменений условий оплаты труда при реорганизации и оптимизации, с чётким перечнем допустимых оснований и обязательных документов.

4. Контроль за соблюдением целевых соотношений в структуре фонда оплаты труда. Целесообразно усилить мониторинг со стороны учредителей и контрольных органов за исполнением «дорожных карт» и соблюдением установленных пропорций между выплатами различным категориям работников.

5. Повышение ответственности должностных лиц за нарушение прав работников. Следует усилить административную и дисциплинарную ответственность руководителей учреждений за необоснованное снижение выплат, нарушение процедуры изменения условий труда и неисполнение минимальных гарантий.

Заключение

Проблемы правового регулирования оплаты труда в бюджетных организациях носят комплексный характер и обусловлены сочетанием трудового и бюджетного законодательства, а также недостаточной детализацией критериев выплат и процедур изменения условий труда. Совершенствование регулирования должно идти по пути унификации подходов, повышения прозрачности и усиления контроля, что позволит обеспечить справедливую и предсказуемую оплату труда работников бюджетной сферы.

Библиографический список:

1.Петров А.Я. Трудовые споры: теория и практика. – М.: Проспект, 2022. – 320 с.

2.Савельева Е.А. Правовое регулирование оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях// Трудовое право в России и за рубежом. – 2023. – № 2. – С. 15–20.

3.Чиканова Л.А. Некоторые вопросы применения трудового законодательства в судебной практике // Журнал российского права. – 2024. – № 5. – С. 89–102.

БОЯКОВА НАИРА ГЕНРИКОВНА – магистрант, Уральский государственный экономический университет, Россия.

Н.Г. Боякова

СИСТЕМА ОПЛАТЫ ТРУДА РАБОТНИКОВ БЮДЖЕТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ: НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

В статье исследуется система оплаты труда работников бюджетных учреждений: раскрываются уровни нормативного регулирования (федеральный, региональный, муниципальный, локальный), специфика формирования фонда оплаты труда за счёт субсидий и средств от приносящей доход деятельности, а также особенности применения стимулирующих и компенсационных выплат. Особое внимание уделено практике внедрения «эффективного контракта», ограничениям для руководящего состава и типичным категориям трудовых споров. На примерах судебной практики показаны подходы судов к оценке законности изменения структуры заработной платы и применения критериев эффективности. Предложены направления совершенствования правового регулирования.

Ключевые слова: *оплата труда, бюджетное учреждение, эффективный контракт, стимулирующие выплаты, фонд оплаты труда, субсидия, учредитель, трудовые споры.*

Система оплаты труда в бюджетных организациях носит многоуровневый и публично-правовой характер: она формируется на стыке норм трудового, бюджетного и отраслевого законодательства. В отличие от коммерческих работодателей, бюджетные учреждения не обладают полной автономией в установлении заработной платы: их решения ограничены лимитами бюджетных обязательств, требованиями учредителя, нормативами по предельным соотношениям зарплат руководящего состава, а также необходимостью соблюдения единых рекомендаций Российской трёхсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений.

Актуальность темы обусловлена высокой социальной значимостью бюджетной сферы, масштабностью применения «эффективных контрактов», а также регулярными изменениями в нормативной базе. Практика показывает, что именно вопросы оплаты труда становятся причиной большинства трудовых споров в бюджетных учреждениях.

Цель исследования — раскрыть структуру и механизм правового регулирования системы оплаты труда в бюджетных организациях, показать взаимосвязь норм трудового и бюджетного права, а также проанализировать типичные проблемы правоприменения и подходы судов.

Методология включает формально-юридический анализ норм ТК РФ, БК РФ, ФЗ № 7-ФЗ, отраслевых актов и рекомендаций РТК; сравнительно-правовой метод для выявления расхождений в регулировании по уровням власти; анализ судебной практики по трудовым спорам.

Нормативное регулирование системы оплаты труда: уровни и взаимосвязь норм

Правовое регулирование оплаты труда в бюджетных учреждениях строится по многоуровневой модели:

- Федеральный уровень. Базовые нормы закреплены в ТК РФ (в частности, ст. 135, 144), а также в актах Правительства РФ и профильных министерств. Важную роль играют Единые рекомендации Российской трёхсторонней комиссии по установлению систем оплаты труда работников государственных и муниципальных учреждений. Эти рекомендации не являются нормативными актами в строгом смысле, но на практике служат ориентиром для всех уровней власти.
- Региональный и муниципальный уровни. Субъекты РФ и муниципальные образования принимают собственные нормативные акты, устанавливающие оклады, коэффициенты, надбавки и иные элементы оплаты труда. При этом региональные и муниципальные акты не могут ухудшать положение работников по сравнению с федеральными гарантиями.
- Локальный уровень. Бюджетное учреждение утверждает положение об оплате труда, положения о премировании и иные локальные акты. Однако их принятие нередко требует согласования с учредителем либо учёта его позиции. Например, изменение структуры стимулирующих выплат может быть допустимо только при наличии соответствующих лимитов бюджетных обязательств.

© Н.Г. Боякова, 2026.

Важный элемент регулирования — учёт источников финансирования. Фонд оплаты труда формируется за счёт:

- субсидий на выполнение государственного (муниципального) задания;
- средств от приносящей доход деятельности (в пределах разрешённого уставом).

Это означает, что объём и структура выплат напрямую зависят от объёмов финансирования и выполнения задания.

Структура заработной платы и особенности её формирования

Заработная плата в бюджетных учреждениях традиционно включает три компонента:

1.Оклад (должностной оклад) — фиксированная часть, устанавливаемая на основе квалификационных уровней и профессиональных квалификационных групп. Размер оклада зависит от уровня нормативного акта (федерального, регионального, муниципального) и может индексироваться в установленном порядке.

2.Компенсационные выплаты — надбавки за работу в особых условиях (вредные/опасные условия труда, районный коэффициент, надбавки за стаж в районах Крайнего Севера и т. п.). Эти выплаты носят обязательный характер и должны начисляться при наличии соответствующих условий труда.

3.Стимулирующие выплаты — премии, надбавки за интенсивность, качество и результативность работы, выслугу лет и др. Именно эта часть наиболее подвержена изменениям и вызывает наибольшее количество споров.

Особенность бюджетных учреждений — жёсткая привязка фонда оплаты труда к лимитам бюджетных обязательств. Это означает, что учреждение не может произвольно увеличивать стимулирующие выплаты: их размер и периодичность зависят от объёма субсидий и выполнения государственного задания.

Для руководящего состава (руководитель, заместители, главный бухгалтер) действуют дополнительные ограничения: предельное соотношение среднемесячной заработной платы руководителя к среднемесячной зарплате работников учреждения (обычно кратность 1–8 для федеральных учреждений). Эти нормы устанавливаются актами профильных министерств и обязательны к исполнению.

Эффективный контракт: содержание и проблемы применения

«Эффективный контракт» — это трудовой договор, в котором конкретизированы показатели и критерии оценки эффективности деятельности работника. Его внедрение стало одним из ключевых направлений реформы оплаты труда в бюджетной сфере.

Основные элементы эффективного контракта:

- чёткие показатели результативности (например, количество оказанных услуг, уровень удовлетворённости пациентов/родителей, отсутствие жалоб, выполнение плана);
- критерии оценки (измеримые, объективные, документально подтверждённые);
- порядок начисления стимулирующих выплат в зависимости от достижения показателей.

Переход на эффективный контракт квалифицируется как изменение условий труда и требует соблюдения процедуры уведомления работников не менее чем за два месяца (ст. 74 ТК РФ). Практика показывает, что наиболее частыми нарушениями являются:

- одностороннее изменение критериев без надлежащего уведомления;
- использование расплывчатых формулировок («качество работы», «оперативность»), которые невозможно объективно измерить;
- отсутствие прозрачной процедуры оценки и ознакомления работника с результатами.

Суды встают на сторону работника, если работодатель не доказал объективность критериев, не обеспечил прозрачность оценки или нарушил процедуру уведомления.

Практика применения и типичные категории трудовых споров

Анализ судебной практики позволяет выделить несколько устойчивых категорий споров, связанных с оплатой труда в бюджетных учреждениях:

1.Споры о законности изменения структуры заработной платы. Работники оспаривают снижение стимулирующих выплат, перераспределение фонда оплаты труда, отмену надбавок. Суды проверяют соблюдение процедуры уведомления (ст. 74 ТК РФ), наличие объективных причин изменений и отсутствие ухудшения положения работника без согласования.

2.Оспаривание критериев оценки эффективности. Если критерии сформулированы расплывчато или не позволяют объективно оценить результаты труда, суды склонны не учитывать их при разрешении спора.

3.Споры о начислении компенсационных выплат. Работники требуют начисления районного коэффициента, надбавок за вредные условия труда, оплаты сверхурочных. Суды проверяют наличие соответствующих условий труда и документальное подтверждение.

4.Вопросы целевого использования средств. В отдельных случаях споры выходят за рамки трудовых отношений и затрагивают бюджетное законодательство: например, если стимулирующие выплаты были начислены за счёт средств, предназначенных для иных целей.

Типичный пример: работник оспаривает снижение стимулирующей выплаты на основании того, что критерии оценки были изменены без уведомления и не были доведены до него в письменной форме. Суд, как правило, признаёт такое снижение незаконным, если работодатель не представил доказательства соблюдения процедуры и объективности критериев.

Проблемы правоприменения и пути их решения

К числу основных проблем можно отнести:

• Недостаточную прозрачность критериев эффективности. Критерии должны быть измеримыми, объективными и заранее известными работнику.

• Несогласованность нормативных актов разных уровней. Региональные и муниципальные акты могут содержать противоречивые требования к структуре выплат.

• Ограниченную гибкость в управлении фондом оплаты труда. Жёсткая привязка к лимитам бюджетных обязательств затрудняет оперативное реагирование на изменения в потребности в персонале.

• Процедурные нарушения при изменении условий труда. Несоблюдение сроков уведомления, отсутствие учёта мнения представительного органа работников.

Возможные направления совершенствования регулирования:

• унификация требований к критериям оценки эффективности на федеральном уровне с возможностью адаптации на региональном и локальном уровнях;

• повышение прозрачности процедур оценки и начисления выплат (ведение протоколов, ознакомление работников под роспись);

• создание более гибких механизмов перераспределения фонда оплаты труда в пределах субсидий;

• усиление контроля за соблюдением процедуры изменения условий труда и ответственности работодателя за нарушения.

Система оплаты труда работников бюджетных организаций характеризуется многоуровневым регулированием, жёсткой привязкой к бюджетному финансированию и необходимостью соблюдения баланса между автономией учреждения и публичным контролем. Специфика проявляется в структуре заработной платы (оклад + компенсации + стимулы), в ограничениях для руководящего состава, в практике применения эффективных контрактов и в повышенном риске трудовых споров.

На практике ключевыми проблемами остаются недостаточная прозрачность критериев эффективности, несогласованность нормативных актов и процедурные нарушения при изменении условий труда. Для минимизации рисков бюджетным учреждениям следует уделять особое внимание чёткости и объективности критериев, соблюдению процедуры уведомления работников и своевременному согласованию локальных актов с учредителем.

Дальнейшее исследование может быть направлено на сравнительный анализ систем оплаты труда в бюджетных, автономных и казённых учреждениях, а также на изучение отраслевых особенностей (образование, здравоохранение, культура) и практики внедрения цифровых инструментов для оценки эффективности.

Библиографический список:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ.
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ.
3. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях».
4. Единые рекомендации Российской трёхсторонней комиссии по установлению на федеральном, региональном и местном уровнях систем оплаты труда работников государственных и муниципальных учреждений.
5. Постановления и приказы профильных министерств по оплате труда в бюджетной сфере (по отраслям).
6. Обзоры судебной практики Верховного Суда РФ по трудовым спорам.
7. Комментарии к Трудовому кодексу Российской Федерации (научные издания, рекомендованные для цитирования в ВАК-журналах).

БОЯКОВА НАИРА ГЕНРИКОВНА – магистрант, Уральский государственный экономический университет, Россия.

А.В. Сафонова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В настоящей статье анализируются организационно-правовые формы обеспечения общественной безопасности, реализуемые органами внутренних дел на территории Свердловской области. На основании статистических данных за 2023–2025 гг. фиксируются снижение общего уровня преступности, сохранение существенной доли преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, а также устойчиво высокая нагрузка на общественные места. По результатам анализа формулируются предложения о мерах, направленных на развитие межведомственного взаимодействия, внедрение и расширение инструментов цифрового мониторинга, усиление профилактической работы и повышение участия граждан в обеспечении охраны общественного порядка.

Ключевые слова: *общественная безопасность, МВД России, полиция, Свердловская область, профилактика правонарушений, общественный порядок, межведомственное взаимодействие, «Безопасный город», народные дружины, цифровая преступность.*

Федеральный закон «О полиции» определяет назначение полиции как противодействие преступности, охрану общественного порядка и обеспечение общественной безопасности. К числу основных направлений деятельности полиции отнесены предупреждение и пресечение правонарушений, а также обеспечение правопорядка в общественных местах. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ предусматривает функционирование системы профилактики правонарушений, включающей органы публичной власти, механизмы координации, информационное обеспечение и мониторинг. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации увязывает обеспечение общественной безопасности с повышением эффективности деятельности правоохранительных органов и совершенствованием профилактики преступности. [1; 2; 4]

На территории Свердловской области указанные федеральные механизмы реализуются с учетом государственной программы «Обеспечение общественной безопасности на территории Свердловской области», предусматривающей комплекс профилактических, технических и межведомственных мер. Финансовое обеспечение указанной программы установлено в размере 3,58 млрд руб. на 2024 г., 4,02 млрд руб. на 2025 г. и 3,80 млрд руб. на 2026 г.; увеличение объема финансирования в 2025 г. по отношению к 2024 г. составляет около 12,2 %. [5].

Таблица 1

Динамика отдельных показателей преступности в Свердловской области в 2023-2025 гг. [1]

Показатель	2023	2024	2025	Изменение / Вывод
Всего зарегистрировано преступлений, ед.	49 686	48 512	44 719	-10,0 % к 2023 г.
Преступления с использованием ИКТ, ед.	14 722	17 419	14 456	пик в 2024 г.; в 2025 г. -17,0 %
Преступления в общественных местах	14 355 (28,9 %*)	11 734 (24,2 %)	26,1 % от общего числа	доля в 2025 г. выросла на 1,9 п.п.
Убийства и покушения на убийство, ед.	208	186	186	-10,6 % к 2023 г.

© А.В. Сафонова, 2026.

[1] Источник: Составлено автором по [6-8].

В период 2023–2025 гг. общее число зарегистрированных преступлений сократилось почти на 10 %. Вместе с тем количество преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий, в 2024 г. увеличилось до 17 419 случаев, что составило 35,9 % от общего числа зарегистрированных преступлений; в 2025 г. указанный показатель снизился до 14 456, при сохранении доли на уровне 32,3 %.

По преступлениям, совершенным в общественных местах, в 2025 г. снижение составило 0,5 % при общем снижении зарегистрированной преступности на 7,8 %, вследствие чего удельный вес преступлений, совершенных в общественных местах, увеличился с 24,2 % до 26,1 %. Указанные данные свидетельствуют о необходимости сохранения адресного распределения сил и средств в местах массового пребывания граждан. [7; 8].

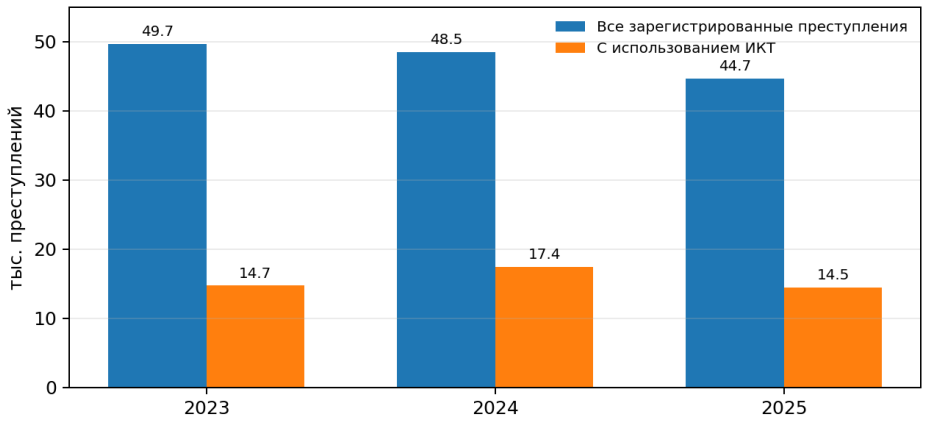

Рис. 1. Динамика общей преступности и преступности в сфере ИКТ в Свердловской области за 2023-2025 гг. [1]

Организационно-правовой механизм следует рассматривать как совокупность шести форм: правовой, организационно-управленческой, межведомственной, профилактической и административной, информационно-технической, а также общественно-партнерской. Указанные формы охватывают нормативное регулирование соответствующих отношений, планирование и распределение сил и средств, взаимодействие органов государственной власти и правоохранительных органов, осуществление патрулирования и индивидуальной профилактической работы, применение АПК «Безопасный город», а также участие граждан и народных дружин в обеспечении общественного порядка и профилактике правонарушений [1-3; 9; 10].

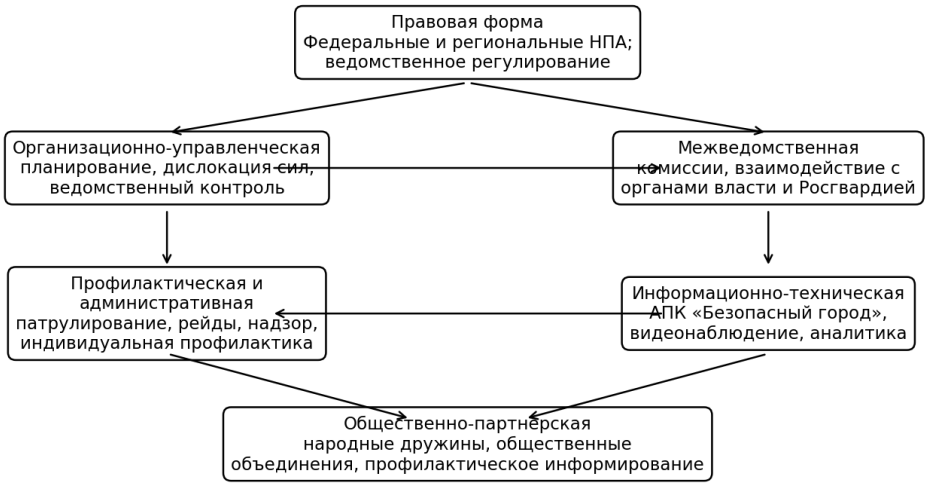

Рис. 2. Основные организационно-правовые формы обеспечения общественной безопасности на региональном уровне. [2]

[1] Источник: Составлено автором по [6-8].
[2] Источник: Составлено автором по [1-3; 9; 10].

Имеющаяся региональная практика подтверждает наличие возможностей для участия граждан в обеспечении общественного порядка. Согласно сведениям А.М. Воронова, в 2023 году на территории области функционировало 80 народных дружин общей численностью 2 456 дружинников; ими осуществлено 41 813 выходов для участия в охране общественного порядка и оказано содействие в раскрытии 740 преступлений. При этом статистические данные, относящиеся к деятельности народных дружин, систем видеонаблюдения, межведомственных комиссий и иных профилактических мероприятий, публикуются раздельно, что затрудняет сопоставление затрат и достигнутых результатов. [3; 10]

В 2025 году была уточнена нормативная база, регулирующая деятельность межведомственной комиссии по развитию АПК «Безопасный город». Результативность указанной системы целесообразно оценивать не по количеству установленных камер, а по степени интеграции с дежурными частями, патрульными подразделениями и муниципальными службами, а также по показателям выявленных и предотвращенных правонарушений и по времени реагирования. [11]

Совершенствование региональной модели представляется обоснованным осуществлять по четырем направлениям: формирование единой ежегодной системы показателей общественной безопасности; увязка патрульных маршрутов с анализом обращений граждан, картой преступности и данными видеонаблюдения; ориентирование межведомственных комиссий на принятие измеримых решений по территориям повышенного риска и контроль исполнения таких решений; усиление профилактики преступлений в сфере ИКТ, развитие информационного обмена и повышение уровня подготовки сотрудников, взаимодействующих с потерпевшими. [2; 9-11]

По итогам 2023-2025 годов в Свердловской области отмечается улучшение базовых показателей, при одновременном смещении рисков в сторону цифровой среды и общественных мест. В связи с этим снижение общего уровня регистрации правонарушений не должно рассматриваться как достаточное основание для сокращения профилактической деятельности. Региональная модель деятельности МВД должна обеспечивать нормативную определенность, межведомственную координацию, риск-ориентированное распределение сил, технологическую интеграцию и участие граждан.

Библиографический список:

1.Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 04.08.2026) // СПС «КонсультантПлюс».

2.Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (ред. от 04.07.2026) // СПС «КонсультантПлюс».

3.Федеральный закон от 02.04.2014 № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» // СПС «КонсультантПлюс».

4.Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

5.Постановление Правительства Свердловской области от 05.04.2017 № 229-ПП «Об утверждении государственной программы Свердловской области «Обеспечение общественной безопасности на территории Свердловской области»» (в актуальной редакции 2026 г.).

6.Итоги борьбы с преступностью за 2023 год, представленные ГУ МВД России по Свердловской области // УралПолит.Ru. 29.01.2024. URL: https://uralpolit.ru/news/sverdl/29-01-2024/290223 (дата обращения: 17.09.2026).

7.Краткая характеристика состояния преступности в Свердловской области за 12 месяцев 2024 года // Прокуратура Свердловской области. 2025.

8.Краткая характеристика состояния преступности в Свердловской области за 12 месяцев 2025 года // Прокуратура Свердловской области. 2026. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_66/mass-media/news/regional/e8400711/ (дата обращения: 17.09.2026).

9.Матюхин О. И. Организационные аспекты обеспечения общественной безопасности органами внутренних дел // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 2. С. 41–47. DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-6.

10.Воронов А. М. Публичное администрирование в сфере обеспечения общественной безопасности: некоторые правовые концепты // Научный портал МВД России. 2024. № 2 (66). С. 20–28.

11.Постановление Правительства Свердловской области от 06.03.2025 № 158-ПП «О внесении изменений в постановление Правительства Свердловской области от 16.08.2016 № 579-ПП «О межведомственной комиссии по построению и развитию систем аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» на территории Свердловской области»».

САФОНОВА АНАСТАСИЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА – магистрант, Уральский государственный экономический университет, Россия.

А.Г. Двинская

ВНЕСУДЕБНОЕ БАНКРОТСТВО ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА, СТАТИСТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

В статье рассматривается правовая природа внесудебного банкротства граждан в Российской Федерации, проводится сравнительный анализ судебной и внесудебной процедур, исследуются статистические тенденции за 2020–2026 годы. На основе данных Федресурса выявлены замедление темпов прироста внесудебных процедур в первом полугодии 2026 года, рост доли отказов в освобождении от обязательств в судебных процедурах, сохранение низкой эффективности удовлетворения требований кредиторов. Систематизированы критерии внесудебного банкротства, проанализированы проблемы проверки добросовестности должника и защиты прав кредиторов. Обоснована необходимость корректировки критериев доступности процедуры и усиления механизмов проверки.

***Ключевые слова**: внесудебное банкротство, гражданин-должник, судебное банкротство, Федресурс, статистика банкротства, критерии банкротства, добросовестность, кредиторы, многофункциональный центр.*

Институт внесудебного банкротства гражданина был введен Федеральным законом от 31.07.2020 № 289-ФЗ [4] и за шесть лет стал заметным элементом системы урегулирования долговой нагрузки. Актуальность исследования обусловлена тем, что процедура продемонстрировала как преимущества упрощенного подхода, так и недостатки, связанные с ограниченными возможностями проверки добросовестности должника и защиты прав кредиторов.

Правовую основу внесудебного банкротства образует система нормативных актов, включающая Конституцию Российской Федерации [1], Гражданский кодекс Российской Федерации [2], Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [3], Федеральный закон от 31.07.2020 № 289-ФЗ [4], Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [5], приказы Минэкономразвития России [6; 7] и разъяснительные акты [8].

Сравнительный анализ судебного и внесудебного банкротства показывает, что эти процедуры не являются взаимозаменяемыми. Судебное банкротство рассчитано на граждан с любой суммой задолженности и обеспечивает более высокий уровень гарантий для кредиторов за счет участия финансового управляющего, формирования конкурсной массы и судебного контроля.

Внесудебное банкротство предназначено для граждан с задолженностью от пятидесяти тысяч до пятисот тысяч рублей, не имеющих имущества, на которое может быть обращено взыскание, и обеспечивает быстрое и бесплатное освобождение от долгов.

Соотношение судебных и внесудебных процедур в 2025 году составило примерно девять к одному, что свидетельствует о вспомогательной роли внесудебного механизма. Оба института преследуют общую цель – освобождение добросовестного гражданина от непосильной долговой нагрузки, но достигают ее различными правовыми средствами [16].

Согласно данным Федресурса, в 2020 году было возбуждено лишь 1 791 внесудебная процедура, возвращено 4 459 заявлений. В 2021 году возбуждено 4 660 процедур, в 2022 году – 7 103. Качественный перелом произошел в 2023 году, когда число возбужденных процедур выросло до 15 891, а в 2024 году – до 55 597. В 2025 году возбуждено 68 294 процедуры, возвращено 9 467. Прирост к 2024 году составил 22,9%, тогда как годом ранее он превышал 250% [18].

За первое полугодие 2026 года через МФЦ возбуждено 34 299 процедур, что лишь на 9,1% больше, чем за аналогичный период 2025 года [19]. Таким образом, налицо замедление темпов прироста.

Доля возвратов заявлений сократилась с 248,9% в 2020 году до 10,7% в 2024 году, однако в 2025 году вновь выросла до 13,9%. Это говорит о том, что практика многофункциональных центров стабилизировалась, но не стала единообразной.

© А.Г. Двинская, 2026.

Научный руководитель: *Фалькина Татьяна Юрьевна* - кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права, Уральский государственный экономический университет, Россия.

Замедление темпов связано с несколькими обстоятельствами: основная масса граждан, имевших право на внесудебную процедуру, уже ею воспользовалась; критерии доступа, установленные статьей 223.2 Закона о банкротстве, ограничивают круг потенциальных заявителей; рост числа отказов в освобождении от обязательств в судебных процедурах создает общий фон недоверия к институту банкротства [14].

Соотношение судебного и внесудебного банкротства остается стабильным: в 2025 году судебными банкротами признаны 567 997 граждан, тогда как через внесудебную процедуру прошли 68 294 человека [18].

В первом полугодии 2026 года судебные процедуры также преобладают: 295 529 против 34 299 внесудебных [19].

Отдельного внимания заслуживает структура судебных процедур. Доля реструктуризации долгов сокращается: если в 2023 году она составляла 12,5% от общего числа судебных процедур, то в 2025 году – лишь 6,3% [18].

Реабилитационная составляющая судебного банкротства ослабевает, а процедура приобретает ликвидационный характер. Одновременно растет доля отказов в освобождении от обязательств: в первом полугодии 2026 года она выросла до 2,4% против 1,1% годом ранее [19].

Это создает асимметрию с внесудебной процедурой, где освобождение наступает автоматически по истечении шести месяцев. Эффективность удовлетворения требований кредиторов остается низкой.

В 2025 году в реестры требований включено обязательств на сумму 908,13 млрд рублей, удовлетворено – 61,36 млрд рублей, что составляет 6,75% [18]. Более 93% требований не удовлетворяются. В первом полугодии 2026 года доля удовлетворенных требований составила 6,6% [19].

Эти данные важны для понимания того, что внесудебное банкротство, при котором кредиторы не получают ничего, не является чем-то исключительным на фоне судебной процедуры.

Анализ критериев внесудебного банкротства позволяет выделить шесть групп: количественный, процедурный, субъектный, негативный, имущественный и поведенческий. Количественный критерий ограничивает доступ к процедуре узким диапазоном задолженности, не учитывая имущественное положение должника.

Граждане с задолженностью менее пятидесяти тысяч рублей, не имеющие возможности ее погасить, оказываются в парадоксальной ситуации: они не могут воспользоваться ни внесудебной, ни, как правило, судебной процедурой, поскольку расходы на судебное банкротство превышают размер самого долга [12].

Количественный критерий не учитывает имущественное положение должника и его фактическую способность погасить задолженность [17].

Процедурный критерий, связанный с оконченным исполнительным производством и годичным сроком, создает неопределенность при выявлении имущества после окончания производства. На практике граждане сталкиваются с ситуацией, когда исполнительное производство окончено по основанию отсутствия имущества, однако впоследствии выясняется, что часть активов была выявлена. В таких случаях возникает вопрос о том, сохраняет ли гражданин право на внесудебное банкротство. Закон не дает прямого ответа, что порождает неопределенность в правоприменении [15].

Имущественный и поведенческий критерии не подкреплены механизмами проверки, что создает риски злоупотреблений. Действующая формулировка не позволяет отграничить ситуации, когда гражданин действительно не имеет активов, от ситуаций, когда он умышленно скрывает имущество или передает его третьим лицам [13].

В отличие от судебного банкротства, где финансовый управляющий проводит инвентаризацию и может оспорить сделки должника, внесудебная процедура не предполагает подобных механизмов. Судебная практика демонстрирует неоднозначные подходы к применению критериев.

Решение Арбитражного суда Республики Карелия по делу № А26-10828/2024 подтверждает, что формальное несоответствие сведений о размере пенсии не может служить основанием для возврата заявления, если гражданин действовал добросовестно [9].

Решение Арбитражного суда Республики Башкортостан по делу № А07-20982/2025 показывает, что кредитор может оспорить процедуру, ссылаясь на сокрытие должником сведений об имуществе [10].

Решение Алатырского районного суда Чувашской Республики по делу № 2А-426/2025 иллюстрирует проблему защиты прав кредиторов, не указанных в заявлении [11]. Эти примеры свидетельствуют о необходимости более четкой регламентации оснований возврата заявления и механизмов проверки достоверности сведений.

Статистический анализ позволяет выделить следующие тенденции внесудебного банкротства граждан:

–устойчивый рост числа процедур в 2020-2025 годах с замедлением в первом полугодии 2026 года;

–снижение доли возвратов заявлений при сохранении региональных различий;

–сохранение значительного разрыва между судебным и внесудебным банкротством;

–рост доли отказов в освобождении от обязательств в судебных процедурах;

–низкая эффективность удовлетворения требований кредиторов.

Эти тенденции создают эмпирическую основу для совершенствования законодательства, в частности для пересмотра критериев доступности внесудебной процедуры и усиления механизмов проверки добросовестности должника.

Библиографический список:

1.Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 03.09.2026).

2.Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

3.Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.

4.Федеральный закон от 31.07.2020 № 289-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части внесудебного банкротства гражданина» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31 (часть I). – Ст. 5048.

5.Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (ред. от 04.08.2026, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 41. – Ст. 4849.

6.Приказ Минэкономразвития России от 04.08.2020 № 497 «Об утверждении формы, порядка заполнения и подачи заявления о признании гражданина банкротом во внесудебном порядке» (ред. от 02.06.2025) (Зарегистрировано в Минюсте России 10.08.2020 № 59221) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 15.09.2026).

7.Приказ Минэкономразвития России от 02.06.2025 № 368 «О внесении изменений в приложение № 1 к приказу Минэкономразвития России от 4 августа 2020 г. № 497» (Зарегистрирован 27.06.2025 № 82739) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202506270007 (дата обращения: 18.09.2026).

8.Письмо Минэкономразвития России от 23.05.2025 № 19077-КМ/Д20и «О внесудебном банкротстве граждан» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 22.09.2026).

9.Решение Арбитражного суда Республики Карелия от 12.05.2025 по делу № А26-10828/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/eufX7bHPGVVK/ (дата обращения: 15.09.2026).

10.Решение Арбитражного суда Республики Башкортостан от 21.01.2026 по делу № А07-20982/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/6sXjdIdBchLQ/ (дата обращения: 16.09.2026).

11.Решение Алатырского районного суда Чувашской Республики от 16.09.2025 по делу № 2А-426/2025 (УИД 21RS0001-01-2024-001737-64) // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/Hn18FHMiNDor/ (дата обращения: 22.09.2026).

12.Воринка, В. А. Актуальные проблемы внесудебного банкротства граждан / В. А. Воринка // Молодой ученый. – 2024. – № 21 (520). – С. 457-459.

13.Гладилин, Е. Э. Трансформация института внесудебного банкротства граждан в России: эффективность и риски для кредиторов / Е. Э. Гладилин // Юридическая наука. – 2025. – № 11. – С. 158-164.

14.Кесян, Р. Х. Внесудебное банкротство граждан: анализ правоприменительной практики и проблемы реализации механизма / Р. Х. Кесян // Вестник науки. – 2026. – Т. 4, № 2 (95). – С. 165-171.

15.Корягин, А. А. Проблемные аспекты внесудебного банкротства гражданина / А. А. Корягин, Ю. А. Тарасов // Актуальные вопросы устойчивого развития государства, общества и экономики : сборник научных статей 2-й Всероссийской научно-практической конференции. – Курск, 2023. – С. 100-104.

16.Кунниева, А. К. Сравнительный анализ судебного и внесудебного банкротства граждан / А. К. Кунниева // Human Progress. – 2025. – Т. 11, № 10.

17.Попков, Д. В. Институт внесудебного банкротства граждан – долгожданное новшество / Д. В. Попков // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 1 (229). – С. 153-156.

18.Банкротство в России. Статистический бюллетень Федресурса. Итоги 2025 года // Единый федеральный реестр сведений о банкротстве (Федресурс). – URL: https://fedresurs.ru/news/45f888c8-c368-44d8-b038-436a4fe2f923 (дата обращения: 25.09.2026).

19.Банкротство в России. Статистический бюллетень Федресурса. Январь – июнь 2026 года // Единый федеральный реестр сведений о банкротстве (Федресурс). – URL: https://fedresurs.ru/news/5a139ee7-2547-442d-aaa2-cdf18a54d0ad (дата обращения: 25.09.2026).

ДВИНСКАЯ АННА ГЕННАДЬЕВНА – магистрант, Уральский государственный экономический университет, Россия.

А.Г. Двинская

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНСТИТУТА ВНЕСУДЕБНОГО БАНКРОТСТВА ГРАЖДАНИНА: БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В статье рассматриваются проблемы баланса интересов должника и кредиторов во внесудебном банкротстве гражданина, а также перспективы совершенствования законодательства. Анализируются недостатки действующей модели: отсутствие эффективной проверки добросовестности должника, ограниченные возможности кредиторов, несовершенство взаимодействия МФЦ и ФССП.

Предлагаются меры по дополнению статьи 223.2 Закона о банкротстве критерием проверки имущественного положения, уточнению оснований возврата заявления, распространению механизмов оспаривания сделок на внесудебные процедуры, закреплению за кредиторами права на получение информации и подачу возражений. Обосновывается необходимость цифровизации взаимодействия между МФЦ, ФССП, кредитными организациями и ЕФРСБ. Сделан вывод о необходимости поэтапной реализации предложенных мер с оценкой их влияния на доступность процедуры.

Ключевые слова: *внесудебное банкротство, добросовестность, кредиторы, оспаривание сделок, цифровизация, ЕФРСБ, многофункциональный центр, Федеральная служба судебных приставов, законодательство, баланс интересов.*

Внесудебное банкротство гражданина задумано как упрощенный и доступный механизм освобождения от долгов. Однако практика его применения выявила проблемы, которые не были очевидны на этапе разработки законодательства. Актуальность исследования обусловлена необходимостью обеспечения баланса интересов должника и кредиторов, а также повышения эффективности процедуры.

Действующая модель внесудебного банкротства не предполагает полноценной проверки имущественного положения должника. Многофункциональный центр проверяет только документы, представленные гражданином, и не имеет доступа к базам данных кредитных организаций, налоговых органов и регистрирующих органов. Это создает возможность для злоупотреблений: гражданин может скрыть наличие активов, не указать часть кредиторов, передать имущество третьим лицам до подачи заявления.

Выявить такие действия в рамках внесудебной процедуры крайне сложно, поскольку механизмы оспаривания сделок, предусмотренные главой III.1 Закона о банкротстве, на внесудебные процедуры не распространяются. Проблема добросовестности во внесудебном банкротстве приобретает особую остроту, поскольку процедура не предполагает ни участия финансового управляющего, ни судебного контроля [8].

Действующая модель основана на презумпции добросовестности должника, однако эта презумпция не подкреплена механизмами проверки. В результате недобросовестные граждане получают возможность списать долги, скрыв имущество, тогда как добросовестные должники несут те же издержки, что и в судебной процедуре, но без гарантий защиты от кредиторов.

Определение Верховного Суда РФ от 02.07.2026 № 302-ЭС26-5912 по делу № А33-25000/2024 также затрагивает проблему добросовестности [1]. Кредитор требовал не применять правила об освобождении от обязательств, ссылаясь на недобросовестность должника. Суды отказали, поскольку недоказанность злостного уклонения исключает применение пункта 4 статьи 213.28 Закона о банкротстве. Это дело показывает, что бремя доказывания недобросовестности лежит на кредиторе, однако во внесудебной процедуре кредитор не имеет процессуальных возможностей для получения доказательств.

© А.Г. Двинская, 2026.

Научный руководитель: *Фалькина Татьяна Юрьевна* - кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права, Уральский государственный экономический университет, Россия.

Внесудебное банкротство не предполагает формирования реестра требований, проведения собраний кредиторов, оспаривания сделок должника. Кредиторы, указанные в заявлении, лишаются возможности заявить свои требования в рамках процедуры; они могут лишь направить возражения в МФЦ, однако механизм рассмотрения таких возражений не детализирован.

Кредиторы, не указанные в заявлении, сохраняют право на взыскание задолженности, однако на практике реализовать это право сложно, поскольку процедура завершается освобождением должника от обязательств. Проблемы защиты прав кредиторов во внесудебном банкротстве обусловлены асимметрией информации и отсутствием процессуальных гарантий [4].

Кредитор не получает персонального уведомления о возбуждении процедуры, если не подключен к системе электронного документооборота, и вынужден самостоятельно отслеживать публикации в ЕФРСБ. Такая модель не обеспечивает реальной возможности для своевременного реагирования на действия должника. Асимметрия прав и обязанностей проявляется в том, что должник наделен широкими правами, тогда как кредиторы лишены возможности влиять на ход процедуры [6].

Решение Алатырского районного суда Чувашской Республики по делу № 2А-426/2025 иллюстрирует проблему защиты прав кредиторов, не указанных в заявлении [2].

Кредитор оспаривал обращение должника как злоупотребление правом и требовал признать недействительной запись в ЕФРСБ о возбуждении процедуры. Суд отказал, поскольку закон не предусматривает возможности оспаривания записи по мотиву недобросовестности должника. Это дело показывает, что кредиторы фактически лишены процессуальных инструментов для защиты своих прав в рамках внесудебной процедуры.

Третья группа проблем связана с процедурными аспектами взаимодействия МФЦ и ФССП. Отсутствие единого перечня документов, прилагаемых к заявлению, приводит к различной практике в субъектах Российской Федерации [10]. В

одних регионах МФЦ требуют минимальный пакет документов, в других – расширенный. Это создает неопределенность для граждан и снижает доступность процедуры. Судебные приставы-исполнители не всегда правильно определяют круг требований, подлежащих прекращению после завершения процедуры, что приводит к нарушению прав кредиторов [9].

Судебный контроль за действиями МФЦ и ФССП в рамках внесудебного банкротства ограничен [7]. Суды рассматривают споры, возникающие из публичных правоотношений, и проверяют законность решений и действий указанных органов, однако не вправе вмешиваться в процедуру по существу.

Для устранения выявленных недостатков предлагаются следующие меры. Первое: дополнить статью 223.2 Закона о банкротстве критерием проверки имущественного положения должника до возбуждения процедуры. Утвердить исчерпывающий перечень документов, подтверждающих отсутствие имущества, на которое может быть обращено взыскание.

В научной литературе высказывается мнение, что проверка может осуществляться не только на основании документов, представленных гражданином, но и путем направления межведомственных запросов [13]. Такая мера позволила бы обеспечить достоверность проверки без возложения на гражданина обязанности по самостоятельному сбору документов.

Второе: закрепить исчерпывающий перечень оснований для возврата заявления и установить сокращенный срок судебного обжалования таких решений – не более десяти дней с момента получения гражданином уведомления. В научной литературе обращается внимание на необходимость унификации практики применения законодательства о внесудебном банкротстве [12].

Отмечается, что отсутствие единых критериев проверки заявлений приводит к различной практике в субъектах Российской Федерации, что нарушает принцип равенства граждан перед законом.

Третье: распространить механизмы оспаривания сделок, предусмотренные статьями 61.2 и 61.3 Закона о банкротстве, на внесудебные процедуры. В научной литературе указывается, что это потребует определения органа, уполномоченного рассматривать такие споры [3].

Наиболее логичным представляется отнесение этих споров к компетенции арбитражных судов, поскольку они уже рассматривают аналогичные споры в рамках судебного банкротства. Однако это приведет к увеличению нагрузки на суды и, соответственно, к удорожанию процедуры.

Четвертое: обязать МФЦ направлять кредиторам персональные уведомления о возбуждении процедуры и закрепить за кредиторами право на получение информации о ходе процедуры. В научной литературе обращается внимание на необходимость обеспечения баланса интересов должника и кредиторов [5].

Отмечается, что действующая модель смещена в сторону должника, что не соответствует принципу справедливости и снижает доверие кредиторов к институту банкротства.

Отдельное направление – цифровизация взаимодействия между участниками процедуры. Отсутствие единой информационной системы, объединяющей МФЦ, ФССП, кредитные организации и ЕФРСБ, является одной из причин процедурных проблем.

Генезис института размещения информации о внесудебном банкротстве в сети Интернет свидетельствует о постепенном переходе к электронным формам взаимодействия [11].

Создание единой системы позволило бы обеспечить оперативный обмен сведениями, снизить риск несвоевременного приостановления исполнительных производств и повысить достоверность проверки представленных данных. Указывается, что дальнейшее развитие должно идти по пути интеграции ЕФРСБ с государственными информационными системами, что позволит автоматизировать значительную часть проверочных процедур.

Зарубежный опыт показывает, что в ряде европейских стран внесудебные процедуры предполагают участие независимого посредника, который проверяет имущественное положение должника и удостоверяет достоверность представленных сведений [15].

Такая модель позволяет снизить риски злоупотреблений, хотя и увеличивает сроки процедуры. Российская модель не предусматривает участия посредника, однако введение элементов проверки может рассматриваться как шаг в этом направлении. В диссертационном исследовании W. Gu отмечается, что в Китае внесудебные процедуры доступны гражданам, чья задолженность не превышает определенного порога, устанавливаемого местными судами [14]. При этом критерии различаются в зависимости от региона, что позволяет учитывать местные экономические условия.

Совершенствование института внесудебного банкротства гражданина должно идти по пути сочетания упрощенного доступа с эффективными механизмами проверки.

Предлагаемые меры – дополнение статьи 223.2 Закона о банкротстве критерием проверки имущественного положения, уточнение оснований возврата заявления, распространение механизмов оспаривания сделок, закрепление за кредиторами права на информацию – позволят обеспечить баланс интересов должника и кредиторов.

Реализация этих предложений потребует внесения изменений в Закон о банкротстве, Закон об исполнительном производстве и подзаконные акты. Чрезмерное усложнение процедуры недопустимо, поскольку может привести к утрате ее преимуществ перед судебным банкротством. Оптимальная модель предполагает поэтапное внедрение предложенных мер с оценкой их влияния на доступность процедуры и на баланс интересов участников.

Библиографический список:

1.Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 02.07.2026 № 302-ЭС26-5912 по делу № А33-25000/2024 // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=891826 (дата обращения: 10.09.2026).

2.Решение Алатырского районного суда Чувашской Республики от 16.09.2025 по делу № 2А-426/2025 (УИД 21RS0001-01-2024-001737-64) // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/Hn18FHMiNDor/ (дата обращения: 22.09.2026).

3.Бусыгин, А. А. Баланс интересов сторон в процедуре внесудебного банкротства граждан / А. А. Бусыгин // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 2 (218). – С. 133-135.

4.Гусевской, М. А. Проблемы защиты прав кредиторов при внесудебном банкротстве гражданина / М. А. Гусевской // Право и управление. – 2024. – № 7. – С. 30-32.

5.Дударева, Ю. А. О законодательном балансе прав и законных интересов должника и кредитора во внесудебном банкротстве гражданина / Ю. А. Дударева, Ю. С. Киселева, Д. А. Солобай // Дневник науки. – 2026. – № 5 (113).

6.Лобанова, П. С. Асимметрия прав и обязанностей в процедуре внесудебного банкротства гражданина / П. С. Лобанова // Норма. Закон. Законодательство. Право : материалы XXVI Международной научно-практической конференции молодых ученых. – Пермь, 2024. – С. 101-105.

7.Скутин, А. Ф. Компетенция судов при внесудебном банкротстве гражданина / А. Ф. Скутин // Российское правосудие. – 2025. – № 8. – С. 74-79.

8.Соловьева, В. И. Внесудебное банкротство граждан: проблемы добросовестности и защита кредиторов / В. И. Соловьева // Студенческий. – 2026. – № 20 (358). – С. 1115-1119.

9.Сопова, И. А. Актуальные проблемы института внесудебного банкротства граждан в Российской Федерации / И. А. Сопова, Ю. А. Тарасов // Проблемы развития современного общества : сборник научных статей 10-й Всероссийской национальной научно-практической конференции, в 4-х томах. – Курск, 2025. – С. 354-359.

10.Токарева, Е. В. Актуальные проблемы правового регулирования внесудебного банкротства граждан / Е. В. Токарева // Право и экономика: национальный опыт и стратегии развития : сборник статей по итогам VII Новосибирского международного юридического форума. – Новосибирск, 2026. – С. 212-218.

11.Цыганов, Д. Д. Генезис института размещения информации о внесудебном банкротстве граждан в сети Интернет / Д. Д. Цыганов // Вестник Российской правовой академии. – 2025. – № 4. – С. 160-170.

12.Шайхутдинов, Е. М. Актуальные проблемы правового регулирования внесудебного банкротства гражданина / Е. М. Шайхутдинов // Юрист. – 2023. – № 11. – С. 47-51.

13.Шленников, А. А. Внесудебное банкротство граждан: правовое регулирование, анализ результатов / А. А. Шленников // Научный аспект. – 2023. – Т. 7, № 10. – С. 838-845.

14.Gu, W. The Regulation of Personal Insolvency in China: Historical Perspectives, Comparative Insights and Future Directions : Doctoral Thesis / W. Gu. – Lancaster : Lancaster University, 2025. – 234 p. – DOI 10.17635/lancaster/thesis/2736.

15.Social and Economic Aspects of Court and Out-of-Court Insolvency Proceedings : monograph / scientific editors A. Hrycaj, B. Sierakowski. – Warsaw : Uczelnia Łazarskiego, 2025. – ISBN 978-83-66723-81-8. – DOI 10.26399/978-83-66723-81-8.

ДВИНСКАЯ АННА ГЕННАДЬЕВНА – магистрант, Уральский государственный экономический университет, Россия.

Ю.И. Корелина

МЕРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ

Статья посвящена анализу системы мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, закреплённых в главе 27 КоАП РФ. Рассматриваются понятие, цели и классификация мер обеспечения, а также актуальные проблемы правоприменительной практики: неопределённость понятия «исключительные случаи» при административном задержании, пробелы в регулировании личного досмотра, процессуальные нарушения при освидетельствовании на состояние опьянения, проблема подмены административно-процессуальных мер уголовно-процессуальными и влияние цифровизации производства на порядок применения обеспечительных мер. На основе анализа судебной практики и доктринальных источников сформулированы предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: *меры обеспечения производства, административное задержание, доставление, личный досмотр, освидетельствование на состояние опьянения, КоАП РФ, цифровизация, видеозапись.*

Меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении представляют собой разновидность административно-процессуального принуждения, применяемого уполномоченными должностными лицами до возбуждения дела об административном правонарушении — на стадии, когда вопрос о виновности лица ещё не решён и дело не передано на рассмотрение компетентному органу. Именно эта особенность — применение мер, существенно ограничивающих конституционные права граждан, вне судебного контроля и до установления факта правонарушения — предъявляет повышенные требования к соблюдению законности при их реализации.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, меры обеспечения производства затрагивают такие конституционные ценности, как свобода передвижения (ст. 27 Конституции РФ), личная неприкосновенность, право собственности и тайна личной жизни. Во-вторых, правоприменительная практика демонстрирует устойчивые проблемы: рутинное применение административного задержания вне «исключительных случаев», фрагментарная видеозапись процессуальных действий, подмена административно-процессуальных мер уголовно-процессуальными. В-третьих, цифровизация производства по делам об административных правонарушениях, начатая Федеральным законом от 07.04.2025 № 59-ФЗ, создаёт новые вызовы для института мер обеспечения, которые пока не получили должного нормативного разрешения.

Согласно части 1 статьи 27.1 КоАП РФ, меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении применяются в целях пресечения административного правонарушения, установления личности нарушителя, составления протокола об административном правонарушении при невозможности его составления на месте выявления, обеспечения своевременного и правильного рассмотрения дела и исполнения принятого по делу постановления.

Действующий Кодекс закрепляет тринадцать самостоятельных мер обеспечения: доставление, административное задержание, личный досмотр и досмотр вещей, осмотр принадлежащих юридическому лицу помещений, изъятие вещей и документов, отстранение от управления транспортным средством, освидетельствование на состояние алкогольного опьянения, медицинское освидетельствование на состояние опьянения, задержание транспортного средства, арест товаров и иных вещей, привод, временный запрет деятельности, залог за арестованное судно, помещение иностранных граждан в специальные учреждения, арест имущества.

В доктрине предложена классификация мер обеспечения по характеру ограничения конституционных прав: меры, ограничивающие свободу передвижения (доставление, административное задержа-

© Ю.И. Корелина, 2026.

Научный руководитель: *Кожевников Олег Александрович* – доктор юридических наук, Уральский государственный экономический университет, Россия.

ние, привод); меры, посягающие на личную неприкосновенность (личный досмотр, освидетельствование); меры, ограничивающие имущественные права (изъятие, арест, задержание транспортного средства); меры, ограничивающие свободу деятельности (временный запрет деятельности).

Часть 2 статьи 27.1 КоАП РФ устанавливает, что вред, причинённый незаконным применением мер обеспечения, подлежит возмещению в порядке, предусмотренном гражданским законодательством. Данная норма подчёркивает компенсаторный характер ответственности государства за неправомерные действия должностных лиц.

В литературе высказывается мнение, что отнесение пресечения административного правонарушения к целям применения мер обеспечения представляется не совсем корректным, поскольку реализация данных мер направлена прежде всего на создание условий для разрешения дела, а не на пресечение, так как меры обеспечения применяются после окончания совершения противоправного деяния.

Проблемы правового регулирования и правоприменения отдельных мер.

1. Административное задержание: проблема «исключительных случаев». Статья 27.3 КоАП РФ устанавливает, что административное задержание — кратковременное ограничение свободы физического лица — может быть применено «в исключительных случаях». Однако законодатель не раскрывает содержания данного понятия, что создаёт широкое пространство для усмотрения правоприменителя.

Анализ правоприменительной практики показывает, что административное задержание применяется рутинно, а не в исключительных случаях. Типичной является ситуация, когда лицо задерживается исключительно в связи с составлением в отношении него протокола об административном правонарушении, за которое может быть назначено наказание в виде административного ареста. Сам по себе этот факт, как указывают суды, не образует основания для задержания.

В решении Останкинского районного суда г. Москвы по делу № 2а-355/2023 была рассмотрена жалоба гражданки, подвергнутой административному задержанию по части 2 статьи 20.2 КоАП РФ. Истица указывала на ненадлежащие условия содержания, превышение максимального срока задержания, незаконную дактилоскопию и фотографирование. Суд установил, что срок задержания исчисляется с момента доставления (часть 4 статьи 27.5 КоАП РФ), а задержанные лица содержатся в специально отведённых помещениях. Данное дело иллюстрирует, что отсутствие чётких критериев «исключительности» приводит к тому, что задержание применяется как стандартная процедура, а не как экстраординарная мера.

Отдельной проблемой является исчисление срока административного задержания. Часть 4 статьи 27.5 КоАП РФ устанавливает, что срок задержания исчисляется с момента доставления лица. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 17 ноября 2016 г. № 25-П указал, что данные сроки определяют максимальные временные пределы внесудебного ограничения свободы и не освобождают должностных лиц от обязанности делать всё возможное для скорейшего достижения целей, на которые направлена эта мера. Верховный Суд РФ в Решении от 14 августа 2024 г. по делу № АКПИ24-460 подтвердил, что оспариваемые положения Наставления по работе дорожно-патрульной службы не содержат сроков, отличных от установленных КоАП РФ, и не предполагают возможности продолжения задержания сверх установленного предела.

Представляется, что необходимо конкретизировать понятие «исключительные случаи» в статье 27.3 КоАП РФ, закрепив открытый, но конкретизированный перечень оснований: отсутствие документов, удостоверяющих личность; сомнения в подлинности документов; оказание неповиновения законному распоряжению должностного лица; попытки скрыться; невозможность составления протокола на месте выявления правонарушения.

2. Личный досмотр: пробелы в регулировании. Законодатель не закрепил легального определения личного досмотра, что порождает трудности в правоприменении. Статья 27.7 КоАП РФ регламентирует процедуру проведения досмотра, но не указывает на место его проведения и не регламентирует случаи, когда проведение досмотра в общественном месте нарушает достоинство лица.

Требование о проведении досмотра лицом одного пола с досматриваемым при участии двух понятых того же пола часто невозможно соблюсти на практике — особенно в ночное время и в малочисленных подразделениях. Законодатель предусмотрел альтернативу: применение видеозаписи вместо понятых (часть 6 статьи 25.7 КоАП РФ). Однако для личного досмотра видеозапись не заменяет участие понятых — в отличие от других процессуальных действий, где видеозапись является равноценной альтернативой. Согласно части 6 статьи 25.7 КоАП РФ, видеозапись применяется «за исключением личного досмотра». Это означает, что при личном досмотре присутствие двух понятых одного пола с досматриваемым является безальтернативным требованием, что создаёт практические трудности.

Особую остроту приобретает проблема подмены личного досмотра по нормам КоАП РФ личным обыском по УПК РФ. Конституционный Суд РФ в Определении от 30 ноября 2021 г. № 2637-О отказал в принятии жалобы осуждённого, оспаривавшего проведение личного досмотра по КоАП с последующим использованием изъятых предметов в уголовном судопроизводстве. КС указал, что Конституция не

исключает возможность проведения процессуальных действий с участием подозреваемого и использования полученных результатов при условии соблюдения установленных законом процедур и последующей судебной проверки. Тем не менее в практике сохраняются случаи проведения «квазидосмотра» по нормам КоАП при отсутствии производства по делу об административном правонарушении, что фактически превращает административно-процессуальную меру в инструмент уголовного преследования.

3. Освидетельствование на состояние опьянения: видеозапись и процессуальные нарушения. Требование части 2 статьи 27.12 КоАП РФ о присутствии двух понятых либо применении видеозаписи при отстранении от управления транспортным средством, освидетельствовании на состояние алкогольного опьянения и направлении на медицинское освидетельствование направлено на обеспечение прав лица. Верховный Суд РФ последовательно разъясняет, что понятые и видеозапись — равноценные способы фиксации: закон не требует их одновременного применения. Если в деле нет видеозаписи, но участие понятых подтверждается протоколом, требования закона к процессуальному оформлению считаются соблюдёнными.

Однако судебная практика показывает, что качество видеозаписи нередко становится причиной признания процессуальных документов недопустимыми доказательствами.

Типичные нарушения при освидетельствовании:

1. непредоставление лицу времени для прибытия защитника;

2. фрагментарная видеозапись, не отражающая ключевых моментов процедуры (отбор пробы, результаты);

3. несоответствие времени, указанного в протоколе, времени на видеозаписи;

4. отсутствие на видеозаписи предложения пройти медицинское освидетельствование (в отличие от предложения пройти освидетельствование на состояние алкогольного опьянения).

Суды оценивают видеозапись по критериям непрерывности, полноты (обеспечивающей визуальную идентификацию объектов и участников, аудиофиксацию речи), последовательности и соотносимости с местом и временем совершения правонарушения.

Влияние цифровизации на применение мер обеспечения.

Федеральный закон от 07.04.2025 № 59-ФЗ, вступивший в силу 1 июля 2025 года, закрепил цифровизацию производства по делам об административных правонарушениях: электронный документооборот, подачу документов через портал Госуслуг и СМЭВ, дистанционное участие в производстве посредством видео-конференц-связи и веб-конференций. Участники производства получили возможность направлять заявления, ходатайства, жалобы и протесты в электронном виде, а суды и органы — изготавливать и направлять процессуальные документы в форме электронных документов.

Однако данные новеллы касаются прежде всего стадий составления протокола, рассмотрения дела и обжалования и не затрагивают непосредственно порядок применения мер обеспечения производства. Меры обеспечения по своей правовой природе требуют физического присутствия должностного лица и лица, в отношении которого они применяются: доставление, задержание, личный досмотр, освидетельствование невозможно провести в дистанционном формате.

Это создаёт определённый дисбаланс: цифровизация охватывает поздние стадии производства, в то время как наиболее ограничивающие права граждан меры остаются в «аналоговом» формате. В то же время отдельные элементы цифровизации уже внедрены в практику применения обеспечительных мер — прежде всего обязательная видеозапись при освидетельствовании на состояние опьянения (ч. 2 ст. 27.12 КоАП РФ) и при ряде других процессуальных действий (ч. 6 ст. 25.7 КоАП РФ). Представляется, что развитие цифровых технологий должно идти по пути унификации требований к видеофиксации применения мер обеспечения и создания единых стандартов качества записи.

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы и предложения:

1. Необходимо конкретизировать понятие «исключительные случаи» в статье 27.3 КоАП РФ, указав исчерпывающий, но расширяемый перечень оснований для административного задержания. Это позволит ограничить усмотрение правоприменителя и предотвратить рутинное применение задержания.

2. Целесообразно дополнить статью 27.7 КоАП РФ легальным определением личного досмотра, указанием на место его проведения и требованиями к обеспечению достоинства лица. Следует рассмотреть возможность допуска видеозаписи как альтернативы понятым при личном досмотре (с согласия досматриваемого), что особенно актуально для малочисленных подразделений.

3. Требуется разработка нормативного акта (ведомственного регламента), регламентирующего использование видеозаписи при применении мер обеспечения производства, с указанием обязательных элементов фиксации: дата, время, место, участники, ход процедуры, результаты, а также требований к непрерывности, полноте и качеству записи.

4. Необходимо уточнить порядок исчисления срока административного задержания, включив в него время доставления, либо чётко разграничить момент начала доставления и момент начала задержания в процессуальных документах.

6. В рамках подготовки нового КоАП РФ целесообразно предусмотреть унифицированные принципы применения мер обеспечения производства, включая принцип соразмерности ограничений прав лица целям применяемой меры, принцип незамедлительности передачи дела на рассмотрение и принцип обязательной процессуальной фиксации каждого этапа применения меры обеспечения.

Библиографический список:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в действующей редакции) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судах при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (в редакции от 09.02.2024) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Стахов А.И., Кононов П.И. Административное право России: учебник для вузов. — 6-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2025. — 646 с.

4. Соколов А.Ю. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях: монография. — Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2015.

5. Беженцев А.А. Законность при административном задержании и личном досмотре: особенности реализации // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. — 2024. — № 2.

6. Панков И.А. Проблемы нормативно-правового регулирования мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях // Молодой учёный. — 2023. — № 27 (499). — С. 148–151.

7. Козаков Д.А. Дела по КоАП РФ станут электронными: обзор нововведений // ГАРАНТ.РУ. — 2025. — 18 июня.

8. Постановление Верховного Суда РФ от 25.08.2022 № 5-АД22-74-К2 // СПС «КонсультантПлюс».

КОРЕЛИНА ЮЛИЯ ИГОРЕВНА – магистрант, Уральский государственный экономический университет, Россия.

Информация для авторов

Журнал «Вестник магистратуры» выходит ежемесячно.

К публикации принимаются статьи студентов и магистрантов, которые желают опубликовать результаты своего исследования и представить их своим коллегам.

В редакцию журнала предоставляются **в отдельных файлах** по электронной почте следующие материалы:

1. Авторский оригинал статьи (на русском языке) в формате Word (версия 1997–2007).

Текст набирается шрифтом Times New Roman Cyr, кеглем 14 pt, с полуторным междустрочным интервалом. Отступы в начале абзаца – 0, 7 см, абзацы четко обозначены. Поля (в см): слева и сверху – 2, справа и снизу – 1, 5.

Структура текста:

- **Сведения об авторе/авторах:** имя, отчество, фамилия.
- **Название статьи.**
- **Аннотация** статьи (3-5 строчек).
- **Ключевые слова** по содержанию статьи (6-8 слов) размещаются после аннотации.
- **Основной текст статьи**.

Страницы **не нумеруются**!

Объем статьи – не ограничивается.

В названии файла необходимо указать фамилию, инициалы автора (первого соавтора). Например, **Иванов И. В.статья.**

Статья может содержать **любое количество иллюстративного материала**. Рисунки предоставляются в тексте статьи и обязательно в отдельном файле в формате TIFF/JPG разрешением не менее 300 dpi.

Под каждым рисунком обязательно должно быть название.

Весь иллюстративный материал выполняется оттенками **черного и серого цветов**.

Формулы выполняются во встроенном редакторе формул Microsoft Word.

2. Сведения об авторе (авторах) (заполняются на каждого из авторов и высылаются **в одном файле)**:

- имя, отчество, фамилия (полностью),
- место работы (учебы), занимаемая должность,
- сфера научных интересов,
- адрес (с почтовым индексом), на который можно выслать авторский экземпляр журнала,
- адрес электронной почты,
- контактный телефон,
- название рубрики, в которую необходимо включить публикацию,
- необходимое количество экземпляров журнала.

В названии файла необходимо указать фамилию, инициалы автора (первого соавтора). Например, **Иванов И.В. сведения.**

Адрес для направления статей и сведений об авторе: magisterjourn@gmail.com
Мы ждем Ваших статей! Удачи!